

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 13-030

ОСЕНЬ 93-го ГОДА

Черные стены Белого дома

Андрей Орлов

ХРАНИТЬ ^(год) вечно ЛЕТ

ОСЕНЬ 93-го ГОДА

Андрей Орлов

Андрей ОРЛОВ

ОСЕНЬ 93-го
Черные стены Белого дома

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 67.401.212
066

Орлов, А.

066 Осень 93-го. Черные стены Белого дома / Андрей Орлов. — М. : Вече, 2014. — 288 с. — (Гриф секретности снят).

ISBN 978-5-9533-5295-6

Знак информационной продукции 16+

В книге рассказывается о малоизвестных эпизодах, связанных с трагическими событиями октября 1993 года, когда политическое противостояние между двумя ветвями власти привело к кровавым столкновениям в самом центре столицы.

Автор повествует о работе опергруппы сотрудников Министерства безопасности РФ и Администрации Президента, которые, решая поставленные перед ними сложные задачи, сделали все для того, чтобы предотвратить ущерб национальной безопасности нашей страны, не дать праворадикальным элементам и представителям иностранных спецслужб воспользоваться обстановкой в своих интересах. Будучи непосредственным участником описываемых событий, автор повествует об обстановке, предшествовавшей расстрелу Белого дома, рассказывает о том, что произошло 3—4 октября, дает свою интерпретацию действиям сторон и последствиям противостояния. В книге приводятся многочисленные документальные материалы, выдержки из публикаций, свидетельства очевидцев и воспоминания участников. По известным причинам имена и фамилии некоторых действующих лиц изменены, а отдельные фрагменты происходящего представляют собой своего рода попытку исторической реконструкции.

События, описываемые в книге, являются продолжением многих эпизодов того времени, ранее рассказанных автором в книге «Докладывать мне лично. Тревожные весна и лето 1993 года», вышедшей в издательстве «Вече» в начале 2013 года.

УДК 94(47)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-9533-5295-6

© Орлов А., 2014
© ООО «Издательский дом «Вече», 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ОТ АВТОРА

Есть события, о которых писать трудно, но что-то внутри подсказывает: надо! Прежде всего, потому, что о событиях этих уже мало кто помнит, а из нынешнего поколения мало кто знает. Разумеется, кроме тех, кому довелось быть участником всего того, что происходило в Москве осенью 1993 года, а также тех, кто стал невольным свидетелем происходящего.

Октябрь 1993 года отделяет от нас уже два десятилетия, но и сегодня даже вдумчивый и внимательный человек вряд ли может сказать, что он в полной мере понимает, что же тогда произошло, каковы были причины столь трагических эпизодов новой российской истории и как отразились они на судьбе нашей страны. До сих пор среди политиков, историков и политологов идут споры о том, можно ли было избежать ожесточенного противостояния, превратившегося в кровавое столкновение, правильно ли поступали те или иные люди, облеченные властью, насколько адекватна была реакция общества на происходящее. Наверное, прошло слишком мало времени, чтобы дать объективные оценки и сделать окончательные выводы. Как всегда, история сама расставит все на свои места.

Несмотря на то что мне довелось узнать о событиях 1993 года не понаслышке, соприкоснуться с некоторыми их непосредственными участниками и быть свидетелем

отдельных драматических эпизодов, я ни в кося мерсе не претендую на полноту освещения того, что произошло, и делюсь с читателем тем, что пережил сам. При этом я старался быть предельно точным в изложении своих впечатлений, подкреплять их документальными материалами и свидетельствами очевидцев, а также вплстать в ткань повествования собственную интерпретацию событий и фактов. Некоторые обстоятельства нуждались в своего рода реконструкции и изложении авторской версии. Кроме того, в ряде случаев я посчитал уместным изменить имена и фамилии участников происходившего в те дни.

Надеюсь на то, что книга поможет читателю хотя бы немного приблизиться к пониманию трагических событий двадцатилетней давности, сформировать свое мнение о них и людях, которые выполняли свой долг в непростых условиях становления новой российской государственности.

9 октября 1993 года, суббота, день.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов

Орлову казалось, что он уже однажды видел все это — то ли в кино, то ли в реальной жизни: покрытые копотью стены, рухнувшие перекрытия, зияющие проломами перегородки, пустые глазницы окон... И еще... стойкий запах гари, которая наполняла все пространство внутри здания. Нет, не той, к которой привыкли москвичи городских окраин, когда весной жгут траву и сизый дым стелется на свободных пространствах, и не той, которую приносит ветер с подмосковных торфяников и болот на беду задыхающихся от нее астматиков, детей и стариков.

Едкий дым, будто впитавшийся в сами стены, напоминал Орлову о пожарах, виденных им наяву еще в детстве. Один из них произошел, когда Андрей был еще совсем маленький. Они тогда жили в деревянном домике в военном лагере, располагавшемся в самой настоящей тайге у реки Белой в Иркутской области. Отец Андрея, офицер-танкист, как и все мужчины, редко бывал дома — то учения, то боевая подготовка, то какие-нибудь сборы. А жены военнослужащих вместе с детьми целыми днями были предоставлены сами себе. Они готовили еду на железных печках, стирали белье, собирали грибы и ягоды, хлопотали по хозяйству и часами сидели на лавочке, о чем-то долго беседуя. Детям все это было неинтересно, и они играли в свои игры — мальчишки — в войну, а девочки — в дочки-матери.

Однажды, это был, наверное, выходной день, несколько офицеров с женами собрались за столом рядом с домиком, где жили Орловы. Взрослые смеялись, пели песни, а дети крутились где-то поблизости практически до самых сумерек. Расходились все неохотно, а поскольку света, кроме как от керосиновых ламп, в домиках не было, скоро и дети и взрослые утихомирились и легли спать. Единственная комнатка в доме была буквально микроскопической, не более восьми квадратных метров, папа с мамой спали на топчане, который стоял вдоль окна, а Андрюша, обняв плюшевого мишку, — на маленькой железной кровати у самой двери.

Уже глубокой ночью, когда все спали, мальчик проснулся. Он почувствовал какой-то страшный запах и закричал: «Нюхить! Нюхить!» Взрослые вскочили и тут же поняли: пожар! Комнатка быстро наполнялась едким дымом, не оставляя времени даже на то, чтобы одеться. Мама подхватила сына, папа схватил первые попавшиеся вещи, и они буквально вылетели на улицу. Крыша уже вся была объята пламенем. Еще несколько мгновений, и деревянный домик вспыхнул как факел, разбрасывая искры в ночном лесу. Из ближайших домов повыскакивали соседи, но сделать уже было ничего невозможно. Хотя в бочках у каждого дома и была вода, но заливать пожар было нечем. На глазах у всех домик Орловых превратился в груды дымящихся углей, а полуодетых погорельцев разместили у себя соседи. Потом еще долго все вспоминали это происшествие, подчеркивая при этом, что именно благодаря маленькому Андрюше все обошлось без тяжелых последствий. Незанятых домиков в военном лагере было много, и вскоре Орловы обжили новый, почти такой же маленький. Вещей у родителей Андрея было немного, и жалеть почти ни о чем не приходилось. Единственное, о чем горевал мальчик, была его любимая игрушка — серый

плюшевый мишка, которого не успели спасти от пожара. Каждый раз, когда Андриюна проходил мимо обугленного остова их прежнего жилья, глаза его наполнялись слезами. Он всматривался в пагромождение черных головешек, все еще надеясь увидеть своего плюшевого друга.

Потом был еще один пожар, когда сгорел пустующий деревянный дом в самом начале Сиреневого бульвара. Андрей возвращался из школы, когда услышал вой сирены и увидел клубы дыма прямо напротив своего дома. Пока пожарники разматывали шланг и искали воду, дом превратился в гигантский костер, тушить который не имело никакого смысла. Вокруг собралась толпа, большую часть которой составляли школьники — было время окончания уроков первой смены. Пожарники еще долго заливали пепелище водой, ворошили обугленные бревна, растаскивая их баграми, а затем уехали. Еще несколько дней в воздухе висел запах гари. Посреди обгоревших бревен виднелись искореженные огнем спинки железной кровати да остатки кирпичной печки с раскрытыми настежь дверцами. Через пару недель остатки пожара вывезли на двух самосвалах, а спустя год на этом месте уже ничто не напоминало о стоявшем когда-то здесь деревянном домике.

Еще большее впечатление на Орлова произвело увиденное им в Душанбе¹ в конце зимы 1990 года, когда взбесившаяся толпа громила здание Совета Министров Таджикской ССР, поджигала машины и киоски. Город вмиг погрузился в хаос, а черный дым стал застилать небо над центром города. Казалось, что Душанбе стал добычей разъяренных банд головорезов, которые врываются в дома, выбрасывали из окон людей, с улюлюканьем преследовали женщин и девушек. Обкуренные

¹ Душанбе — столица Таджикистана, в 1990 году — Таджикской ССР.

молокососы, размахивая металлическими прутами и нунчаками¹, били витрины, переворачивали телефонные будки, избивали любого, кто попадался на их пути. И над всей этой вакханалией висел тяжелый запах гари, который не выветрился даже тогда, когда в город были введены войска и кровавый мятеж подавлен. Массовые беспорядки в таджикской столице, свидетелем которых был Орлов, явились, как известно, прологом к грядущим событиям в Москве, последующему развалу страны и волне кровавого насилия, прокатившегося по некоторым бывшим республикам Советского Союза.

Все это пронеслось в голове Орлова, только он оказался рядом с обугленной громадой здания на Краснопресненской набережной, которое еще недавно именовалась Домом Советов, а теперь представляло собой жалкое зрелище, олицетворяющее весь ужас происходившего в последние дни, глубину падения и позор некогда великой страны.

Предъявив на входе в восьмой подъезд удостоверения сотрудников министерства безопасности, Орлов и Жуков, не без труда преодолевая кучи мусора, скопившиеся в холле, наконец, оказались внутри Белого дома. Если снаружи здание производило впечатление обгорелого остова гигантского форта, отбитого у неприятеля, то внутри все выглядело как катакомбы Брестской крепости или цеха прекратившего работу завода, разгромленного и разграбленного войсками противника. Света, разумеется, нигде не было. В полумраке можно было едва разглядеть, что пол усеян каменной крошкой и осколками стекла. Повсюду валялась разломанная мебель — столы, стулья, банкетки, шкафы и вешалки. В мрач-

¹ Нунчаки — восточное холодное оружие ударно-раздробляющего действия в виде двух коротких палок, соединенных шнуром или цепью.

ной глубине вестибюля виднелись горы какого-то тряпья или одежды, пустых подсумков и военного обмундирования, мотки проводов и куски арматуры, сваленные в кучу ящики, разодранные картонные коробки и множество опустошенных пластиковых бутылок. Пол был залит по щиколотку водой, кое-где были брошены доски, балансируя по которым, можно было преодолеть затопленные места. Повсеместно валялись рваные газеты, листовки и бумаги, превратившиеся в лужах воды в раскисшее грязное месиво.

— Проходите! — безразлично буркнул солдат в каске и серой замызганной шинели, поверх которой был надет бронжилет. На ремне через плечо у него висел автомат, опущенный дулом вниз. Рядом с ним в дверях стояло еще человек пять-шесть, также одетых в шинели с бронжилетами. На больших диванах, которые были сдвинуты друг к другу, вповалку лежали бойцы, порождая в воображении Орлова странные ассоциации. Ему на миг показалось, что он находится в поверженном Берлине в вестибюле немецкого железнодорожного вокзала, только что взятого штурмом нашими солдатами, которые, как только появилась небольшая передышка после ожесточенного боя, в изнеможении повалились на пол и заснули мертвым сном. И здесь повсюду стоял стойкий запах гари, смешанный с запахом паленой резины и отвратительной вонью нечистот.

— Как тут лучше подняться наверх? — спросил Орлов у солдатика, хотя раньше неоднократно бывал в Белом доме и неплохо ориентировался в его коридорах. Но сейчас, в полутьме помещений, он не был уверен, что легко найдет переход в центральную часть здания.

— Лестница там! — солдат указал на дверной проем с распахнутыми двухстворчатыми дверями. — Только вы там вряд ли пройдете! Там сплошной завал! Попробуйте!

Офицеры министерства безопасности с большим трудом преодолели баррикаду из стульев и кресел, которая пресграждала путь, и стали подниматься по лестнице на пятый этаж. Окна, выходящие на лестничную клетку, были в основной своей массе разбиты, расположенные вдоль них металлические ограждения погнуты, а кое-где даже смяты. На этажах царило полное запустение, здесь также было много мусора и грязи, которые покрывали едва различимые под ними ковровые дорожки. Стены лестничной клетки в некоторых местах были испещрены пулевыми отверстиями и осколками.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...К моменту моего прибытия в Белый дом его состояние было следующим: Только по цоколю и первому этажу насчитывалось 48 проломов. Большинство дверей кабинетов, хранилищ, складов выломаны. В кабинетах и коридорах здания было много мусора, большая часть компьютеров, факсов, ксероксов, телефонных аппаратов и другой оргтехники повреждена и в беспорядке разбросана по помещениям, валялись боеприпасы, противогазы, оружие. В большом количестве в комнатах здания находилось спиртное, продукты питания. В коридорах и на лестничных площадках сооружены баррикады, завалы из мебели, аппаратуры и т.д. ... 12, 13 этажи выгорели частично, а с 15 по 19 этажи полностью...» *(Из рассказа А.Г. Баскаева, в октябре 1993 года — коменданта Белого дома. — Москва. Осень-93. Хроника противостояния. Москва, 1994 год.)*

Долго плутая по темным коридорам, натыкаясь то и дело на группки вооруженных автоматами солдат, милиционеров и гражданских лиц, неизвестно что делающих здесь, Орлов с Жуковым, наконец, достигли «стакана», как называли

центральную часть здания, и выбрались на лестницу, ведущую к верхним этажам. Здесь было достаточно оживленно. Повсюду сновали какие-то люди в рабочей одежде, на многих были респираторы. Как и в крыле восьмого подъезда, здесь было много военных и милиционеров, вдоль лестничных маршей были проложены пожарные рукава и планги, кабели и провода. Во всем здании не было света, естественно, не работали лифты, отсутствовала вода в кранах и не функционировала канализация. Сверху постоянно капала грязная жижа, растекавшаяся по паркетным полам, делающая ступени скользкими и липкими.

Чем выше Орлов с Жуковым поднимались по лестнице, тем явственнее чувствовался едкий запах гари. Когда они достигли той части «стакана», которая еще несколько дней назад полыхала ярким факелом на фоне темного московского неба, стало понятно, что они добрались до эпицентра недавнего пожара в самом центре Москвы, вызванного не нарушениями правил противопожарной безопасности или неожиданной искрой в результате короткого замыкания, и даже не преднамеренным поджогом, совершенным злоумышленником. Причиной пожара было попадание в здание снарядов из танков, стоящих на Калининском, или как его теперь называли Новоарбатском мосту, которые стреляли прямой наводкой по Дому Советов — согласно Конституции — высшему законодательному органу Российской Федерации.

* * *

Как стало это возможным? Почему произошло то, что трудно было допустить даже в страшном сне? Что случилось со страной и людьми, еще недавно живущими общими радостями и бедами?

Орлов смотрел на то, что еще совсем недавно имснова-лось зданием Верховного Совета Российской Федерации, и не мог поверить своим глазам. Перед ним — громадные, сторевшие, источающие зловоние развалины, обугленная коробка с черными глазницами окон, разгромленные, за-гаженные коридоры, холлы и кабинеты некогда белокамен-ного ажурного дворца на набережной Москвы-реки рядом с домом в виде раскрытой гигантской книги.

— Смотри-ка, Андрей! — Жуков указал на пачку стан-дартных машинописных листков, лежащих на полу и при-сыпанных штукатуркой. Они были повернуты обратной стороной вверх так, что текста не было видно. — Давай поглядим, что это.

Юра поднял листки, стряхнув штукатурку и известко-вую пыль. На слегка смятой странице снаружи отчетливо был виден отпечаток солдатского сапога. Жуков перевернул пачку, провел по ней рукой, счищая налет грязи. В правом верхнем углу стоял строгий гриф.

— Ого! — Юра даже присвистнул. — Это в коридоре! А что делается в кабинетах!

Прочитав наименование многостраничного документа, чекисты многозначительно переглянулись: документ был чрезвычайно серьезным, посвященным крайне важным вопросам обороноспособности страны, и, само собой разумеется, не должен был валяться на полу, где любой мог запросто сунуть его себе в карман и бросить в кучу мусора.

Андрей аккуратно убрал документ в папку, и они про-должили путь наверх. Навстречу им все чаще попадались рабочие, которые несли в руках или на носилках большие бумажные мешки, наполненные мусором и каменным крошевом.

— Так они выбросят на свалку все документы! — с тревогой в голосе проговорил Андрей. — Что потом делать будем?

Юра только усмехнулся в ответ.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Оказавшись в Белом доме, я был потрясен увиденным. Я узнавал и не узнавал коридоры, лестницы и холлы, в которых не раз бывал в течение последних двух лет. Здесь работали знакомые депутаты — Степашин, Большаков, Белобородов... Когда проводилась парламентская проверка министерства безопасности и мы с Пашей Русских готовили итоговую справку, нам приходилось почти каждый день бывать в Комитете по вопросам обороны и безопасности. Кроме того, меня несколько раз руководство посылало на разные встречи и обсуждения. Помню, как пришлось участвовать в дискуссии между нашими парламентариями и представителями НАТО¹. Я тогда даже блеснул своими знаниями о военной интеграции! Диссертация-то была о многосторонних ядерных силах НАТО! У назовцев тогда даже челюсть отвисла!» *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

Поднявшись чуть выше, они оказались в сплошном массиве рухнувших межкомнатных перегородок и потолочных перекрытий, железной арматуры и труб, спутанных кабелей, гор разбитого кирпича и обломков бетона. Все это было перемешано какой-то гигантской силой, расплавлено и обуглено, покрыто черной копотью и известковой пылью. От всех

¹ НАТО, или Североатлантический блок, — военно-политический блок государств, главенствующую роль в котором играют США.

этих останков бывших помещений исходил отвратительный запах смеси горелого дерева, пластмассы и резины, обильно залитых водой, которая и здесь кое-где стояла в лужах, струйками стекала вниз по лестнице. Все, что они видели, напоминало кадры военной кинохроники — превращенные в руины дома, внутренности зданий, ставшие после бомбежки и артобстрела свалками мусора и обломков. Трудно было поверить в то, что они находятся в центре Москвы, в одном из правительственных зданий столицы.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «... По словам технических работников «Белого дома», срочно вызванных на работу 9 октября, в здании были пробиты пулями все стены комнат напротив дверей и коридоров, мебель, двери, трубы отопления, лестницы, подвальные помещения, места, не простреливаемые снаружи. По характеру пробоя было видно, что штурмующие без разбора поливали впереди себя все автоматными очередями... На полу у дверных проемов оказалось огромное количество отстрелянных гильз.

В комнатах среди битого стекла валялись фуражки разного вида, окровавленные бинты и многочисленные тряпки, пропитанные кровью... Ковровые дорожки, покрывавшие бесконечные коридоры «Белого дома», оказались местами пропитаны кровью, водой и мочой...»
(И. Иванов. Анафема. Москва, 2003 год.)

Андрей, с трудом преодолев один из завалов, не без опаски подобрался к оконному проему. От рам и внутренних отделочных панелей не осталось и следа. Из закопченных стен лишь торчали какие-то металлические штыри, напоровшись на которые можно было серьезно пораниться.

— Ты куда? — с удивлением спросил Юра. — Смотри, не свались!

Окна действительно были довольно низко от пола, а после того как его усеяли груды обломков, вообще превратились в опасные проломы, куда время от времени осыпались обугленные куски штукатурки. Здесь всюду гулял ветер, в воздухе кружились хлопья пепла и едкая пыль, которая бывает на месте больших пожарниц.

Андрей подобрался как можно ближе к окну. Держась одной рукой за торчащий из рухнувшей бетонной балки металлический штырь, он посмотрел в оконный проем. Отсюда открывался изумительный вид на Москву-реку, Новоарбатский мост, гостиницу «Украина», Киевский вокзал и широкую ленту Кутузовского проспекта, по которому двигались вереницы машин. Снизу доносился едва различимый гул, вобравший в себя тарактение автомобильных моторов, шелест шин по влажному асфальту, редкие гудки и сирены служебного автотранспорта. К этому гулу примешивались звуки отбойного молотка, звон бьющегося стекла, громыханье листов железа, рокот моторов бэтээров¹ и самосвалов, топот солдатских сапог по мостовой и чуть слышные голоса.

Открывающийся с пятнадцатого этажа вид на столицу казался нереальным, даже в чем-то фантастическим. Разум не мог соединить вместе два взаимоисключающих образа — громадную обугленную руину и живущий, как ни в чем не бывало, большой город. Казалось, что оконный проем — это всего лишь гигантский экран, на котором демонстрируется какая-то совершенно другая жизнь, никак не связанная с многоэтажным зданием бывшего Верховного

¹ Бэтээр — бронстранспортер.

Совета. В этой жизни — спешат по своим делам пешеходы, двигаются друг за другом автомобили, нетерпеливо гудящие перед долго незажигающимся светофором или замсפקавшимся водителем впереди стоящей машины. И им всем нет никакого дела до покрытого копотью дома, который всего несколько дней назад именовался Домом Совстов.

* * *

Нереальность окружающей обстановки повергла Орлова в состояние, похожее на оцепенение, — он вроде все видел и слышал и в то же время как будто пребывал во сне. События последних недель буквально перевернули в голове Андрея восприятие действительности, опрокинули представления о допустимости происходящего, потрясли его до глубины души. Возможно, сходные чувства испытывали и его коллеги, которым довелось уже побывать внутри, а также многие тысячи людей, проходящие мимо закопченных стен здания на Краснопресненской набережной.

Всего лишь восемнадцать дней назад, 21 сентября, президент подписал Указ № 1400, который впоследствии так и стал именоваться «указом четырнадцать два нуля», положившим начало скоротечному процессу силового развязывания накопившихся противоречий между исполнительной и законодательной властью, между сторонниками Ельцина и Хасбулатова¹, между приверженцами и противниками радикальных реформ. С изданием указа фактически была подведена черта под бесплодными дискуссиями о дальнейших путях развития страны, констатирован переход от

¹ Хасбулатов Руслан Имранович (1942) — народный депутат, Председатель Верховного Совета Российской Федерации в 1991—1993 годах.

поиска компромиссов к жесткой силовой конфронтации. В это мощное противостояние были вовлечены массы людей, причем большая их часть с трудом разбиралась в сути противоречий. Каждая сторона обвиняла другую в стремлении узурпировать власть, свергнуть страну в хаос и, в конечном счете, привести ее к гибели.

В восемь часов вечера 21 сентября президент Ельцин издал указ, который тут же был оглашен всеми средствами массовой информации.

ДОКУМЕНТ: «...В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны.

Прямое противодействие осуществлению социально-экономических реформ, открытая и повседневно осуществляемая в Верховном Совете обструкция политике всенародно избранного Президента Российской Федерации, попытки непосредственного осуществления функций исполнительной власти вместо Совета Министров со всей очевидностью свидетельствуют о том, что большинство в Верховном Совете Российской Федерации и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной на референдуме 25 апреля 1993 года...

Съезд и Верховный Совет предпринимают систематические и все более активные усилия узурпировать не только исполнительную, но даже и судебную функции...

В сложившихся условиях единственным соответствующим принципам народовластия средством прекращения противостояния Съезда, Верховного Совета, с одной стороны, Президента и Правительства, с другой,

а также преодоления паралича государственной власти, являются выборы нового Парламента Российской Федерации...

Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу;

учитывая не удовлетворяющее парламентским стандартам качество работы Верховного Совета и Съезда народных депутатов Российской Федерации;

принимая во внимание, что безопасность России и ее народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти;

в целях:

сохранения единства и целостности Российской Федерации;

вывода страны из экономического и политического кризиса;

обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации;

восстановления авторитета государственной власти;

основываясь на статьях 1, 2, 5, 121⁵ Конституции Российской Федерации, итогах референдума 25 апреля 1993 года,

постановляю:

1. Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. До начала работы нового двухпалатного парламента Российской Федерации — Федерального Собрания Российской Федерации — и принятия им на себя соответствующих полномочий

руководствоваться указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему Указу...

8. Полномочия представительных органов власти в субъектах Российской Федерации сохраняются.

9. Заседания Съезда народных депутатов Российской Федерации не созываются...

Сотрудники аппарата Верховного Совета Российской Федерации и обслуживающий персонал направляются в отпуск до 13 декабря 1993 года с сохранением содержания...

14. Министерству внутренних дел Российской Федерации, Министерству безопасности Российской Федерации, Министерству обороны Российской Федерации принимать все необходимые меры по обеспечению государственной и общественной безопасности в Российской Федерации с ежедневным докладом о них Президенту Российской Федерации...

17. Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания...

Выражаю надежду, что все, кому дороги судьба России, интересы процветания и благополучия ее граждан, поймут необходимость проведения выборов в Государственную Думу Федерального Собрания для мирного и легитимного выхода из затянувшегося политического кризиса.

Прошу граждан России поддержать своего Президента в это переломное для судьбы страны время...» (Из Указа Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

«О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября № 1400.)

Столь радикальные решения требовали и радикальных действий. В связи с этим было важно, в какой степени силовики готовы поддержать курс президента на конституционную реформу и роспуск Верховного Совета.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я внимательно следил за реакцией руководящего состава министерства. Большинство руководителей я лично знал, многие годы работали вместе. Это были опытные люди, профессионалы в своем деле, некоторые из них прошли через серьезные испытания после событий ГКЧП¹. Было заметно, что для большинства руководителей такие решительные шаги президента были ожидаемы, никто не высказывал несогласия с ними. Я обратился с вопросом, имеет ли кто отличную от президента личную позицию? Если да, то выскажите свое мнение, и эта откровенность будет воспринята с пониманием. По крайней мере, увольнение или наказание не последуют; лучше честность, чем молчаливое согласие или последующее предательство...» (Н.М. Голушко. *В спецслужбах трех государств. Москва, 2009 год.*)

ВОСПОМИНАНИЯ: «Во вторник собрал нас Голушко. Нас пригласили к одиннадцати или к десяти, сейчас

¹ ГКЧП (сокр.) — Государственный комитет по чрезвычайному положению — самопровозглашенный орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 года в составе первых лиц правительства, которые выступили против проводимых Президентом СССР М.С. Горбачевым реформ, приведших к развалу страны.

точно не помню... Мы знали, что уже подписан указ... Мы, все руководители подразделений министерства безопасности, нас было двадцать семь человек. Николай Михайлович говорит:

— Двадцать первого подписан Указ Президента № 1400, касающийся конституционной реформы...

Он зачитал текст. Мы были ошеломлены. Все понимали — это война...

Голушко спрашивает:

— Вопросы есть?

Тишина. Вопросов нет.

Министр тогда говорит:

— Скажу о том, что нас касается. Нам надо контролировать обстановку и своевременно докладывать руководству страны... — И еще сказал фразу:

— Тот, кто не согласен с этим указом, может написать рапорт и уйти со службы.

После этого мы разошлись...» *(Из воспоминаний Е.М. Бойкова, в 1992—1993 годах — начальника управления министерства безопасности.)*

Реакция Верховного Совета на указ Ельцина последовала незамедлительно. Спустя два часа после оглашения президентского указа о роспуске парламента высший законодательный орган принял постановление, которое также как и указ президента было распространено всеми средствами массовой информации.

ДОКУМЕНТ: «В связи с Указом Президента Российской Федерации «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400, которым прекращены деятельность закононо

избранных Съезда народных депутатов Российской Федерации, Верховного Совета Российской Федерации, а также полномочия народных депутатов Российской Федерации, Президиум Верховного Совета Российской Федерации постановляет:

1. На основании статьи 121⁶ Конституции Российской Федерации считать полномочия Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина прекращенными с момента подписания названного Указа.

2. Названный Указ в соответствии с частью второй статьи 121⁸ Конституции Российской Федерации не подлежит исполнению.

3. Согласно статье 121¹¹ Конституции Российской Федерации признать, что вице-президент Российской Федерации А.В. Руцкой приступил к исполнению полномочий Президента Российской Федерации с момента подписания Указа.

4. Созвать 22 сентября 1993 года внеочередное заседание Верховного Совета Российской Федерации с повесткой дня «О государственном перевороте в Российской Федерации...» (Из Постановления Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 5779-1 «О немедленном прекращении полномочий Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина»).

Появление этих противоречащих друг другу документов высших органов государственной власти отдаленно напоминало Орлову то, что творилось в августе 1991 года, когда Государственный комитет по чрезвычайному положению, куда входило большинство высших должностных лиц СССР, пытался отрешить от власти тогдашнего пре-

зидента страны Горбачева, а Ельцин, заявив, что происходит государственный переворот, объявил членов ГКЧП преступниками и заговорщиками. Тогда, казалось, Ельцин и Хасбулатов, а также их сторонники были сплоченной командой, которой в три дня удалось кардинальным образом изменить обстановку и, по существу, перехватить власть у Горбачева. Именно в те дни был подписан смертельный приговор Советскому Союзу и положено начало тотальному развалу всего того, что составляло богатство и достижения великой державы.

Теперь же бывшие соратники стали непримиримыми врагами, готовыми к самым решительным действиям, вплоть до применения силы. Еще вчера они стояли бок о бок на балконе Белого дома, клеймя позором коммунистический режим и преступную КПСС¹, а сегодня награждали друг друга самыми оскорбительными эпитетами и проклятиями. И пошло-поехало!

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Верховный Совет как государственный институт находится сейчас в состоянии политического разложения. Он утратил способность выполнять главную функцию представительного органа — функцию согласования общественных интересов. Он перестал быть органом народовластия.

Власть в российском Верховном Совете захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримиримой оппозиции. Прячась за спинами депутатов, паразитируя на коллективной безответственности тайных голосований, она подталкивает Россию к пропасти...

¹ КПСС (сокр.) — Коммунистическая партия Советского Союза.

Безопасность России и ее народов — более высокая ценность, чем формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной властью, которая окончательно дискредитировала себя. Наступило время самых серьезных решений...» *(Из Обращения Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина к гражданам России 21 сентября 1993 года.)*

ДОКУМЕНТ: «...президент пошел на крайние, заранее запланированные действия по свержению конституционного строя и свертыванию демократии. В России совершен государственный переворот, введен режим личной власти президента, диктатуры мафиозных кланов и его проворовавшегося окружения. Мы являемся свидетелями преступных действий, открывающих путь к гражданской войне, в которой не будет победителей и побежденных. Может стать реальностью кровавая трагедия миллионов людей...

Основываясь на Конституции Российской Федерации, Президиум Верховного Совета объявляет о введении в действие ее статьи 121⁶ об отрешении Б.Н. Ельцина от должности Президента Российской Федерации в связи с приостановлением им деятельности официально избранных органов власти как инициатора государственного переворота...» *(Из Обращения Президиума Верховного Совета Российской Федерации. 21 сентября 1993 года.)*

Все, что происходило потом, казалось страшной фантасмагорией — руководители ветвей власти поливали друг друга грязью, обвиняя во всех смертных грехах, призывали полностью дезориентированных граждан поддержать ту

или другую сторону. В истеричный хор противоборствующих лагерей включились известные писатели, ученые, артисты, музыканты...

Объявив высший законодательный орган распущенным, президент назначил выборы в Федеральное Собрание и поручил разработать новую Конституцию, в которой уже не было места Верховному Совету. Новое государственное устройство должно было предусматривать образование двухпалатного парламента, состоящего из Государственной думы и Совета Федерации.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Сергей Александрович (Филатов. — *Авт.*) человек спокойный, уравновешенный, его трудно чем-либо вывести из себя. Но в этот раз он горячо и эмоционально стал убеждать меня отказаться от этого плана. Говорил, что указ никто не поддержит, что мы обрекаем себя на противостояние со всеми регионами России, что такой антидемократический метод решения конфликта властей страны Запада не поддержат, что мы окажемся в полнейшей международной изоляции... Сергей Александрович — умный, честный, добросовестный, симпатичный мне человек, но я видел, что он сейчас не чувствует политическую ситуацию. Он остался в прошлом, в том пространстве компромиссов и уступок, в котором и я находился до последнего времени...» (*Б.Н. Ельцин. Записки Президента. Москва, 1994 год.*)

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Мы не рассчитывали на абсолютное принятие Указа № 1400 окрепшей под крышей Белого дома оппозицией, к тому же нашедшей уверенную опору в лице Председателя Конституционного суда

Зорькина В.Д. Но об углублении тупиковой ситуации взаимоотношений между властями на многих съездах народных депутатов и сессиях Верховного Совета говорил именно этот депутатский корпус... Указ и звал к новым выборам депутатов в высший законодательный орган — Государственную Думу, открывал перспективу принятия новой Конституции.

В общем-то расчет был на разумное восприятие и народными избранниками и оппозицией действий высшего должностного лица страны...» (С.А. Филатов. *На пути к демократии. Москва, 1995 год.*)

Верховный Совет в качестве ответных мер отстранил Ельцина от должности, возложил исполнение его обязанностей на вице-президента Руцкого и назначил новых ключевых министров — обороны, внутренних дел и безопасности, что, по существу, привело к образованию двух центров власти — в Кремле и в Доме Советов.

Большинство граждан страны, разумеется, не могли разобраться в существе происходящих событий. Каждый воспринимал их через призму собственного опыта и отношения к политическим лидерам. Кому-то нравился Ельцин, в конце восьмидесятых годов активно выступавший против партийной номенклатуры и проявивший решительность в противодействии ГКЧП в 1991 году. Кто-то, уже почувствовав на собственной шкуре плоды распада Советского Союза и деградацию экономики, отдавал предпочтение депутатскому корпусу, видя в нем защитников интересов трудящихся. Кто-то не мог терпеть скрипучий голос Хасбулатова и презрительно именовал депутатов «дерьмократами», считая, что только сильная власть может навести порядок в стране, охваченной вихрем разрушения и криминальными разборками.

Орлов, уже более полугода работавший в Администрации Президента на Старой площади, естественно, оказался в круговороте событий. Будучи сотрудником министерства безопасности и имея прямой доступ к руководителю Администрации Филатову, он не мог оставаться в стороне от происходящего. Более того, как офицер спецслужбы, он был в курсе многих вещей, о которых не подозревали не только простые граждане, но и даже искусные в закулисных интригах чиновники староплощадских кабинетов. Но и ему резко обострившееся противостояние между президентом и Верховным Советом казалось чем-то из ряда вон выходящим, способным враз превратить словесную перепалку в реальную перестрелку, чего два года назад, по существу, удалось избежать не без помощи российских органов государственной безопасности. Тогда российский КГБ¹ предпринял невероятные усилия для того, чтобы органы безопасности не оказались втянутыми в противостояние и не стали инструментом развязывания кровавой бойни. Трос парней, погибших в августе 1991 года в подземном туннеле на перекрестке Калининского проспекта и Садового кольца, стали жертвами массовых беспорядков, прокатившихся по Москве уже тогда, когда войска, так и не предприняв никаких силовых акций, покидали Москву.

После объявления «указа четырнадцать два нуля» события приняли характер обвала. В ночь с 21-го на 22 сентября Конституционный Суд после ожесточенных споров большинством голосов принял решение в пользу Верховного Совета.

ДОКУМЕНТ: «Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина,

¹ КГБ (сокр.) — Комитет государственной безопасности.

заместителя Председателя Н.В. Витрука, секретаря Ю.Д. Рудкина, судей Э.М. Аметистова, Н.Т. Ведерникова, Г.А. Гаджиева, А.Л. Конопова, В.О. Лучина, В.И. Олейника, Н.В. Селезнева, О.И. Тиунова, Б.С. Эбзеева, рассмотрев в судебном заседании действия и решения Президента Российской Федерации...

пришел к заключению:

Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 года не соответствуют части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 104, абзацу третьему пункта 11 статьи 121⁵, статье 121⁶, части второй статьи 121⁸, статьям 165¹, 177 Конституции Российской Федерации и служат основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121¹⁰ и 121⁶ Конституции Российской Федерации...» *(Из Заключения Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом от 21 сентября 1993 года «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года.)*

После такой мощной поддержки со стороны Конституционного Суда Верховный Совет стал принимать одно постановление за другим: о возложении обязанностей прези-

депта на Руцкого, о замене силовых министров — министра безопасности Голушко на Баранникова, министра обороны Грачева на Ачалова, министра внутренних дел Ерина на Дунаева, об освобождении от должности руководителя Администрации Президента Филатова...

ВОСПОМИНАНИЯ: «...Руководство Верховного Совета и сам Руцкой находились в состоянии эйфории. Они уже делили шкуру Ельцина и его безграничную власть. Жажда политической мести и чисто человеческая мелочность застилали им глаза. В итоге, как я и предупреждал, поспешные кадровые решения Руцкого лишили Верховный Совет поддержки со стороны руководства армии и милиции. Перепуганные силовики взяли сторону Кремля. Это и предрешило исход схватки...» *(Д.О. Розозин. Ястребы мира. Дневник русского посла. Москва, 2010 год.)*

Президент Ельцин в ответ на решения парламента нанес ответный удар — объявил любые указы Руцкого «незаконными и не подлежащими исполнению», а для того, чтобы привлечь на свою сторону депутатов, издал специальный указ.

ДОКУМЕНТ: «С целью обеспечения государственных гарантий социальной защиты народных депутатов Российской Федерации созыва 1990—1995 годов и в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» постановляю:

1. Народным депутатам Российской Федерации созыва 1990—1995 годов предоставляются следующие социальные гарантии:

а) до начала работы Федерального собрания Российской Федерации народные депутаты... не могут быть привлечены к уголовной ответственности, арестованы или подвергнуты мерам административного взыскания, налагаемого в судебном порядке, без согласия Президента Российской Федерации;

б) народные депутаты... осуществлявшие депутатскую деятельность в Верховном Совете Российской Федерации или его органах на постоянной основе, и члены Верховного Совета Российской Федерации получают единовременное денежное пособие в размере годовой заработной платы из расчета их месячной заработной платы на момент прекращения депутатских полномочий (21 сентября 1993 г.);

в) народные депутаты... не осуществлявшие депутатскую деятельность в Верховном Совете Российской Федерации или его органах на постоянной основе, получают единовременное денежное пособие в 12-кратном размере ежемесячных расходов, связанных с депутатской деятельностью, на момент прекращения депутатских полномочий...» (Из «Указа Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина «О социальных гарантиях для народных депутатов Российской Федерации созыва 1990—1995 годов» 23 сентября 1993 года № 1435.)

Указ предоставлял депутатам, которые добровольно прекратят свою деятельность и покинут здание на Краснопресненской набережной¹, множество различных льгот и привилегий — трудоустройство, передачу служебного

¹ Имеется в виду здание Верховного Совета Российской Федерации, находящееся на Краснопресненской набережной.

жилья в собственность, высококачественное медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение, право на досрочную пенсию в размере не ниже 75 процентов заработной платы члена парламентского комитета. И так далее и тому подобное. При этом полностью прекращалось финансирование деятельности самого Верховного Совета.

Некоторые высшие должностные лица ельцинской команды стали предпринимать активные попытки перетянуть на свою сторону сторонников Рудского и Хасбулатова. Даже министр безопасности Голушко попытался повлиять на своего предшественника Баранникова¹, получившего «новое назначение» от «нового президента».

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я с помощью одного нашего сотрудника, который был в хороших отношениях с одним депутатом, установил практически постоянный контакт с Баранниковым, находящимся в Белом доме. И тот сотрудник пару раз по моей просьбе ходил в Белый дом... И как-то в два часа ночи мне звонит Баранников:

— Коля, видишь, какая ситуация!

Я ему отвечаю:

— Что ж, вы влипли! Теперь это ударило и по престижу министерства безопасности, которое ты сам создавал!

— Коля, я здесь, чтобы война не началась!

Я говорю:

— Знаешь, Виктор Павлович, у тебя не очень хорошее здоровье, сердце. Мое предложение — завтра в

¹ Баранников Виктор Павлович (1940—1995) — министр безопасности в 1992—1993 годах. Был освобожден Ельциным от должности по коррупционным основаниям.

восемь часов утра подойди к оцеплению... Мы тебя выкрадем! Отправим тебя в санаторий «Семеновское»... Ну, куда ты полез?!

Он мне перезвонил и говорит:

— Все, в восемь часов утра вот в таком-то месте буду.

Я поставил там «наружку»¹... Она ж там круглосуточно работала... Ну, я думал, все — провернули операцию с Баранниковым! А он не пришел! Потом все-таки позвонил и сказал:

— Я назначен министром безопасности и хочу приехать в министерство.

А я ему:

— Во-первых, кто тебя пустит в здание? А во-вторых... — Тут я ему довольно резко ответил. В общем, он отрезал себе путь...» (Из воспоминаний Н.М. Голушко, в 1993—1994 годах — министра безопасности.)

25 сентября в Белом доме была отключена телефонная связь, через некоторое время прекратилось водоснабжение, перестала работать канализация, выключился свет. С внешней стороны Белый дом был оцеплен двойным кольцом сотрудников милиции и ОМОНа. Внутри Дома Советов решали вопрос о повсеместной выдаче огнестрельного оружия и противогазов. В Москве проходили воинственные митинги в поддержку той и другой стороны. По территории Российской Федерации прокатилась волна раздора и ожесточения. Ситуация, казалось, вот-вот выйдет из-под контроля. В воздухе опять, как и в августе 1991 года, запахло гражданской войной.

¹ «Наружка» — наружное наблюдение на сленге сотрудников органов безопасности.

* * *

Орлов, еще раз бросил взгляд на улицы, как ни в чем не бывало запруженные машинами, и задумчиво сказал:

— Жизнь берет свос. Странно, еще неделю назад здесь был настоящий бой, а теперь...

Юра только кивнул в ответ. И только потом, когда Андрей отошел от оконного проема и поравнялся с ним, чуть ли не шепотом, проговорил:

— Да, мы еще долго будем ломать голову, что это было. Ясно лишь одно — произошло то, что в принципе не могло... не должно было произойти! Это же надо! Расстрелять собственный парламент! В центре столицы! На глазах всего мира! Я не знаю, были ли подобные прецеденты в истории...

— Ладно, Юра, сейчас нам не до того! Потом разберемся. Надо срочно докладывать наверх. Иначе может случиться непоправимое. Ты же видишь, сколько здесь бумаг буквально под ногами. А сколько еще по кабинетам! Ни я, ни ты не можем исключить, что найдутся люди, для которых эти документы могут представлять особый интерес.

— Да, я уже слышал, что несколько иностранных корреспондентов добиваются, чтобы их пустили в сюда... Готовят, так сказать, репортажи о предотвращении попытки государственного переворота! Да некоторым депутатам уже разрешили взять из своих кабинетов личные вещи.

— А сколько тут разных ремонтников, рабочих и всякого технического персонала! Скоро придут турецкие рабочие. Решение о том, что Белый дом будут восстанавливать турки, по-моему, уже принято.

— Да, я знаю, — согласился Юра. — Пошли, мне здесь все ясно! Только учти, Андрей, докладывать — тебе! Мои начальники сейчас в это дело ввязываться не будут.

— Это и мне понятно. Я вчера разговаривал с... — Андрей назвал имя одного из заместителей министра безопасности. — Так он сказал мне, чтобы я не втягивал его в «это дело». Мол, в Белом доме все в порядке, а «кому нужно, тот и займется документами». Я, честно говоря, удивился, кто еще кроме нас может решать задачи обеспечения безопасности и сохранности государственных секретов. Тем более что там вообще нет наших сотрудников!

— Понимаешь, Андрей, — Юра серьезно посмотрел на Орлова, — чекистов столько раз подставляли за последнее время, что уже никто не хочет рисковать и становиться «козлом отпущения»!

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «В последние годы органы безопасности не раз оказывались «стрелочниками», ответственными за те или иные просчеты или недальновидность властей. В советское время их бросали на борьбу с диссидентами и провалами в экономике, в девяносто первом разрывали между двумя центрами, дающими взаимоисключающие команды — ГКЧП и Президентом России. То же произошло и в девяносто третьем, только вместо ГКЧП был Верховный Совет. Будучи законопослушными исполнителями установок власти, чекисты оказывались в трудном положении выбора, поскольку каждая сторона конфликта стремилась привлечь их на свою сторону.

Прокатившиеся по странам Восточной Европы революции конца 80-х, больше похожие на гражданские войны, сделали ответственными за массовые беспорядки и гибель людей именно сотрудников органов безопасности, превратили многих из них в изгоев и даже преступников. Те, кто служили государству верой и правдой, в условиях

крушения этого государства становились виновниками всех бед, на которых толпа вымещала свою ненависть».
(Из воспоминаний А.П. Орлова.)

— Ты прав. Поэтому придется «этим делом» заниматься нам. Поехали на Старую! Надо немедленно написать и доложить записку Филатову. Завтра может быть уже поздно!

Они снова преодолели завалы и кучи мусора, прежде чем достигли лестницы. Лифтовый холл, зияющий чернотой шахт, был растерзан и выглядел как подвал имперской канцелярии в Берлине в 1945 году. Во всяком случае, Андрей именно так представлял себе последнее пристанище гитлеровской верхушки.

Спускаясь по лестнице, засыпанной кусками бетона и известковой пылью, которая превратилась под воздействием стекающей воды в хлюпающую под ногами грязь, они добрались до основной части здания и не без труда вышли к холлу восьмого подъезда. Наталкиваясь в темных коридорах на завалы из мебели и мусора, они несколько раз сбивались с пути, поцарапали руки и набили себе синяки, ударяясь об острые углы столов и каких-то ящичков. Оказавшись на улице, Андрей и Юра посмотрели друг на друга и... чуть не рассмеялись. Несмотря на весь драматизм и серьезность обстановки, нельзя было иначе реагировать на то, как они стали выглядеть после двухчасового блуждания по этажам Белого дома. У обоих волосы стали белыми от пыли, лоб и щеки были вымазаны в сажу, как будто они работали кочегарами, плащ Андрея и Юрина куртка, а также брюки обоих выглядели, словно ими долго вытирали грязный пол. Кроме того, на одной из брючин Андрея был вырван лоскут ткани, оголяя колено. В общем, своим внешним видом они никак не тянули на офицеров контрразведки, а скорее по-

ходили на двух бомжей, проникших в здание, чтобы чем-нибудь пожить. Впрочем, немногочисленные рабочие, встречавшиеся им на пути, выглядели не лучше.

9 октября 1993 года, суббота, вечер.

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.

Кабинет руководителя

Администрации Президента

— Сергей Александрович, если не принять немедленные меры... Белый дом буквально нашпигован документами. Они сейчас не просто бесхозные. Все гораздо хуже — все брошено, некоторые сейфы вскрыты, даже под ногами валяются бумаги с грифом...

— Так уж под ногами?! — раздраженно отреагировал на тираду Орлова руководитель Администрации.

Сергей Александрович Филатов был одним из самых влиятельных государственных деятелей начала 1990-х, человеком, практически в любое время входящим к президенту Ельцину, обладающим непрерываемым авторитетом для многих чиновников-руководителей, политиков и представителей интеллигенции. Для многих, но не для всех. Относившиеся к ближнему кругу президента его первый помощник Илюшин и глава Службы безопасности Коржаков, мягко говоря, недолгоблюдали Филатова, видели в нем конкурента в части влияния на первое лицо государства. А Ельцин, искусно использовавший принцип «сдержек и противовесов», не мешал этой конкуренции.

— Я думаю, вы преувеличиваете.

— Нисколько! Если мы немедленно не предпримем самые экстренные меры... может быть нанесен непоправимый ущерб безопасности страны! — Орлов, почувствовав излишний пафос своей тирады, смутился. — Сергей Алек-

сандрович, надо срочно направить в Белый дом опергруппу. Записку и предписание на этот счет я уже подготовил.

Андрей вынул из папки два листа бумаги и протянул Филатову.

ДОКУМЕНТ: «...Непосредственное ознакомление (совместно с сотрудниками МБ России¹) с обстановкой... на территории бывшего Верховного Совета РФ показало, что, несмотря на данное Вами указание... об осуществлении мероприятий по обеспечению сохранности документов и материалов, необходимые меры до настоящего времени не приняты...»

В здании началось проведение ремонтно-восстановительных работ с привлечением большого числа отечественных и иностранных специалистов. В кабинетах и других служебных помещениях сохраняется положение, при котором значительные массы документов разбросаны в беспорядке на полу, лежат во взломанных металлических шкафах и сейфах, в письменных столах и т.д.

Все это создает реальную угрозу бесконтрольного выноса служебных документов из здания и может привести к утечке информации и нанесению ущерба государственным интересам России.

В связи с этим полагаю целесообразным незамедлительно поручить группе специалистов Администрации Президента Российской Федерации организовать и провести с участием МБ России мероприятия по... поиску... документов и материалов, наделив их сотрудников соответствующими полномочиями (проект предписания прилагается).

¹ МБ России — Министерство безопасности Российской Федерации.

Прошу рассмотреть». (Из записки А.П. Орлова руководителю Администрации Президента Российской Федерации С.А. Филатову.)

ДОКУМЕНТ: «...Поручается сотрудникам Администрации Президента Российской Федерации и Министерства безопасности России:

Орлову Андрею Петровичу

Жукову Юрию Михайловичу

Спирину Юрию Васильевичу...

...провести проверку наличия... документов и материалов... а также организовать поиск и определить местонахождение недостающих материалов.

Наиболее важные из найденных документов изъять с целью обеспечения их надежного хранения и определения дальнейшего использования.

Предоставить право указанным сотрудникам провести обследование помещений бывшего Дома Советов, в которых могут находиться документальные материалы, а также вывоза изъятых материалов из здания. Должностным лицам, обеспечивающим охрану здания, содействовать решению задач, возложенных на упомянутых сотрудников Администрации Президента Российской Федерации и Министерства безопасности России.

Руководитель Администрации Президента Российской Федерации

С. Филатов». (Из предписания, выданного опергруппе А.П. Орлова.)

Сергей Александрович, пробежав глазами по тексту, нахмурился.

— И что же, вы этим составом хотите все решить? Справитесь?

— Справимся. Я попрошу Голушко выделить еще несколько человек.

— Не спешите, я сначала переговорю с президентом. Подождите в приемной.

Андрей вышел из кабинета, но не успел даже присесть на стул, как раздался резкий звонок вызова.

Секретарь Филатова подняла трубку.

— Проходите! — кивнула она Орлову.

Филатов продолжил разговор с Орловым, будто тот и не выходил из кабинета.

— Борис Николаевич дал согласие на вашу работу в Белом доме и подчеркнул ее особую важность. Ни один документ не должен пропасть! Мне позвонить Голушко?

— Не надо, Сергей Александрович. Я сам.

Филатов взял ручку и что-то написал на переданной ему Андреем записке. Протягивая ее Орлову, сказал:

— Докладывайте мне постоянно, как будет идти работа! Президент тоже просил держать его в курсе. Имейте в виду: ни один документ не должен попасть в чужие руки!

Уже выйдя из кабинета, Орлов еще раз взглянул на «Предписание», только что подписанное Филатовым.

«Похоже на мандат эпохи Гражданской войны!» — с горькой иронией подумал Орлов.

11 октября 1993 года, понедельник, день.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов

Предъявив у входа в здание удостоверения, группа сотрудников министерства безопасности и Администрации Президента в составе семи человек прошла внутрь. Воору-

женные автоматами спецназовцы в тяжелых бронжилетах никакого интереса не проявили к предъявленному Орловым мандату, безразличным взглядом скользнув по бумагам и даже не пытаясь сверить фамилии в списке с новоявленными посетителями. В последние дни в громадное опустошенное здание с закопченными стенами приходило немало бывших сотрудников аппарата Верховного Совета, депутатов, их помощников, сотрудников правоохранительных органов, рабочих и уборщиков территории. Кто-то приходил забирать свои личные вещи, кто-то убедиться, что они на месте, кто-то, возможно, пожить в хаосе и беспорядке, царившем на этажах еще совсем недавно местопребывания высшего органа законодательной власти России.

На Орлова теперь навалилась большая ответственность — ему предстояло обнаружить в темных коридорах и разгромленных кабинетах, среди руин и гор мусора тысячи документов, ценой которых могли стать безопасность и престиж страны. Как бы это громко ни звучало, но Орлов вместе со своими людьми должен был лечь костями, но решить эту задачу.

Для начала следовало найти место, где могла бы дислоцироваться опергруппа, то есть подобрать несколько свободных помещений, оснастить их необходимой техникой, средствами связи, шкапами и сейфами. Сделать это оказалось непросто, прежде всего потому, что разместиться надо было в относительно недалеко расположенном от улицы месте, на одном из шести этажей нижней части здания. Но именно здесь несколько дней назад развернулось вооруженное противостояние, здесь коридоры и холлы были перегорожены баррикадами из мебели и подручных средств, именно здесь большинство окон были частично или полностью разбиты. В связи с этим помещения с фа-

садной стороны здания в районе 1, 2 и 25-го подъездов, а также 20-го подъезда с тыльной части здания совершенно не подходили для размещения опергруппы. Оставалась лишь часть здания Верховного Совета в районе 8-го подъезда, именовавшаяся зоной «Б-2».

ВОСПОМИНАНИЕ: «Мне всегда казалось странным видеть среди наименований достаточно мирных объектов, таких как здание Верховного Совета или Московский государственный университет на Ленинских горах, чисто уголовное «зона». Кто-то, когда я еще учился в МГУ, рассказал мне историю о том, что названия типа «зона» пришли со времен строительства университета, в котором якобы принимали участие заключенные. Так ли это или это досужий вымысел, своего рода легенда, я не знал. Но факт оставался фактом — наименование «зона» стало в МГУ привычной, даже естественной. «Я пошел в зону «Б», «Надо пройти через зону «В» — говорили студенты, аспиранты и преподаватели. И всем было понятно, где это. Поэтому я особенно не удивился, что здание Дома Советов было, также как и МГУ, разбито на «зоны». *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

Вопрос с дислокацией опергруппы решился неожиданно быстро. Дело в том, что на четвертом этаже уже разместилась следственная бригада Генеральной прокуратуры, которая начинала расследование событий 3—4 октября. Следователи, их было несколько человек, заняли два больших смежных кабинета неподалеку от лифтового холла.

— Да, мы тут уже все просмотрели, пока нашли себе кабинет! В общем, они все приличные, по существу, не

пострадали от обстрела. Занимайте любой, рядом будет веселее! Ключи найдете в ящике у поста охраны в цокольном этаже, — добродушно подсказал один из следователей, к которому Орлов обратился за советом.

Действительно, буквально через пару кабинетов по коридору обнаружился небольшой, но уютный кабинетик, в котором стоял письменный стол с двумя телефонными аппаратами, книжный шкаф и двухъячеечный сейф, именно такой, какой был нужен опергруппе. Все в кабинете создавало впечатление, что хозяин вышел на минутку, а потом почему-то не вернулся. На столе лежала стопка рабочих документов, письменный прибор с вставленными в него ручками, в пластмассовом поддоне — чистая бумага, бумажки для записок в виде кубика, несколько шариковых ручек. Правда, совершенно не соответствовали «бюрократическому» характеру кабинета несколько противогазных сумок, аккуратно сложенных в углу.

Сейф был полупустой. В нем находились лишь телефонные справочники, несколько бланков одного из комитетов Верховного Совета и... наполовину початая бутылка армянского коньяка со стопкой, на дне которой виднелись застывшие разводы от наливавшегося в нее благородного напитка.

— Вот это да! — воскликнул Юра Спирин. — Петрович, теперь не пропадем! Сегодня же и отметим начало нашей работы, а?

Андрей строго посмотрел на товарища и, обведя взглядом всех присутствующих, неожиданно резко сказал:

— Сейчас не до этого! Да и вообще, думаю, введем здесь сухой закон. Чтобы к нам не было никаких претензий...

— Петрович, ты что! — прервал его Спирин. — Мы же загнемся в этой холодрыге! Знаешь, какие сейчас вечера

холодные! А здесь, между прочим, еще не скоро будут топить! И без рюмки здесь никак нельзя! Хочешь, чтобы все слегли?!

— Ладно, Юра, не дави! — раздраженно ответил Орлов. — Пока мы еще не наработали на рюмку!

Орлов подошел к окну, из которого открывался вид на прилегающий к западному крылу Белого дома сквер и серый жилой дом сталинской постройки. В стекле в двух местах зияли круглые отверстия от пуль с расплзающимися в стороны мелкими трещинками. Андрей попытался проследить взглядом возможную траекторию пули и увидел рваное отверстие в потолке. Пробив декоративные панели, смертоносный кусок железа застрял где-то там наверху среди сплетения электрических кабелей и металлической арматуры.

— А телефоны-то не работают! — Подняв трубку, Жуков пощелкал по рычажкам сначала одного, а затем другого аппарата.

— Конечно, ведь связь отключили еще в сентябре.

Андрей заметил на стене календарь с изображением Кремля. Ползунок даты замер на 25 сентября. Это, наверное, был последний день, когда хозяин кабинета, установив дату, вышел из него, чтобы не вернуться сюда. Возможно, уже никогда.

* * *

Телефонную связь в Доме Советов действительно отключили 25 сентября 1993 года. К тому времени Белый дом находился в осаде уже четыре дня. Рано утром подходы к нему были блокированы спецназом, облаченным в бронжилеты. Некоторые солдаты держали в руках резиновые палки, другие были вооружены автоматами. Депутаты и

работники аппарата, в том числе обслуживающий персонал, могли входить в здание и выходить из него. В этом им никто не препятствовал. Достаточно было предъявить пропуск или удостоверение на входе, и милиционер пропускал любого.

Орлову запомнился тот день одним эпизодом, который в какой уже раз ставил его в состояние нравственного выбора. К вечеру в кабинете Орлова на Старой площади собрались четверо — все его коллеги по Управлению кадров Администрации Президента. Было уже около двадцати, на приставном столике появилась бутылка коньяка, пачка печенья и кулек шоколадных конфет. Повод был какой-то незначительный, о нем сразу все забыли, поскольку в центре внимания были, разумеется, события в Белом доме. О противостоянии президента и парламента говорили практически во всех кабинетах и холлах, столовых и буфетах, курилках и коридорах Администрации. Кто-то шепотом высказывал сомнения в жестких действиях Ельцина, кто-то громко поносил «белодомовских сидельцев», кто-то выдвигал свою версию дальнейшего развития событий.

ВОСПОМИНАНИЯ: «В Администрации я работал уже полгода. Но за это время моя жизнь изменилась кардинальным образом. Это было связано не только с масштабом возложенных на меня задач и грузом проблем, решение которых фактически не оставляло времени на отдых, увлечения и даже на общение с семьей. Работа на Старой площади делала меня заложником принимаемых решений. И при этом никого не интересовали мое мнение по тому или иному вопросу, моя позиция и мои оценки, хотя все это могло быть вполне уместным и востребованным. Впрочем, вхожесть в кабинеты сильных

мира сего, прежде всего Филатова, открывала передо мной возможность хотя бы донести свою точку зрения или предложения до лица, принимающего решение.

Правда, несколько раз возникали ситуации, когда мне приходилось состоять в переписке с самим собой. Странно? Тем не менее такие удивительные вещи происходили. Например, я, получив в «альма матер» некую важную информацию, докладывал ее руководителю Администрации. Тот, ознакомившись с ней, нес президенту. Борис Николаевич нажимал кнопку звонка руководителю «альма-матер» и поручал разобраться в вопросе. Тот в свою очередь вызывал меня и просил подготовить докладную записку по информации, которая затем двигалась в обратном направлении и снова попадала ко мне, но уже через Филатова. Круг замыкался. Это повторялось неоднократно при разных руководителях, а тогда, в 93-м, первый раз столкнувшись с этим информационно-бумажным кульбитом, я был немало удивлен...» *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

Компания, собравшаяся в кабинете № 763, очень быстро пришла в состояние расслабленного и веселого возбуждения, когда рабочий день уже закончился и все дневные заботы отошли на задний план, а натягивающаяся весь день пружина вдруг получала свободный ход, превращавшийся в шутки, смех и другие проявления беспричинного веселья. Только Орлов отказывался снять напряжение коньяком. Он ждал вызова к Филатову и не мог себе позволить явиться к руководителю Администрации с запахом алкоголя.

— Андрей Петрович, выпей рюмку! Посмотри на часы: скоро уже девятый час. Не вызовет тебя Филатов. Расслабься! — Петр Васильевич, статный мужчина с седыми

волосами, в определенной степени формально являвшийся начальником Андрея, уговаривал его примкнуть к общему веселью.

— Конечно, надо немного выпить, снять напряжение! — вторил ему Вячеслав Иванович, заместитель начальника Управления кадров, человек уравновешенный и доброжелательный, с которым у Орлова сложились теплые отношения.

Орлов, как мог, отнекивался, время от времени поглядывая на телефон прямой связи с руководителем Администрации. Но звонка все не было. А за столом тем временем шло эмоциональное обсуждение текущего момента.

— Слушайте, этот сбитый легчик, этот сапог с усами, возомнивший себя президентом... Его и близко нельзя было подпускать к власти! Как Борис Николаевич ошибся! — говорил один из участников «дискуссии».

— До он-то что! Пешка! Вы на Хаса посмотрите! Два года назад клялся Ельцину в преданности, а сегодня сыплет угрозами! А как говорит! «Президентская сторона наносит удары ниже пояса, и все по законодательному органу!»

— Вы посмотрите на этих... Съезд устроили! Все решения Бориса Николаевича объявляют не имеющими юридической силы, угрожают привлечь к уголовной ответственности всех, кто не будет исполнять постановления Съезда!

— А эти! Ачалов — министр обороны, Дунаев — министр внутренних дел, а Баранников... — говоривший посмотрел на Орлова, — твой, Петрович, между прочим, начальничек... снова министр безопасности! Ты теперь кому подчиняешься, Голушко или Баранникову?

Человеку непосвященному, наверно, трудно было понять, о чем идет речь. Но эти люди в силу своих служебных обязанностей и статуса находились в центре событий, при

этом, разумеется, являлись сторонниками президента Ельцина и поэтому оправдывали все его действия.

Конфликт между президентом и парламентом зашел теперь уже так далеко, что становился необратимым. На состоявшемся в ночь с 24 на 25 сентября заседании X внеочередного (чрезвычайного) Съезда народных депутатов было принято постановление, в котором действия Ельцина, направленные на роспуск парламента и закреплённые в Указе № 1400, были признаны государственным переворотом. Его президентские полномочия прекращались, а вся полнота власти переходила к новому «президенту» Руцкому и Верховному Совету, во главе которого стоял Хасбулатов.

Заместитель министра обороны Кобец направил в Белый дом ультиматум с требованием в течение суток распусти́ть всех депутатов и освободить от должности силовых министров, а его непосредственный начальник министр обороны Грачев тут же дезавуировал это заявление, подчеркнув, что «ультиматум» Кобца — это его личная инициатива. При этом президент Ельцин накануне встречи глав-государств стран СНГ, которая проходила в «Президент-отеле», сообщил журналистам, что в отношении Дома Советов никакие силовые меры со стороны органов исполнительной власти применяться не будут.

До предела накаленная атмосфера противостояния властей и личностей, готового перерасти из политического в вооруженное, накладывала свой отпечаток на импровизированное застолье в одном из кабинетов седьмого этажа комплекса зданий на Старой площади¹. Даже рюмка коньяка не могла принести желанного расслабления, поскольку все чувствовали неотвратимость развития событий по самому

¹ На Старой площади находится комплекс зданий Администрации Президента Российской Федерации.

жесткому сценарию. Идти на уступки не хотела ни та, ни другая сторона. Более того, казалось уже очевидным, что и президент и парламент заинтересованы в крайнем обострении обстановки, что у тех и других создавало иллюзорную перспективу победы над «противником».

Бурное обсуждение событий последних дней прервала резкая трель телефонного звонка прямой связи с руководителем Администрации. Все сразу умолкли, устремив взгляды на Орлова. На часах было 21.35.

— Андрей Петрович, срочно зайдите ко мне. Для вас есть важное поручение. Через сколько будете?

Орлов мельком взглянул на часы, прикинув, за сколько он может прийти быстрым шагом от Старой площади до Кремля.

— Я буду через пятнадцать минут, — сказал Андрей и положил трубку.

— Ну что, Андрей Петрович? — спросил кто-то.

— Не знаю пока. Задание какое-то.

Когда за Орловым захлопнулась дверь, Петр Васильевич многозначительно сказал:

— Вот ведь, позвонил Филатов. Хотя время-то!

А в это время Орлов уже стремительно шел по Ильинке в сторону Кремля. Привычным путем через КПП у Спасской бапти, затем вдоль четырнадцатого корпуса до Ивановской площади и направо до самого входа в президентский первый корпус.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я поражался работоспособности Филатова. По внешнему виду он не казался очень крепким, физически сильным, скорее наоборот. Но рабочий график, которому он следовал, был по плечу только очень выносливому человеку. По двенадцать — четырнадцать часов в сутки с одним только днем от-

дыха, а иногда и без него, выдержит не каждый. А ведь нужно вникать в сложнейшие вопросы, принимать десятки людей, постоянно ходить на доклады к президенту, уворачиваться от ударов со стороны интриганов, недоброжелателей, завистников...

А в те дни всеобщего кризиса надо было еще находить в себе силы и мужество искать компромиссы, которые позволили бы избежать трагедии. Но делать это ему было все труднее и труднее, поскольку президент Ельцин склонялся к жестким решениям и любую попытку мирно договориться о чем-то расценивал как слабость...» *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

В приемной ожидало человек пять, но секретарь Филатова сразу указала Андрею на дверь:

— Заходите, уже спрашивал.

Сергей Александрович выглядел крайне усталым и чуть-чуть подавленным. Он только что провел совещание с узким кругом самых доверенных лиц из Администрации Президента, где обсуждал шаги, которые следовало предпринять в условиях нарастающей напряженности и жестких установок президента Ельцина.

— Ситуацию вы знаете, — начал Филатов без какого-либо вступления. — Эти авантюристы окончательно завались. Мы сейчас делаем все, чтобы прекратить эту вакханалию. Мы отключим их от систем жизнеобеспечения, примем меры по разоружению. Там скопилось большое количество оружия. Оно в руках баркашовцев¹ и уголовников. Нельзя допустить кровопролития...

¹ Баркашовцы — участники и сторонники националистического движения Русское национальное единство (РНЕ, «баркашовцы»), которое многие годы возглавляет А.П. Баркашов.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я никак не мог понять, кто привел в Белый дом баркашовцев. Спрашивал у Хасбулатова, Воронина¹, Макашова...² Никто не знает. А они маршировали на глазах у всех, руку поднимали в характерном приветствии... Для меня так и осталось тайной, откуда они взялись. Ведь, насколько я знаю, никто из них не погиб во время столкновения. Все они спокойно вышли из Белого дома и скрылись... Я думаю, здесь пахнет провокацией...» *(Из воспоминаний народного депутата, члена Верховного Совета И.А. Шашвишвили.)*

ВОСПОМИНАНИЯ: «...Загадкой остается появление и вызывающее поведение в расположении Верховного Совета отряда боевиков «Русского национального единства» во главе с их вожаком Александром Баркашовым. На фоне общей инертности «парламентских сидельцев», потерявших всякую связь с внешним миром, молодые нацисты демонстрировали завидную гиперактивность. Они охотно позировали перед телекамерами, вскидывая руки в «римском приветствии», проводили смотры и маршировали на автостоянке у Верховного Совета, короче, формировали довольно агрессивный и устрашающий образ защитников Конституции. Естественно, попустительство саморекламе крайне правых не доба-

¹ Воронин Юрий Михайлович (1939) — народный депутат, первый заместитель Председателя Верховного Совета Российской Федерации.

² Макашов Альберт Михайлович (1938) — председатель существовавшего в 1993 году Комитета национального спасения, член ЦИК КПРФ, бывший командующий Уральским военным округом, генерал-лейтенант.

вило симпатий и уважения Верховному Совету — ведь это все происходило на глазах Руцкого и Хасбулатова...»
(Д.О. Rogozin. Ястребы мира. Дневник русского посла. Москва, 2010 год.)

Чувствовалось, что Филатов очень переживает происходящее и попытается найти выход из политического капкана, в который угодили не только парламент и президент, но вся политическая элита России, вынужденная выбирать из двух зол меньшее. Кто знал доподлинно, как это скажется на будущем страны.

— Я позвал вас по конкретному поводу. Вы знаете, что Руцкой с подачи Хасбулатова незаконно объявил себя президентом. И тем самым совершил уголовное преступление. Ему придется отвечать за это. Генеральная прокуратура получила уже соответствующее поручение. Борис Николаевич дал указание освободить кабинет Руцкого здесь, в Кремле. А заодно и посмотреть, что там у него хранится. Наверняка сохранились какие-то записи против президента. А может быть, даже планы государственного переворота! Вам поручается возглавить специальную комиссию, которая будет уполномочена все это сделать. Задача понятна?

Сначала Орлов не мог понять, куда клонит руководитель Администрации. Но последние слова Сергея Александровича не оставляли никаких сомнений — Орлова намереваются втянуть в сомнительное с юридической стороны дело, которое может обернуться для него самым плачевным образом. Андрей, еще не успев продумать свою реакцию на поручение, произнес то, что первым пришло ему в голову:

— Сергей Александрович, вы же говорите, что Генеральной прокуратуре поручено... Пусть она и проводит досмотр кабинета вице-президента!

— Бывшего вице-президента! — поправил Филатов.

— Это не меняет дела. Прокуратура наделена законом...

— Андрей Петрович, вы, наверно, меня не поняли. Это — поручение президента. И возлагается оно именно на вас. Я согласовал это с Борисом Николаевичем. Понятно? Можете включить в состав комиссии кого хотите, вплоть до моих заместителей. Завтра к вечеру жду доклада о результатах осмотра кабинета Ручкого.

Заметив, что Орлов хочет еще что-то возразить, резко ответил:

— Все, идите!

Этот эпизод двухнедельной давности промелькнул в памяти Андрея в тот самый момент, когда он рассматривал настенный календарь с изображением Московского Кремля.

* * *

Выбранный для дислокации опергруппы кабинет в Белом доме нужно было оснастить необходимой техникой — требовались пишущая машинка, ксерокс, кое-что из мебели, в частности, стулья, вешалка... Света в здании не было, не работали водопровод и канализация. А главное — не было связи. Внутренние и городские телефонные линии были перебиты, «кремлевка»¹ и ВЧ уже давно отключены, факсы молчали. Первый день фактически ушел на обустройство. Орлов распределил между сотрудниками обязанности и отправил каждого «добывать» необходимое оборудование. Пишущую машинку нашли в одном из прилегающих кабинетов, ксерокс

¹ «Кремлевка» — телефонная связь АТС-2, которой обеспечиваются служащие органов государственной власти.

«реквизировали» в соседнем крыле здания, «трофейной» мебелью разжились в холлах у 20-го подъезда, где еще не были разобраны баррикады «защитников Дома Советов».

С радиостанциями и аккумуляторными фонарями было сложнее. Орлову пришлось пройти по вертикали руководящего звена министерства безопасности от самого министра до начальника отдела соответствующего управления, прежде чем удалось добиться результата. Но лишь только на следующий день опергруппа смогла получить необходимые технические средства и приступить к обследованию этажей Белого дома.

В тот первый день работы 11 октября 1993 года Орлов со своими коллегами провел своего рода рекогносцировку. Сначала они пробирались по темным коридорам четвертого этажа в центральную часть здания, то и дело натываясь на завалы из мебели и горы мусора. Ковры, устилавшие ранее пол, кое-где были сняты, под ногами хрустели куски штукатурки и битое стекло. Временами попадались большие лужи, возникшие то ли от протечки водопровода, то ли от давших течь пожарных гидрантов и дырявых шлангов, переплетающихся словно змеи в мрачном подземелье.

Иногда навстречу попадались солдаты в одетых поверх шинелей бронежилетах и касках, сотрудники милиции, рабочие в комбинезонах, какие-то штатские с сумками и портфелями в руках. Скоро они достигли лестницы, ведущей на верхние этажи «стакана» — центральной части здания.

— Давайте посмотрим кабинет Хаса¹, — предложил кто-то. — А то там все растащат и мы ничего не увидим.

Орлов, мельком взглянув на часы, согласился. Без фонарей и радиостанций пока нечего было делать. А они будут получены только завтра.

¹ Хас — прозвище Р.И. Хасбулатова.

— Хорошо. Только его кабинет, по-моему, на третьем этаже.

Они спустились этажом ниже и сразу оказались в большом, погруженном во мрак холле. Отсутствие света крайне осложняло дальнейшее движение. Орлов помнил, что в некоторых местах лифтовые шахты не закрыты дверями и можно было легко угодить в зияющую глубину колодца.

— Осторожнее! Держитесь за стены! — предупредил он коллег.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Когда в первый день, преодолевая завалы и обрушения, мы пробирались по мрачным коридорам Белого дома, я невольно вспомнил годы юности. Дело в том, что нечто подобное я испытал в период работы Калининградской геолого-археологической экспедиции, которая занималась поисками Янтарной комнаты и других культурных ценностей, вывезенных фашистами с оккупированной территории СССР. Только тогда это были подземные коридоры и казематы замка тевтонских рыцарей, громадная руина которого стояла посреди города, а также многочисленные катакомбы фортов и укреплений в самом Калининграде и за его пределами. Те же рухнувшие перекрытия, те же кучи щебня и мусора, те же опасные провалы в полу и обрушенные лестничные марши. Правда, там все было чужое, несущее на себе печать враждебности. Здесь же, в Доме Советов, было все наше, советское и российское, что еще совсем недавно я видел во всем его великолепии» *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

Опергруппа буквально на ощупь стала продвигаться по узкому коридору, преодолевая препятствия в виде сломан-

ных кресел и тумб от письменных столов. Неожиданный поворот коридора привел их прямо к дверям приемной Хасбулатова. Свет, едва проникающий через приоткрытую дверь парикмахерской, размещенной в одном из кабинетов напротив приемной, дал возможность рассмотреть повнимательней место, куда они пришли. Массивная дверь, надпись бронзовой табличке: «Председатель Верховного Совета Российской Федерации ХАСБУЛАТОВ РУСЛАН ИМРАНОВИЧ».

Рядом с дверью на деревянном ящике, похожем на тару для бутылок, сидел солдат, одетый, как и все остальные военнослужащие, находившиеся в здании, в шинель с бронежилетом. Правда, каску он положил рядом с собой на пол, а автомат прислонил к деревянной стенной панели.

— Вам чего? — нехотя спросил он и, не дожидаясь ответа, строго сказал: — Туда нельзя!

Орлов предъявил ему служебное удостоверение и уже собрался показать предписание за подписью Филатова, на котором были сделаны соответствующие отметки вновь назначенным комендантом здания об оказании всемерного содействия работе опергруппы, но солдат закачал головой:

— Не-е! Я никого не знаю. Я сейчас позову товарища лейтенанта... Если он разрешит...

— Зови!

Через минуту в дверях появился заспанный офицер, почти мальчишка. Он пробежал глазами «мандат», повертел в руках служебное удостоверение каждого из членов опергруппы Орлова и безразличным тоном сказал:

— Проходите!

Они прошли в приемную, больше похожую на зал с огромными окнами. Рабочие столы помощника и секретарей, круглый стол с креслами для посетителей, устланный

красными коврами паркетный пол... И повсюду — на столах и креслах, на полу и полках шкафов — кипы документов, отдельных бумаг, газет, листовок, конвертов, каких-то свертков. Початые бутылки воды и пакеты соков, а также вскрытые консервные банки странным образом дополняли пейзаж приемной главы парламента России.

В рабочем кабинете Хасбулатова, куда была распахнута дверь, письменный стол был также захламлен бумагами, повсюду лежали картонные коробки, какие-то тряпки, одеяла, мужская одежда, посуда с остатками еды. Нелепо выглядели торчащие рядом с большим комнатным растением рычаги велоэргометра. Через разбитые стекла в окнах, завешанных в кабинете Хасбулатова шторами, а в приемной вертикальными жалюзи, в помещения проникал холодный воздух. От дуновения ветра жалюзи, цепляясь друг за друга, издавали глухой скрип, дополняя непривычными звуками картину полного запустения.

Все увиденное в кабинете бывшего руководителя Верховного Совета России казалось настолько неестественным, нереальным, что у Андрея возникли странные ассоциации: будто опергруппа Орлова перенеслась во времени в бункер имперской канцелярии в Берлине, где нацистская верхушка доживала свои последние дни в весенние дни сорок пятого.

На захламленном столе, между массивным письменным прибором и небрежно сложенной пачкой документов в миниатюрной ажурной деревянной визитнице стояла стопка визитных карточек.

— Петрович, возьмем и эти на память! — предложил Спирин, указывая на карточки.

Каждый взял себе по одной. Андрей тоже протянул руку к визитнице, чтобы вытащить из стопки одну карточку, как вдруг его точно током ударило. Он даже произвольно от-

дернул руку. Орлову почудилось, что все, что его окружает, он уже видел когда-то, причем совсем недавно. И письменный стол, и стоящее перед ним кресло, и даже эти карточки, аккуратно вставленные в миниатюрную визитницу. Но Андрей точно знал, что в этом кабинете он никогда не был. И, разумеется, не мог видеть этих предметов.

«Но я точно помню, как держал в руках такую же визитницу с карточками! — пронеслось у него в мозгу. — Что за наваждение! Может быть, это призрак Хасбулатова присутствует в кабинете, в то время как его хозяин сидит на нарах в Лефортово!»

И тут Орлов вспомнил. Это было в кабинете Руцкого, к тому времени уже освобожденного от должности вице-президента России.

* * *

На следующий день после поручения Филатова возглавить комиссию для осмотра кабинета Руцкого, пять сотрудников Администрации, среди них был заместитель Филатова Майков, которого все за глаза именовали «человеком-горой» из-за его громадного роста и массивной комплекции, подчиненный Орлова Женя Владимиров, сам Андрей и еще двое, приехали в Кремль. Это еще не был официальный осмотр помещения, а всего лишь ознакомление с предстоящим «фронтом работ».

Не без смущения Орлов вошел в кабинет человека, который, несмотря на то, что был временно отстранен Ельциным от должности вице-президента, все еще оставался вторым человеком в государстве. Более того, в ночь с 21-го на 22 сентября Верховный Совет прекратил президентские полномочия Ельцина и заявил о переходе власти к вице-президенту Руцкому, который потребовал от всех властных

структур исполнять только его указания. А кто, дескать, не будет этого делать — «понесут соответствующую уголовную ответственность в установленном законом порядке». И это все было поддержано Конституционным Судом! Таким образом, получалось, что группа из пяти человек, по существу, без всяких на то правовых оснований входила в кабинет главы государства!

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Самым необъяснимым в той ситуации для меня было поведение самого Руцкого. Вместо того чтобы попытаться принять на себя исполнение обязанностей президента страны, он решил «окопаться» в Доме Советов. Кем он там собирался руководить, кроме буфетчиц, непонятно. Общественное мнение и закон в тот момент были полностью на его стороне. Имея «в кармане» решение Конституционного суда и Верховного Совета об отстранении от власти главы государства и будучи законно избранным вице-президентом страны, Руцкой согласно Конституции вступал в должность президента. Приняв всю полноту власти в свои руки, после приведения к присяге он должен был немедленно выехать в Кремль и занять президентский кабинет. Кто бы его остановил? Комендант Кремля?

Представить себе, что Руцкого могли арестовать верные Ельцину офицеры спецслужб, сложно. В той ситуации Александр Владимирович обладал намного большей легитимностью, чем Борис Николаевич. Вряд ли какой-нибудь командир спецподразделения, памятуя события двухгодичной давности, попытался бы взвалить на себя такую гигантскую ответственность...»
(Д.О. Rogozin. Ястребы мира. Дневник русского посла. Москва, 2010 год.)

Кремлевский кабинет Рудцкого был небольшим, похожим на другие кабинеты первого корпуса, сохранившие свой вид со сталинских времен — обшитые деревянными панелями стены, строгие книжные шкафы с белыми шторами за стеклянными дверцами, длинный стол для заседаний с рядами стульев, массивный письменный стол с креслом, множество телефонных аппаратов с изображением герба посередине номеронабирателя, бронзовая лампа под зеленым стеклянным абажуром, российский флаг в напольном флагштоке.

Было полное ощущение, что хозяин кабинета покинул его всего несколько минут назад: на столе рядом со стопкой документов лежала кожаная красная папка с надписью: «На доклад», из которой выглядывал краешек правительственной телеграммы, рядом ручка с отложенным в сторону колпачком, фломастеры, аккуратно оточенные карандаши в черном пластмассовом стаканчике... На углу стола — белая чашка с тонкими синими узорами и высохшими остатками чая.

Но когда Андрей увидел висящий на спинке кресла генеральский френч Рудцкого — погоны с синим кантом, пять рядов орденских планок, золотую звезду Героя Советского Союза — у него перехватило дыхание. Он почувствовал себя настолько гадко, что уже не мог рассматривать лежащие на столе предметы. У него было такое чувство, что он каким-то воровским способом проник в чужой дом и бесстыдно шарит по личным вещам. У Орлова возникло только одно желание — немедленно покинуть кабинет, ничего в нем не трогая и не рассматривая.

По-видимому, не у одного Андрея возникло чувство неприятия происходящего. Вот и Женя Владимиров, сотрудник отдела Администрации, подчиненный Орлова, вы-

глядел как-то особенно бледным, а, встретившись взглядом с Андреем, только едва заметно покачал головой. Как-то притихли и сникли остальные, будто придавленные обстоятельствами, занесшими их в этот кремлевский кабинет. И только «человек-гора» бесцеремонно разглядывал вещи Руцкого. По существу, всем стала очевидной нелепость дальнейшего нахождения в кабинете бывшего вице-президента, и вся группа как-то сразу стала перемещаться ближе к двери.

Вот тогда-то и сказал Женя Владимиров, увидев на столе миниатюрную визитницу из дерева:

— Андрей, возьмем по визитке на память. От вице-президента.

Именно это мгновение и всплыло в памяти Андрея, когда они осматривали кабинет Хасбулатова в разгромленном Доме Советов. Тогда, наверное, за неделю до штурма Останкино и танкового расстрела Белого дома, еще можно было все изменить, остановить сползание ситуации к кровопролитию, предотвратить один из самых позорных эпизодов новейшей российской истории. Но этого сделано не было.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Руцкой отчаянно призывал рабочий класс на всеобщую всероссийскую забастовку. Его клич не возымел никакого действия... Руцкой звонил по военным округам и требовал выполнения приказов нового президента и нового министра обороны. У него, конечно же, были связи с военными, были и дружеские, личные отношения...

Они оказались в вакууме. Вот что было самое главное. И в человеческом, и в информационном, и в политическом. Я думаю, это стало потрясением для Хас-

булатова, Руцкого и компании. Все последние месяцы они жили в иллюзии, что стоит только подтолкнуть, и вся страна, весь народ рванется за коммунистическим, большевистским парламентом назад, в прошлое...»
(Б.Н. Ельцин. Записки Президента. Москва, 1994 год.)

Тогда, осознавая явную незаконность решения о досмотре кабинета Руцкого, Орлов сначала обратился к начальнику Управления кадров Румянцеву:

— Дмитрий Дмитриевич, этого делать никак нельзя! Пока вопрос не решен в законном порядке и Руцкой остается вице-президентом, ни в коем случае нельзя открывать его кабинет и лезть в его личные вещи!

Дим Димыч, как называли Румянцева сотрудники управления, явно нервничал, понимая справедливость сказанных Орловым слов и достаточную убедительность приводимых им доводов. Превозмогая себя, он все-таки набрал телефон заместителя Филатова Майкова:

— Андрей Иванович, тут мои мужики-юристы предлагают подождать с проверкой кабинета...

В ответ в трубке прозвучал такой поток негодования, что Орлов услышал его даже на расстоянии. Румянцев положил трубку.

— Спрашивает, кто это мне предлагает подождать? На кого они работают? Может, они против политики президента? Уволить их немедленно! Юристы! Умники! Понял, что говорит Майков? Филатов будет реагировать еще жестче! Все, иди Андрей! Готовь распоряжение о комиссии.

По всему было видно, что Румянцев жалел о своем звонке Майкову. Но Орлову все-таки удалось убедить Филатова в том, чтобы тот освободил его, сотрудника министерства безопасности, от исполнения незавидной роли

человека, копающегося в чужом белье. Это вызвало явное неудовольствие Сергея Александровича, но не привело к каким-либо негативным последствиям для Андрея. Хотя он не исключал даже освобождения от должности по мотивам «политической неблагонадежности».

Коллега Орлова Женя Владимиров, человек исключительно законопослушный, сам в прошлом работник прокуратуры, так переживал, что может быть втянут в сомнительное дело, что на следующий день слег с сердечным приступом.

Орлов так и не узнал, выполнили остатки опергруппы указание свыше или нет. Ему было доподлинно известно, что распоряжение о комиссии так и не было подписано, а все ограничилось какой-то рукописной запиской, исполненной самим Майковым. Уже на следующий день Орлова закрутил вихрь событий, который, в конечном счете, и забросил его в обугленный остов бывшего Дома Советов.

11 октября 1993 года, понедельник, вечер.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов

Человек в грязной, покрытой известковой пылью куртке, и брюках, заправленных в резиновые сапоги, в упор разглядывал большую карту СССР, вырезанную из дерева. Она была помещена как бы в нишу и смотрелась на голубом фоне очень эффектно. В верхней левой части конструкции рядом с гербом РСФСР выделялись рельефные ордена Ленина, Октябрьской Революции и еще один какой-то, незнакомый человеку орден. Снизу прерывистой дугой были прикреплены часы, символизировавшие, по-видимому, разные часовые пояса. Вся карта была испещрена мелкими разноцветными лампочками и миниатюрными надписями,

состоящими из выпуклых букв золотистого цвета. Над картой почти под самым потолком красовалась надпись: «РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА».

ВОСПОМИНАНИЯ: «После грязных коридоров и превратившихся в темные туннели коридоров меня поразило, что этот «Кабинет советской работы» казался совершенно нетронутым, будто не было пожара, стрельбы по окнам и лагеря осажденных, превращающего любое помещение в караван-сарай. Все было на своих местах, даже шторы аккуратно прикрывали окна. Только по едва заметному дуновению ветерка и шороху жалюзи можно было предположить, что оконные стекла имеют бреши, скорее всего отверстия от пуль. Первое, на что я обратил внимание — портрет Ленина в круглой рамке на облицованной деревом стене. Ильич, как всегда, смотрел с прищуром и, казалось, спрашивал: «Что же вы натворили?» *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

«Недолго коммунякам осталось. Теперь-то уж точно их всех прижмут к ногтю!» — подумал человек в куртке. — Надо, наконец, вытравить эту социалистическую заразу, чтобы ни у кого и никогда не возникло желания разделить все поровну! Дураку ясно, что всего на всех не хватит, да и чего кормить бездельников! Вот американцы! Они давно поняли, как надо обустроить мир, чтобы быть на высоте положения. Великая держава! Не в пример этой гнусной и нищей стране! Ничего, осталось только добить...».

Мысли человека в куртке прервал слабый стук в дверь, затем еще один, более настойчивый.

— Входите! — громко произнес он.

Через миг дверь распахнулась, и в кабинет вошел парень в комбинезоне с большой сумкой в одной руке и длинными пластиковыми трубками, скрепленными между собой скотчем, — в другой.

— Матвейч, привет! Еле нашел этот чертов кабинет советской работы! Ну и придумал же ты! Кругом темень, ничего не видно, я раза три уже чуть не скопытился! Так можно звездануться и в лифтовую шахту! Или ты решил меня здесь замочить?

— Ладно, Леня, не до каламбуров. Принес?

— Притаранил. Только пока всего две штуки.

— Показывай!

Парень, которого человек в куртке назвал Леней, раскрыл сумку, покопался среди водопроводных кранов, резиновых прокладок и мотков пакли, достал сложенную вчетверо газету и протянул ее Матвейчу. Внутри лежали два листка с текстами. Оба на бланках каких-то учреждений. На каждом документе красовалась надпись: «Для служебного пользования».

— Где нашел-то?

— На четырнадцатом этаже. Там много этого добра. В некоторых кабинетах весь пол усыпан бумагами. Принесу еще. Только, как с наваром, Матвейч? Я что, навалыняк горбатиться должен?

— Пока ты, Леня, еще ничего не успел заработать. Этими двумя листками можешь подтереть себе задницу! Я сказал, что нужны документы с грифом. А это фунт дыма! Тебе это понятно?

— Ну?

— Что, ну? Платить тебе будут только за стоящие бумаги, а не за эту макулатуру.

— Ага, я буду тут ершить на глазах легавых, а вы меня кинете на чернуху! Матвейч, за риск надо платить! Давай

аванс! Или разбежались, базара не было! Я и сантехником зарабатываю ништяк!

— Не суетись, Леня. Еще два-три дня и здесь делать уже будет нечего. Станешь ремонтировать свои унитазы! Это сейчас здесь людей еще мало, а скоро сюда нагонят тысячи лепил, а бумаги все сожгут или соберут. Торопиться надо!

— Давай аванс, Матвейч! Или я валю отсюда! — Леня взял сумку в руку, демонстрируя серьезность своих намерений.

Матвейч поморщился, достал портмоне, порылся в нем, и протянул Лене пять сто долларовых купюр.

— Это тебе на перспективу! Получать будешь за каждую хорошую бумагу по сотне!

— Ого! Это совсем другое дело! Вот теперь понятно, за что корячиться буду. И, между прочим, рисковать! Думаешь, я не усекаю, кому нужны эти документы. Я все секу...

— Ладно, хватит гонять порожняк! Понимаешь, так прикуси удила! В твоих же интересах.

— Матвейч, все! Годится! Такие бабки! Ну, я пошел?

— Подожди, куда? Мы же не договорились, как будешь передавать нам бумаги!

— «Вам»?

— Не придирайся! Мне! Думасшь, я буду тут тебя здесь все время ждать?

— А как?

— Держи шлюзы! — Матвейч передал Лене связку ключей. — Это дубликаты от всех этих кабинетов.

— А на кой ляд мне они?

— Будешь приносить их сюда под видом того, что проверяешь, не текут ли трубы. Или нет ли какой-либо другой протечки. Иди за мной! — Матвейч повернулся к двери в

смежную комнату. Они обошли большой эллипсообразный стол с поникшей зеленью в нишах, пересекли зал с книжными стеллажами и наклонными ящиками с блестящими металлическими ручками, круглым журнальным столиком и угловым диванчиком перед ним. Через мгновение они оказались в погруженном во мрак служебном помещении с высокими металлическими стеллажами с аккуратно подвешенными к ним пластиковыми папками и контейнерами. На каждом из них виднелись таблички с названиями республик, краев и областей Российской Федерации.

Легко выдвинув один из контейнеров, Матвеич открыл его, демонстрируя Лене, что в нем достаточно места.

— Вот сюда будешь класть документы. А мы... А я, — поправился он, — буду забирать их в удобное для меня время. Если не хватит места — клади в другие контейнеры справа от этого. Больше здесь мы с тобой встречаться не будем. Понятно?

— Матвеич, а мне опять не ясно, как я получу деньги за работу. Или ты будешь оставлять их здесь же?

— Об этом и не думай! С тобой рассчитаемся за все сразу. Как только завершим эту работу.

— Но...

— Все, хватит! Я думаю, мы все обговорили. Пока нас с тобой тут не замели, расходимся!

Через минуту дверь за ними захлопнулась. Кабинет советской работы, расположенный на одном из верхних этажей Белого дома, который пощадили пожар и снаряды, выпущенные из танковых орудий, ожидал своей участи в связи с предстоящими ремонтно-восстановительными работами. Но перед этим некие тайные силы намеревались использовать его помещения в своих преступных целях, отводя им роль «почтового ящика», через который сведения

государственной важности должны были перекочевать в сейфы заморских недругов нашей страны, послужить детонатором дальнейшего развала мировой державы.

11 октября 1993 года, понедельник, вечер.

Москва. Крылатские Холмы. Квартира Орловых

— Андрюша, что-то ты сегодня долго. Одиннадцатый час уже. Работы много? Устал? — Жена встретила его, как всегда, у лифта. В ее взгляде угадывалось беспокойство.

Андрей только еле заметно усмехнулся.

— После всего, что произошло, я боюсь за тебя! Опять ты оказался в самом пекле! — Оля прижалась к нему и тут же отстранилась. — Ой, какой ты опять грязный! Весь испачкался! Где же ты ходишь, горе мое! Такое впечатление, что ты был на стройке!

— Олечка, правильное впечатление! — Андрей улыбнулся. — Только не на стройке, а в развалинах.

— Где же ты их нашел в Москве? Развалины, — с удивлением посмотрела она на мужа и тут же осеклась. — Ты был там?

Андрей посмотрел на жену очень серьезным взглядом, помедлил немного. Потом сказал:

— Да, я был именно там. И скорее всего ближайшие три месяца проведу в стенах Белого дома.

— Ой, Андрюшка, а зачем? Ты знаешь, всякое сейчас рассказывают про то, что там произошло. Говорят даже, что...

Орлов перебил жену, не желая даже слышать ее рассуждения о том, что рассказывают о событиях недельной давности. Он и сам знал, что повсюду идут разговоры о том, что в Белом доме «лежат горы трупов», что сейчас кто-то якобы тщательно «заметает следы работы снайперов», что

здание бывшего Дома Советов буквально наспиговано оружием. И так далее и тому подобное.

Несмотря на то что Орлов сам был потрясен совсем недавними событиями и не мог найти разумных оправданий того, что произошло, согласиться с циркулирующими домыслами он не мог. Конечно, его шокировал вид Белого дома снаружи. Еще более тягостное впечатление произвели на него опустошение и разгром, царящие в еще совсем недавно бывшей резиденции парламента страны. Пробитые стены, рухнувшие перекрытия, дотла сожженные помещения, завалы из мебели и техники — все это напоминало откуда ни возьмись появившиеся картины апокалипсиса. Но никаких «гор трупов» и «залежей оружия» ни Орлов, ни прибывшие с ним сотрудники Администрации Президента и министерства безопасности не увидели. Может быть, они и были, но к появлению опергруппы Орлова их, естественно, уже убрали. Следы боестолкновений были, испещренные пулями и осколками стены — тоже, даже бурые пятна, от одного взгляда на которые подкатывала тошнота, встречались. Но все-таки это не соответствовало масштабам слухов и домыслов, с нисимверной скоростью распространявшихся по стране после памятных событий начала октября 1993 года.

— Оля, не слушай никого! А лучше даже, если ты не будешь ни с кем поддерживать разговоры про это! Понятно?

— А я и не говорю ни с кем. Вот сосед наш, Володя, сегодня утром говорит: «Правильно сделали, что урыли этих уродов! Нечего было их вообще выпускать оттуда. Надо было всех сжечь там, гадов!» Представляешь, что говорит?

— Представляю! Вот из-за этой злобы, которая охватила всех, мы можем и страну потерять! Ладно, потом об этом. Есть хочу смертельно!

Орлов снял пиджак, расстегнул подмышечную кобуру, положил свой ПМ на прикроватную тумбочку.

— Ребята уже спят?

— Конечно, время-то!

— Да, так вот и вырастут без меня!

Оба одновременно вздохнули и от этого рассмеялись. За четырнадцать лет совместной жизни они, казалось, успели не только изучить друг друга, но и научились одинаково реагировать на некоторые ситуации.

— Там действительно грязница! — Оля поняла, что Андрей говорит о Белом доме.

— Теперь его снесут? Ведь там все сторело. Да и снаряды, наверное, все разнесли...

— Что ты! Кто его снесет! Ремонтировать будут! Рабочих, знаешь, сколько нагнали! Правда, бестолковщина полная! Все слоняются из угла в угол, не зная, чем заниматься.

— А депутаты? Кого-нибудь видел?

— Нет там никаких депутатов! По крайней мере, я ни одного не видел. Вот военных много! Внутренние войска, милиция, спецназ...

— А как же его восстанавливать будут? Не развалится потом?

— Нет, я слышал, что все расчеты уже сделали. Пришли к выводу, что ничего страшного не произошло — стоять будет. Скоро несколько тысяч иностранных рабочих привезут. Вот тогда и начнется.

— Иностранных? — переспросила Оля. — Это еще зачем? У нас что, своих нет? Вон сколько людей без работы!

— Безработные вряд ли помогут. Приедут ведь опытные строители, специалисты, которые строили и восстанавливали не один дом.

— Откуда?

— Из Турции. Фирма «Венка». Очень крупная строительная фирма с миллиардными оборотами...

— Чего им у нас надо? Зачем вообще иностранцев приглашать для восстановления Белого дома. Чтобы смеялись над нами, что мы сами расстреляли свой парламент?! Унижительно все это!

— Согласен, но... такое решение приняли наверху. — Орлов указал куда-то пальцем чуть правее кухонного светильника.

— Понятно.

Они помолчали некоторое время, потом пошли на кухню. Есть Орлову не хотелось, хотя с обеда у него не было маковой росинки.

— Надо поесть все-таки! — Оля сочувственно посмотрела на Андрея. — Вижу, устал!

— Нет, не устал. Просто...

— Я понимаю.

— Можно, я махну стопку? — как-то немного виновато улыбнулся Андрей.

— Конечно! Клюковки?

Оля достала из холодильника початую бутылку ярко-красной настойки. Такой цвет приобретала отвратительная водка, которую Орлов получал в ежемесячных продуктовых наборах для сотрудников министерства безопасности, после того, как в нее на целую неделю засыпалась давленная клюква. Без этого совершенно невозможно было выпить и рюмки, поскольку водка отдавала каким-то противным техническим привкусом, пахивала не то бензином, не то скипидаром. Да в том месте, куда достигала поверхность жидкости, образовывался грязно-белый ободок. Другое дело — с клюквой. Это уже был настоящий напиток, в ко-

тором от первоначального вкуса и запаха не оставалось и следа. Так, наверно, выходили из положения многие семьи в 1993 году, когда масштабы распространения алкогольной отравы достигли гигантских размеров.

Андрей опрокинул одну стопку, налил себе еще и тут же выпил вторую. Только после этого приступил к ужину. По телу разливалось приятное тепло, и чуть-чуть стала кружиться голова. Но одновременно с этим куда-то стала уходить тяжесть, накопившаяся за день. После многочасового напряжения наступило заметное расслабление, почти покой.

— Ты знаешь, Оля, я не ожидал, что в нашем обществе накопилось столько злобы и ненависти. Я не мог себе представить, что люди с таким остервенением готовы рвать друг друга в клочья...

— Я тоже не ожидала. Даже наши родственники... некоторые... Что говорят! Их как будто подменили за эти два года. Проклинают прошлое, а сами... Выучились, работали на хорошей работе, получили от государства квартиры! А теперь — хаот все подряд! Были инженерами... Ну, да, получали немного... А теперь что? Дежурят в какой-то подсобке!

— Наверно, их это устраивает! Вот, тетя Шура, например. Сколько ей сейчас? Скоро семьдесят! А как она говорит: «Мое время пришло, а годы-то ушли!» Ты же знаешь, она и раньше умела «провернуть» любой вопрос. Сначала жили в маленькой квартирке в пятиэтажке на Рижской, потом обменяли ее, с кем-то договорились, доплатили и — пожалуйста, две квартиры в Очаково! Потом еще обмен — и шикарные квартиры у ВДНХ. Жилплощадь при этом каждый раз увеличивалась. Умсет тетя Шура из ничего сделать конфетку! Жилка у нее предпринимательская есть! И в этом смысле действительно настало «ее время»!

— Андрюша, но не все так могут. Большинство, думаю, вряд ли смогут! Вот все сейчас носятся с чеками этими, ваучерами! Говорят, их надо вложить куда-то, чтобы потом получить большие деньги! Но куда? Кто скажет? Жалко, если пропадут. Ведь на него, как говорит Чубайс, я сама слышала, можно приобрести часть государственной собственности!

— Рассчитываешь стать совладелицей заводов и пароходов? — Андрей с ехидцей посмотрел на жену. — Даже не надейся! Я тебе про «красную ртуть» рассказывал?

Жена кивнула.

— Так вот, афера с «красной ртутью» это были еще цветочки! А ваучеры — это уже ягодки! На этих бумажках кое-кто о-о-очень сильно обогатится!

— И это говоришь ты, сотрудник органов госбезопасности! Что у вас там не знают про это? Или знают, но не могут ничего сделать?

Андрей ничего не ответил, но лицо его стало серьезным. Он как будто натолкнулся на незримое препятствие, через которое не мог переступить даже в разговоре с самым близким человеком.

— Понимаешь, — Андрей посмотрел на Олю отчужденным взглядом. В его голосе она уловила нотки горечи и недосказанности. — Понимаешь, то, что произошло неделю назад... Это случилось потому, что никто из них — ни те, что были в Белом доме, ни президентская сторона — не хотели ни в чем уступать друг другу. Более того, они были уверены в полном своем праве идти до конца. Невзирая ни на что! Одни готовы были во что бы то ни стало снести власть «антинародного режима», другие — применить самые жесткие меры для подавления бунта «красно-коричневых». Уже за несколько дней до расстрела Белого дома мне стало

ясно, что ни Ельцин, ни Хасбулатов с Руцким на перемирие не пойдут!

— Но по телевизору передавали все время, что в каком-то монастыре с участием Патриарха идут переговоры. Вот-вот договорятся о чем-то! От президента там Филатов твой был!

Да, действительно, когда стало ясно, что противостояние Верховного Совета и президента зашло слишком далеко, и в воздухе впервые после 1991 года снова запахло гражданской войной, такие переговоры состоялись. Патриарх Алексей, отправившийся в конце сентября в США, прервал визит и срочно возвратился в Москву. Он выступил с инициативой сесть за стол переговоров и обсудить все спорные вопросы, чтобы избежать эскалации конфликта. 30 сентября и та и другая стороны подтвердили свою готовность к переговорам. Поздно ночью представители противоборствующих сторон подписали соответствующее соглашение.

ДОКУМЕНТ: «... Полномочные представители сторон в составе: Филатова С.А., Сосковца О.Н., Лужкова Ю.М., Соколова В.С., Абдулатипова Р.Г. в целях снятия остроты противостояния согласились реализовать следующие меры:

1. В целях обеспечения безопасности, сбора и складирования внештатного оружия, находящегося в Доме Советов, осуществить его сбор и складирование в Доме Советов и взятие под охрану совместных контрольных групп, организованных из сотрудников ГУВД г. Москвы и департамента охраны Дома Советов. Для этого незамедлительно включается электроэнергия и теплоснабжение, а также необходимое количество городских телефонов для оперативной связи. Одновременно реали-

зуются согласованные меры по сокращению потенциала сил и средств наружной охраны Дома Советов...

Подписи: Филатов, Сосковец, Лужков, Абдулатипов, Соколов». *(Из Протокола № 1, опубликованного в сборнике «Тишайшие переговоры». Москва, 1993 год.)*

Но зафиксированным в протоколе намерениям не суждено было сбыться. Лишний раз история подтвердила народную мудрость: «Бумага все стерпит». То, что было скреплено подписями лиц, уполномоченных Верховным Советом и президентом, как оказалось, было чистейшей воды блефом. Иначе через пару дней не произошло бы то беспрецедентное событие в российской истории, окончательную оценку которому дадут лишь будущие поколения.

Мало кто ожидал самого худшего варианта трагической развязки конфликта между ветвями власти, поскольку казалось, что в конце двадцатого века в столице крупнейшего государства мира уже невозможно разворачивать военные действия для разрешения политических споров. Но действительность оказалась удручающей и противоречащей здравому смыслу, что свидетельствовало только об одном — двуличии политиков всех мастей, заявлявших о своем стремлении к мирному выходу из кризиса, а на деле стремившихся обострить ситуацию до крайности, когда такой выход уже станет невозможным.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Народный депутат Иван Шашвиашвили рассказывал мне впоследствии, что еще задолго до произошедших в октябре событий понял: исполнительная власть пойдет на самые крутые меры, но не даст Верховному Совету противодействовать курсу на тотальную приватизацию государственной

собственности и природных ресурсов страны. Те, кто уже вкусил прелести обладания богатством, ни за что не захотят расстаться ним. Любая помеха на этом пути будет сметена и уничтожена. Последующие годы только подтвердили эту его уверенность...» *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «В отличие от нынешней Государственной думы Верховный Совет РСФСР обладал реальными полномочиями. Верховный Совет мог воспрепятствовать плану узурпации государственной собственности и передачи ее без выкупа нарождавшейся олигархии. Он мог отстранить любого проворовавшего министра от должности и инициировать судебное разбирательство в его отношении...» *(Д.О. Rogozin. Ястребы мира. Дневник русского посла. Москва, 2010 год.)*

Реальное положение дел Андрей Орлов осознал за несколько дней до событий, когда они вместе с его коллегой Пашей Русских предприняли шаг, реализация которого могла снять накал страстей и остановить сползание обстановки к кровавой развязке.

* * *

В те сентябрьские дни 1993 года Орлов был настолько вовлечен в круговерть происходящих событий, что у него едва хватало времени на сон. Он приезжал домой, когда уже заканчивалась программа «Время», а то и позже, дети уже спали, а жена, встревоженная сообщениями радио и телевидения, встречала его с неммым вопросом: «Ну как там?» Издерганный за день постоянно поступающими указаниями от Филатова и поручениями руководства ми-

нистерства безопасности, которые надо было выполнить в самые сжатые строки, он отмалчивался, не имея ни сил, ни желания посвящать жену в хитросплетения закулисной борьбы, развернувшейся на властном олимпе. Впрочем, было не в его правилах рассказывать жене о подробностях своей работы, тем более что многие сюжеты он стремился сам забыть как можно скорее.

На работе, в Администрации Президента, тоже все было назлектризовано до предела. Работа в традиционном смысле почти прекратилась, поскольку все начальство было задействовано на теме противостояния с Верховным Советом. У Филатова и его заместителей каждодневно происходило по несколько совещаний, на которых рассматривались и выработывались разные варианты противодействия «Хасбулатову и Ко». Политологи и аналитики, сотрудничавшие с Администрацией Президента, забрасывали президентскую команду самыми немислимыми предложениями и «планами выхода из кризиса», вплоть до штурма здания Дома Советов и интернирования всех находящихся в нем «врагов демократии».

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Мне почему-то верилось, что все самые страшные события нашей истории где-то далеко в прошлом, что впереди их быть не может. С одной стороны, это неискоренимый советский оптимизм, с другой — ну, действительно, сколько в России может быть гражданских войн, диктатур, революций, террора? Однако оптимизм оптимизмом, а готовиться всегда надо к худшему...

Президент формально нарушает конституцию, идет на антидемократические меры, разгоняет парламент — для того, чтобы демократия и законность утвердились в стране. Парламент защищает конституцию — для

того чтобы свергнуть законно избранного президента, установить советскую власть в ее полном объеме. Как же мы запутались в этих противоречиях!..» (Б.Н. Ельцин. Записки Президента. Москва, 1994 год.)

Рядовые сотрудники Администрации собирались кучками в кабинетах, холлах и лестничных площадках между этажами, где были отведены места для курения, и обсуждали происходящие события. В Управлении кадров, где работал Орлов, также царил напряженный ожидание. Дмитрий Дмитриевич Румянцев, начальник управления, высокий, импозантный, с шевелюрой темных волос, одетый всегда в строгий и дорогой костюм, постоянно отлучался на совещания.

В ухах Андрея до сих пор звучала бросившая кем-то злая фраза в отношении депутатов: «Пусть они там захлебнутся в своем дерьме!» Он помнил и то, как реагировали на нее некоторые его коллеги — одобрительно и со злорадством. И хотя Орлов не был рьяным сторонником парламента, а некоторые депутаты вызывали у него неприятие, расправа с парламентом страны не казалась ему справедливым решением вопроса. Впрочем, часть депутатов не поддержала антипрезидентскую позицию Верховного Совета и, как только президент издал Указ «О социальных гарантиях для народных депутатов Российской Федерации созыва 1990—1995 годов», покинула Белый дом и, по существу, вошла в состав ельцинской команды. После того как в Доме Советов отключили водоснабжение, электричество и канализацию, саркастическое пожелание депутатам «захлебнуться в своем дерьме» стало звучать как реальная угроза.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Когда отключили воду и канализацию, стало действительно невыносимо. Нам, муж-

чинам, было еще ничего. Я служил в армии и привык к полевым условиям. А девушки, женщины страдали. Правда, вода была отключена недолго. Как говорили, Лужков все-таки принял решение включить воду, так как антисанитария, возникшая в результате отключения, угрожала не только Дому Советов, но и зданиям на прилегающей территории. А свет и телефоны были отключены все время...» *(Из воспоминания народного депутата, члена Верховного Совета И.А. Шашвиашвили.)*

28 сентября депутаты, решившие порвать с Хасбулатовым и Руцким, собрались в Кремле и сделали заявление о том, что поддерживают решение Ельцина о роспуске парламента и назначении выборов в Государственную думу. Обращаясь к своим коллегам, забаррикадировавшимся в Доме Советов, они предложили им «осознать реалии, освободить сограждан от напряжения политической конфронтации», то есть покинуть Белый дом и сдаться на милость победителя. В ответ они, разумеется, получили резкий отказ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...28 сентября парламентский дворец полностью обнесли колючей проволокой, ужесточили режим прохода в здание, автомобили с парламентской серией отбирали. Подтягивалась бронетехника. В один из этих дней появилась специальная машина — агитационный желтый БТР, его передатчик начал орать на всю центральную площадь вульгарную песенку: «путана, путана, путана...», затем грубый голос: «Сдавайтесь! Вы получите хлеб и воду!» — Примерно так, как показывали гитлеровцев в кинофильмах, осаждающих партизан. Народ немедленно презрительно прозвал эту

машину «желтым Геббельсом». Видимо, затейники этого дурацкого спектакля полагали, что он окажет какое-то психологическое воздействие на демонстрантов и защитников Белого дома...» (Р.И. Хасбулатов. *Преступный режим. Москва, 2011 год.*)

Именно в тот день Андрей Орлов встретился с Пашей Русских в своем кабинете на седьмом этаже в здании Администрации Президента на Старой площади. Павел, так же как и Андрей, являлся офицером министерства безопасности и был прикомандирован для работы в Главном правовом управлении. Светлая голова, пытливый ум, острый язык, способность решать задачи в условиях полного цейтнота, и конечно же высочайший профессионализм — вот далеко не все достоинства, характеризовавшие этого человека.

У Орлова с Пашей еще в 1991 году образовался своего рода рабочий тандем, с помощью которого им удалось решить ряд сложных задач. Одна из них заключалась в подготовке заключения парламентской комиссии о проверке министерства безопасности, что позволило, в конечном счете, переломить негативное отношение депутатов к органам безопасности и даже заручиться их поддержкой в плане укрепления и развития. Именно тогда Председатель Верховного Совета Хасбулатов сказал: «Надо поддержать органы». После этого дамоклов меч, занесенный над чекистами радикальной частью депутатского корпуса, выступающей за полный роспуск органов безопасности и замену их сотрудников «новыми демократическими кадрами», был убран в ножны и больше уже не поднимался.

— Что будем делать? — с нескрываемой тревогой Андрей спросил Павла. — Ты же понимаешь, чем все это грозит!

— А что мы сможем сделать? — Папа пожал плечами. — Разве написать какую-нибудь бумагу? У меня вертится в голове идея установить прямой контакт с Белым домом. Тем более что я знаком с некоторыми депутатами, которые сейчас играют не последнюю роль...

— Слушай, Папа, я тоже все думаю об этом. А что, если нам проработать схему установления прямой связи с Домом Советов, сначала для решения гуманитарных вопросов... Доставить медикаменты, вывести больных, включить воду и канализацию, может быть, еще что-нибудь в этом духе... А потом перейти к переговорам об оружии, которого там скопилось немерено... Не исключаю потом и перехода к политическим вопросам. Как ты думаешь?

Папа, склонный к словесным каламбурам, тут же среагировал:

— Да, надо включить им политическую канализацию!

Довольный шуткой, он тут же засмеялся своим ехидным, издевательским смехом. Затем продолжил уже серьезно:

— Надо проработать это с Белым домом. Это я беру на себя. А ты, — он пристально посмотрел на Андрея, — а ты порешай этот вопрос с Филатовым и Степашиным. Без них мы ничего не сделаем!

— Это я понимаю.

— А ты соображаешь, чем тебе это грозит? — серьезно спросил Русских.

— Да, понимаю, — задумчиво проговорил Андрей. — Но, если удастся установить линию прямой связи между Белым домом и Кремлем... Ты представляешь, что это будет? Мы же сможем предупредить спонтанные действия как с той, так и с другой стороны! Не исключаю, что это может стать шагом к примирению!

— Верится в это мало! — без особого энтузиазма ответил Павел. — Они зашли во взаимных оскорблениях так далеко! Помнишь, Хас, делая известный жест рукой, намекал на пьянство Ельцина, а молодых реформаторов назвал «червяками». А пресс-секретарь Костиков с подачи Ельцина назвал Хасбулатова, Руцкого и их сторонников «кучкой экстремистов». Ты хочешь, чтобы они взяли эти слова обратно?

— Я на это и не рассчитываю. Просто прямая линия связи между Кремлем и Домом Советом, я надеюсь, может избежать кровопролития! — взволнованно сказал Андрей.

Павел только хмыкнул в ответ.

— Тебе пора бы уже стать циником. А ты все еще романтик!

* * *

На предварительную проработку вопросов, связанных с установлением прямой линии связи между Кремлем и Белым домом ушли сутки, и уже на следующий день Орлов вместе с Русских подготовили записку на имя Филатова. По их замыслу подписать ее должен был Степашин, только что назначенный первым заместителем министра безопасности. Сергей Вадимович в течение ряда лет сам был депутатом Верховного Совета, но после известного указа Ельцина снял с себя депутатские полномочия и вошел в команду президента, который тут же поставил его на высокий пост, сделав заместителем министра безопасности Голушко.

ДОКУМЕНТ: «Об установлении прямой линии телефонной связи с Домом Советов.

В целях оперативного принятия мер по предотвращению массовых беспорядков и экстремистских проявлений, могущих привести к кровопролитию, принятия экстренных мер по эвакуации пострадавших в ходе возможных столкновений в районе Дома Советов на Краснопресненской набережной предлагается:

1. Установить прямой закрытый канал телефонной связи между Домом Советов и Администрацией Президента Российской Федерации, для чего дать соответствующее поручение ФАПСИ (Старовойтов А. В.).

2. Направить в Дом Советов сотрудников Администрации Президента Российской Федерации Русских П.А. и Орлова А.П. для обеспечения функционирования указанного канала с соответствующими полномочиями.

3. Поручить министру внутренних дел Ерину В.Ф. обеспечить беспрепятственный доступ указанных сотрудников в Дом Советов.

Прошу рассмотреть...» (Из Записки первого заместителя министра безопасности С.В. Степашина руководителю Администрации Президента России С.А. Филатову.)

У Степашина с Филатовым были очень хорошие отношения, они часто встречались, обменивались мнениями и даже дружили семьями. Мнение Степашина для руководителя Администрации могло стать достаточно убедительным в столь щепетильном вопросе. Теперь главная задача заключалась в том, чтобы убедить самого Сергея Вадимовича подписать записку. Был ли для него в этом риск вызвать недовольство президента, Андрей и Павел не знали. Но они отчетливо понимали в тот момент, что

предлагаемая мера может стать спасительной соломинкой перед надвигающейся катастрофой.

Решаясь на этот шаг, Орлов и Русских совершенно не думали о той опасности, которой готовы были себя подвергнуть в случае принятия президентом их предложения. Оказаться в Белом доме, по существу, в качестве заложников, стать козлами отпущения в глазах осажденных в случае срыва переговоров, да и вообще выступать в роли представителя низвергнутого с точки зрения Верховного Совета президента — значило поставить себя в крайне трудное положение, при котором лобая заваруха или вооруженное столкновение могло поставить крест не только на их присутствии в стане обороняющихся, но и привести к самому плачевному результату.

К Степашину они пошли вдвоем. Тот, совсем недавно перебравшийся в бывший кабинет Голушко, словно ждал их появления. Лицо у Сергея Вадимовича было не просто встревоженное, а крайне напряженное. Андрею и Павлу было известно, что он активно встречался со своими коллегами, в том числе с «той» стороны, агитировал их перестать упорствовать, поддержать конституционную реформу и готовится к новым выборам в парламент — будущую Государственную думу. Явно поддерживая Ельцина и активно выступая против Хасбулатова, он действовал при этом достаточно сдержанно, не прибегая к оскорбительным выпадам, сохраняя выдержку и достоинство.

Прочитав записку и задав несколько вопросов, связанных с организацией прямой линии связи, Степашин подписал ее.

— Давайте попробуем. Не уверен, что они пойдут на это, но...

Сначала Андрей не понял, кого имеет в виду Степапин — Ельцина с Филатовым или Хасбулатова с Рудцким. Но Сергей Вадимович сам разрешил эти сомнения:

— Я не уверен, что Хасбулатов согласится на такой вариант. Они же сами нагнетают обстановку. Но попробовать все-таки надо! — Он помолчал немного, затем спросил:

— Позвонить Филатову?

— Позвоните! — сказали Андрей и Павел в один голос.

Степапин быстро набрал номер спецсвязи. На том конце провода видно сразу сняли трубку.

— Сергей Александрович, тут у меня Орлов. Он предлагает одно дело, по-моему, стоящее... Да, связанное... Нет-нет, не по телефону. Я подписал записку. Он сейчас подойдет к вам. Или когда вы скажете. Хорошо. — И, положив трубку, продолжил, обращаясь с Андреем: — Давай, иди в Кремль. Сергей Александрович ждет.

Через пятнадцать минут записка была у Филатова. Тот пробежал ее воспаленными от бессонных ночей глазами, едва заметно поморщился и тихо сказал:

— Оставляйте. Я согласую это с Борисом Николаевичем.

— А как я... — начал было Орлов.

— Как только будет решение, я вам позвоню. — По тону Андрей понял, что Филатов закончил разговор и больше его не задерживает.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Наши люди работали в Белом доме, а я в Свято-Даниловом монастыре. Мы очень надеялись на Патриарха, но он, к сожалению, долго не мог принять решения. Когда они увидели наше слабое сопротивление — взяли мэрию и могли пойти на Центр.

Я даже не уверен, что мы могли бы удержать Кремль. В этот момент была растерянность, и никто не знал, что дальше делать... Мы с Лужковым должны были выступить на телевидении, поехали на Шаболовку, но там ничего не было готово. Прождали два часа. А время тогда было очень дорого!

Что касается попытки установить прямую линию связи с Белым домом, то я с самого начала не верил в это. Да и президент на это не пошел бы... Но Степашину удалось выгащить кое-кого из Белого дома. Он сыграл заметную роль. Конечно, были использованы не все возможности. Нужно было, чтобы два первых лица — Ельцин и Хасбулатов — договорились между собой...» *(Из записей воспоминаний С.А. Филатова, 28 июня 2001 года.)*

ВОСПОМИНАНИЯ: «В Кремле никого не было. Я посадил Андреева в приемной, а Харичева¹ отправил собирать людей. Должны же быть по телевизору российские флаги, а не только красные! Никто ничего не знал. Никого невозможно было найти. Филатов был на переговорах в монастыре...

Из Белого дома мы получали информацию только от журналистки Вероники Куцило, которая сообщала, кто, где находится и кто что делает. Она очень рисковала...» *(Из воспоминаний В.Н. Прямухина, в 1993 году — руководителя Секретариата С.А. Филатова.)*

Потянулись долгие часы ожидания. Но звонка от Филатова все не было. Андрей несколько раз даже звонил в

¹ Андреев Александр Юрьевич и Харичев Игорь Александрович — сотрудники аппарата С.А. Филатова.

его приемную, справлялся, не искал ли его Сергей Александрович. Но все оставалось по-прежнему. Драгоценные минуты и часы пропадали зря, в то время как ситуация обострялась с каждым часом. К вечеру начались беспорядки у станции метро «Баррикадная», где проходил стихийный митинг, разогнанный милицией. Проезжая часть улиц, прилегающих к этой станции, была загромождена троллейбусами с проколотыми шинами. Митингующие также парализовали движение на некоторых участках Садового кольца, откуда их, применяя резиновые дубинки, пытался вытеснить ОМОН. С Садово-Кудринской улицы машина «скорой помощи» увезла тяжело раненного в столкновении офицера милиции, который, как сообщалось, впоследствии скончался в больнице.

После того как президент Ельцин заявил, что отвергает какие-либо компромиссы с народными депутатами, забаррикадовавшимися в здании парламента, к милицейскому оцеплению вокруг Дома Советов были стянуты автомашины с водометами, а по периметру развернуты заграждения из колючей проволоки. Машины подвозили большие бухты армированной проволоки с угловатыми пластинами-шипами, которая как известная «спираль Бруно» должна была служить надежным препятствием для лиц, пытающихся проникнуть в здание, где заседал мятежный парламент.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...В тех событиях я оказался в роли миротворца. Вместе с Григорием Явлинским, Валерием Зорькиным и рядом других политических деятелей участвовал в поисках выхода из конфликта. Очевидно, что и та и другая сторона по ряду позиций была неправа. Мы предлагали нулевой вариант: до-

срочные выборы парламента и президента. На каком-то этапе в переговорах почти удалось склонить к компромиссу Александра Рудцкого, но потом произошла резкая радикализация настроений. Кремль начал жесткие действия по блокаде Белого дома, которые привели парламентских сидельцев в неадекватное состояние. Когда я за два-три дня до вооруженного конфликта последний раз посетил Белый дом, то почувствовал, что дипломатические усилия вряд ли увенчаются успехом. Люди были взвинчены и не хотели ничего слышать о мире...» *(Из интервью А.А. Вешнякова журналу «Итоги», № 27, июль 2011 года.)*

ВОСПОМИНАНИЯ: «...В один из тех дней мне позвонили из посольства США и попросили назначить встречу со мной посла. Мы встретились поздно вечером, уже после одиннадцати часов. Посол Пиккеринг выглядел очень усталым и обеспокоенным.

— Господин Филатов, я хотел бы получить ваш совет: что мне делать. У нас более ста детей и женщин. Мы их должны или вывезти из Москвы, или расположить здесь (в здании посольства у гостиницы «Мир») в подвалах. Я хотел бы получить ваш совет.

— А почему у вас такая обеспокоенность?

— Нам хорошо было видно то оружие, которое выставлено в окнах Белого дома, и мы думаем, что без стрельбы и без крови не обойдется...

Я рассказал господину послу об общей обстановке, о переговорах в Свято-Даниловом монастыре, но посоветовал детей и женщин на всякий случай вывезти из посольства...» *(С.А. Филатов. Совершенно несекретно. Москва, 2000 год.)*

Орлов не находил себе места. Обстановка развивалась по самому худшему сценарию, а ответа от Филатова не было. То ли он еще не смог доложить президенту, то ли тот еще не принял никакого решения. Уже поздно вечером, когда практически все сотрудники управления разошлись по домам, Андрей зашел в приемную Румянцева. Секретарь с удивлением посмотрела на него: дескать, что вы так поздно делаете на работе? Он поинтересовался, на месте ли начальник. Дмитрий Дмитриевич был в кабинете.

— Я зайду, — то ли спросил, то ли просто сказал он секретарше. Та пожала плечами.

Дим Димыч сидел за столом, читая какие-то бумаги. Работал телевизор, по которому вещал пресс-секретарь Ельцина Костиков.

«Никакого штурма Белого дома не готовилось и не готовится. Цель такого рода дезинформации, распространяемой с подачи бывшего спикера Хасбулатова, — преднамеренное пагнетание напряженности...»

— А, Андрей. Хорошо, что зашел. Ну как дела? Что там говорят у вас?

Будто пропустив этот вопрос мимо ушей, Орлов произнес:

— Дмитрий Дмитриевич, хочу сообщить вам одну вещь. Дело в том, что мы с Русских (вы его знаете, он работает в ГПУ¹) ждем решения президента на установление прямой телефонной линии связи с Домом Советов. Вся технология уже проработана. Нас поддержали Степапин и Филатов. Теперь только ждем решения президента.

¹ ГПУ (сокр.) — Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации.

Румянцев как-то странно, словно удивившись неожиданной информации, посмотрел на Андрея и покачал головой. Потом закурил, пуская струи дыма, который обволакивал все пространство вокруг стола.

— Кури! — Дмитрий Дмитриевич пододвинул ему пачку сигарет.

Они помолчали некоторое время, потом Румянцев сказал:

— Андрей, если вам удастся сделать то, что вы задумали... Ситуация может измениться. Но ты понимаешь, что вы рискуете?

Орлов кивнул и встал, намерсваясь уйти. Румянцев вышел из-за стола, взял Андрея за плечи, пристально посмотрел сверху вниз, и неожиданно обнял его.

— С Богом, Андрей! Будь осторожен.

На прощанье он пожал Орлову руку, стиснув ее так, что Андрей потом еще долго ощущал это рукопожатие.

* * *

Ответ президента стал известен только спустя двое суток. Андрей и Павел уже отчаялись что-либо узнать. Поэтому поздним вечером направились в Кремль. В приемной Филатова на каждый звонок Андрея отвечали, что Сергей Александрович на выезде и скоро должен быть. Не надеясь на телефонный разговор, они решили перехватить руководителя Администрации прямо перед главным входом в первый корпус.

Ждать пришлось недолго. Вскоре у подъезда остановилась черная «Волга» с синим и красным спецсигналами, и из нее показался Филатов в сопровождении «прикрепленного» — сотрудника Главного управления охраны. Лицо у него было крайне озабоченным, даже взволнованным. По

усталым глазам было видно, что он сильно недосыпал в последнее время.

Сергей Александрович поднялся по ступенькам главного входа и тут увидел Андрея.

— Пока еще нет! — с едва заметным раздражением в голосе он бросил Орлову.

— Сергей Александрович, мы упускаем время! Если...

— Я сказал: ждите! Пока ничего не могу сказать! — перебил Андрея Филатов и, не останавливаясь, вошел в подъезд. «Прикрепленный», поздоровавшись с Андреем за руку, только пожал плечами.

Орлов и Русских переглянулись.

— Ну что ж, будем ждать, — с нескрываемым сожалением сказал Паша. — Пойдем, перскусим в буфете. Здесь такие вкусные пирожки пекут. Я слышал, что сейчас кремлевский буфет работает круглосуточно. Представляешь?

Когда они вернулись через полчаса к подъезду и поинтересовались у прапорщика, не выходил ли Филатов, тот просто покачал головой. Куранты на Спасской башне пробили десять. Стало совсем темно. Фонари на Ивановской площади освещали все каким-то бледно-желтым цветом, придающим зданиям неестественный вид, будто они с Павлом стоят не в самом центре столицы, а где-то в захолустье, в одном из тысяч провинциальных городков, каких в России бесконечное множество.

Неожиданно двери распахнулись, и из подъезда вышел Филатов. Не глядя на Андрея и Павла, он направился быстрым шагом к машине. Вслед за ним шел «прикрепленный».

— Сергей Александрович! — Орлов окликнул руководителя Администрации. — А как...

Тот, не дав ему даже задать вопрос, резко бросил:

— Не будет никаких контактов с *этими!*

— Но как же? Это же шанс! — с явным волнением воскликнул Орлов.

— Нет никаких шансов. Президент против вашего предложения, понятно? Все! Хватит! А Сергею Вадимовичу я сам позвоню!

Через мгновение хлопнули двери машины. Она резко рванула с места, сделала большой разворот и устремилась к Боровицким воротам. За ней пристроилась «Волга» с охраной.

ВОСПОМИНАНИЯ: «...У нас была идея — «прямая линия». Наши представители сидят там, а их здесь. И прямой телефон — чтобы не было кровопролития... Мы написали докладную Филатову заблаговременно, еще до того, как начались переговоры у Патриарха. Запас времени был. Можно было предупредить... Мы боялись, что чья-то подлость и чья-то глупость приведут к крови. Вот что нами двигало, когда мы готовили эту дурацкую бумагу. Если бы нас с Андреем тогда услышали, возможно, не было бы расстрела Белого дома!» *(Из воспоминаний П.А. Русских, в 1992—1994 годах — специалиста-эксперта Государственно-правового управления Администрации Президента.)*

Андрей и Павел еще долго стояли в растерянности у крыльца главного подъезда первого корпуса. Они молча выкурили по сигарете. И только потом Орлов произнес:

— Жаль! Я рассчитывал, что они хотят избежать крови! Но, похоже, что...

— Ладно, Андрей! Не расстраивайся! Мы с тобой сделали все, что могли! А теперь поехали домой.

Время-то... — Павел посмотрел на часы, — уже половина одиннадцатого.

И они молча побрели к Спасским воротам.

* * *

Произошедшее в те последние дни сентября казалось Андрею чем-то давно забытым, почти нерсальным. Вера в готовность противоборствующих сторон найти компромисс и избежать сползания ситуации к вооруженному противостоянию, представлялась теперь наивной и совершенно безосновательной.

«Какие же мы были глупые всего две недели назад! — подумал Орлов. — Пока мы занимались созданием прямой линии связи между Кремлем и Белым домом, наверху уже все решили. Причем и те и другие сознательно шли на обострение ситуации. И те и другие верили, что одолсят противника. Хасбулатов с Руцким рассчитывали на широкую поддержку региональных властей, народа и армии, а Ельцин, закаленный в боях против Горбачева, был уверен, что ему удастся сломить волю «белодомовских сидельцев» и принудить их к капитуляции. При этом и те и другие готовы были применить силу для достижения своих целей».

Начало октября только подтвердило эти намерения. Ситуация стала развиваться по самому худшему сценарию.

11 октября 1993 года, понедельник, вечер.

Москва. Район Смоленской площади.

Старинный особняк

В миниатюрном зале-салоне, именуемом библиотечкой, разговаривали двое — один худощавый, лет пятидесяти, в строгом костюме-тройке и белоснежной рубашке с синим галстуком, другой — молодой человек спортивного телосложения.

сложения в коричневом свитере крупной вязки. Бросалась в глаза его прическа, представляющая собой самый настоящий ежик, как будто он только что вышел из ванной, не успев как следует вытереть голову.

Мужчины сидели на мягких диванах с цветастой обивкой за небольшим овальным столиком из элитных пород дерева. Рядом был камин из темного с прожилками мрамора, по обеим сторонам которого стояли невысокие двухстворчатые тумбы. Несмотря на то что никакого огня в камине не было, он создавал ощущение домашнего уюта.

— Господин Харрис, я вполне отдаю себе отчет о предпринимаемых мной действиях и не вижу ничего опасного для нас. Вы просто сгущаете краски! Русским сейчас не до нас. Они снова оказались в заднице! — Молодой человек громко засмеялся, широко раскрывая рот, как будто демонстрируя собеседнику ряды белых зубов.

— Ричи, я готов с тобой согласиться. Но нельзя же действовать так нагло, как делаешь ты! В конце концов, это может плохо кончиться, и ты подставишь всех нас...

— Харрис, вы как всегда, перестраховываетесь! Я же говорю, русские сейчас в полной прострации. Напи коллеги на Лубянке ждут, как это у них говорят, «оргвыводов».

— «Оргвыводов»? Это что такое?

— А это, уважаемый шеф, значит, что все сидят и ждут, что им дадут пинок под зад! Они ведь, как и в девяносто первом, снова не оправдали доверия президента. А Ельцин такого не прощает! Вы же знаете!

— Да, Ричи. Но все равно, пытаться выуживать секретные документы у них из-под носа, да притом в правительственном здании...

— Да какос правительственное здание! Там все разгромлено, полдома сожжено! Сейчас это не дом парламента,

а сарай или старая заброшенная копошня! — Молодой человек снова засмеялся, демонстрируя зубы.

Тот, кого он назвал Харрисом, тоже улыбнулся. Но беззаботного веселья своего собеседника он явно не разделял.

— Ричи, если ваш агент засветится, нам мало не покажется. Может произойти скандал. Русские завопят, что мы, воспользовавшись ситуацией, ворумем у них секреты...

— Никто ничего не завопит! Говорю же: им сейчас не до нас! А чекисты вряд ли сунутся на объект. Им сейчас лучше сидеть тихо и не вызывать на себя гнев Ельцина. Он, как мне говорили, и так был в ярости, что сотрудники министерства безопасности очень вяло вели себя при подавлении путча. Так что, возможно, еще последуют «оргвыводы».

— Ладно, Ричи. И все-таки надо быть очень осторожными в этом деле.

— Как учили на «Ферме»¹.

— Ричи, навыки, приобретенные на «Ферме», здесь вряд ли пригодятся. Главный инструмент тут должны быть не руки, а голова.

— Ну, не скажите, Харрис. В здании бывшего русского парламента сейчас как раз нужны командос². Мне докладывают, что там реально босвая обстановка — во всем здании нет света, часть помещений разрушена, милиция и военные перекрывают лишь отдельные участки. Пропускного режима пока еще нет, машины на выезде никто не

¹ «Ферма» (англ. The Farm) — экспериментальный тренировочный центр Центрального разведывательного управления США.

² Коммандос (англ. commandos) — специальные подразделения, предназначенные для осуществления разведывательно-диверсионных операций.

досматривает. Повсюду рабочие убирают мусор, множество людей слоняется по этажам. Неразбериха полная!

— То есть вы хотите сказать, что обстановка способствует?

— Именно! Наш человек уже начал работу. Думаю, уже через пару дней мы получим не менее двух мешков трофеев!

— Не загадывайте, Ричи. Русские тоже не дураки. Думаю, что очень скоро они наведут там порядок, перекроют все входы и выходы, да и наши коллеги дремать перестанут.

— Я все это учитываю. Поэтому действуем мы очень осторожно.

— Но, дерзко!

— Да, дерзко! Потому что нельзя терять ни минуты!

— Но, вы же докладывали, Ричи, что скоро появятся дополнительные возможности.

— Да, через несколько дней на объект прибудет первая партия рабочих из Турции. Фирма «Венка». Крупная строительная фирма. По контракту с русскими турки будут разбирать руины и ремонтировать объект. Планируется прибытие более тысячи турецких строителей. Во взаимодействии с МИТ¹ мы уже создали хорошие агентурные позиции среди турок, которые поедут в Россию. Сейчас мои люди в Стамбуле работают с ними. Кроме того, мы внедрили своего человека в группу, планируемую к выезду в ближайшее время. Он станет бригадиром и получит достаточно возможностей для передвижения по зданию. Есть еще кое-какие наметки...

¹ МИТ (сокр.) — Национальная разведывательная организация Турции — спецслужба, занимающаяся разведывательной и контрразведывательной работой.

— Хорошо, Ричи. Надеюсь, будет все, как вы сказали. Но помните, за реализацию операции «Кюль» вы отвечаете лично.

— Так точно, господин Харрис. Я не боюсь ответственности и уверен в успешной реализации нашей операции. Не забудьте подготовить на меня представление для награждения крестом «За заслуги в разведке»!

— За этим дело не станет, Ричи. Но, как говорят русские: «Не говори гоп, пока не перескачешь».

— «Не перепрыгнешь», — поправил Харриса Ричи.

— Какая разница. У русских слишком много синонимов. Всех и не упомнишь.

13 октября 1993 года, среда, вечер.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов

— Петрович, если не перекрыть периметр и ввести жесткий досмотр автотранспорта, я не знаю, что будет! Караван-сарай какой-то! — Юра Спириин развел руками. — Завтра еще пригонят тысячу рабочих! Вообще не сможем контролировать ситуацию!

— Знаю, знаю!

— Ну и что, что ты знаешь? Надо, чтобы они принимали решение! А что ночью делается! Взламывают сейфы, растаскивают технику! Вот вчера мне тут один мужик попался. Работяга такой, в комбинезоне. Смотрю, тащит сверток. Большой. Что-то он мне подозрительным показался. Я ему: «Мужик, чего несешь?». А он мне: «А тебе какое дело?» Ну, я ему удостоверение в нос. А он, знаешь, что мне говорит: «Засунь это себе в задницу!». Понимаешь? Я его дернул за руку, хотел уже заломить... Тут пакет у него выпал из рук. А в нем бутылки, штук пять. Коньяк!

Разбились все вдребезги. Запах, скажу тебе, Петрович, отменный!

— А мужик?

— А что мужик? Обложил меня матом и пошел дальше. А коньяк-то там был дорогой, импортный! Мародер! Откуда у него коньяк? Спер где-то. Может, в буфете депутатском, может, сейф чей-нибудь вскрыл!

— Да, мне уже докладывали. Одного поймали у ворот. Тащил телевизор. У другого охрана, которая стоит в цоколе, обнаружила купюры в банковской упаковке. Говорят, несколько миллионов. Тоже откуда-то стащил.

— Вот, Петрович, я и говорю: надо срочно принимать меры. А то скоро здесь все растащат! И мы не найдем ни бумажки. Кстати, документы тоже денег стоят. А кто-нибудь, особенно наши американские друзья, думаю, могут немало отвалить за хороший документ из генштаба.

Время было уже около шести вечера. В кабинет стали подтягиваться члены опергруппы, обследовавшие разные этажи громадного здания. Практически у всех была грязная обувь, костюмы и куртки были покрыты пылью, как будто это были не ответственные сотрудники министерства безопасности и Администрации Президента, а грузчики из продуктового магазина. Поскольку члены опергруппы работали парами, то докладывали старшие.

— Андрей Петрович, прошли весь шестой этаж. Полностью. Все кабинеты в целости, только в одном — полный разгром. Похоже, что там была организована комната отдыха — на полу матрасы и одеяла, куча всякой одежды, гора пустых консервных банок и бутылок. Все сейфы проверили, вот нашли! — сотрудник протянул Орлову полиэтиленовый пакет с кипой документов.

— А нам повезло, напали на настоящую жилу. Мы работали в зоне «Г-1» на четвертом этаже. Дверь в 107-й кабинет была взломана, все внутри перевернуто. От стульев остались одни дрова, как будто кто разбивал их со всей силы об стены. Но весь пол в кабинете и коридоре был усеян документами, запечатанными пакетами, какими-то брошюрами. На всем этом грифы и штампы. Настоящий Клондайк! Вот, посмотри! — говоривший указал на три картонные коробки, которые только что внесли в кабинет два солдата внутренних войск.

— А «гвардейцев» где подхватили? — спросил Орлов.

— По пути.

Коробки были битком набиты различными документами и материалами. В глаза бросались строгие грифы и красные бланки учреждений, правительственные телеграммы, картонные папки с завязанными тесемками, конверты разного формата.

— Сегодня же все это надо отвезти на Лубянку. Здесь оставлять не будем. Охраны полноценной все равно нет. Поезжайте!

— Петрович, покурим! — Жуков протянул Андрю пачку «Явы».

Они вышли в коридор, подсвечивая себе фонариком, направились к разбитому окну. Под ногами хрустели осколки стекла, то и дело попадались обломки мебели, вороха бумаги и газет, тряпки, куски штукатурки и декоративные потолочные панели. На улице уже начинало смеркаться. В доме напротив, частично поврежденном в ходе перестрелки, одиноко светились несколько окон.

— Понимаешь, Петрович, мне тут работяги кое-что рассказали. Мы осматривали кабинеты на десятом этаже. Рядом — туалет. Вонница, ты себе представить не можешь!

Воды-то нет! И все загажено! Смотрим, там крутятся двое мужиков, сантехники, наверное. Мы подошли к ним, разговариваем, спрашиваем, то да се. Сначала они как-то мялись, а потом, когда я им показал удостоверение, разговорились. Про документы они ничего сказать не могли, просто не обращали внимания на то, что лежит под ногами. Но одну важную деталь сообщили. У них, говорят, работает парень один, такой, немного с прибабахом.

— С чем? — переспросил Орлов.

— Ну, чокнутый немножко.

— И что?

— Так вот, ребята заметили, что он, всегда такой ленивый, медлительный, вдруг стал ходить по всем этажам, смотреть, где бы что починить. Они посчитали это очередным чудачеством. Но сегодня днем вдруг заметили, что у него сумка топорщится от чего-то. Они думали, что он раздобыл где-то пару бутылок водки или вина. А когда подошли вплотную, увидели — там конверты и служебные бумаги. Они спрашивают его: «Леня (его Леонидом зовут) ... Леня, ты ничего не перепутал. Ты сантехник, а не почтальон. Он ничего не сказал и ушел.

— Ну и как этот Леня все объяснил?

— А они его больше не видели. Завтра, наверное, спросят. А мне все-таки рассказали. Говорят: «Может, это по вашей части. Хотя, вряд ли, он же чокнутый!»

В девятом часу Орлов свернул всю работу в Белом доме. Распрощавшись у восьмого подъезда, все отправились каждый в свою сторону. Двадцать первая черная «Волга», выделенная Орлову по указанию Филатова, была уже здесь. За рулем сидел симпатичный парень в светлом свитере. В его глазах чувствовалось сильное напряжение,

граничащее с испугом. Дело в том, что машина эта еще несколько дней назад обслуживала одного из известных депутатов, бывшего секретарем Комитета по делам инвалидов, ветеранов войны и труда. Депутат этот был в рядах, близких к Руцкому, сейчас, как говорили, находился не то в следственном изоляторе, не то под домашним арестом. Во всяком случае, он ждал своей участи. А его водители оказались не у дел, не знали, как сложится их судьба, где они будут работать, чем заниматься.

Всю дорогу до дома Орлов молчал. Водитель, о котором Андрей знал, что его зовут Сергеем, тоже был неразговорчив. Когда машина отъезжала от Белого дома, Андрей обратил внимание на вереницу самосвалов, стоящих вдоль северной стороны здания, куда выходили восьмой, четырнадцатый и двадцатый подъезды и где были выезды из подземного гаража и внутреннего двора. Их кузова были полностью загружены обломками стенных перегородок, деформированными потолочными плитками, железной арматурой, сломанной мебелью, грязными и изодранными тряпками, бывшими когда-то гардинами или коврами.

«Неплохо было бы организовать контроль за вывозом мусора», — подумал Орлов, но тут же отбросил эту мысль, поскольку ни людей, ни технических средств у него для этого не было. Когда машина поворачивала на Рочдельскую улицу, Орлов еще раз окинул взглядом громаду Белого дома, которая, несмотря на свою черноту, выделялась на фоне темного неба. Верхние этажи «стакана» зияли зловещими глазницами выгоревших помещений, а этажи нижней части здания, стены которой сохраняли следы обстрела из автоматов и пулеметов, казались остовом поверженной крепости. То, что раньше Андрей видел только в кино и по телевизору, да еще среди развалин на пустырях Калининграда,

именовавшегося когда-то Кенигсбергом, теперь предстало перед ним воочию. Да притом в самом центре Москвы! Это казалось невероятным, как, собственно говоря, и все то, что происходило здесь двумя неделями ранее.

* * *

Несмотря на то что Ельцин категорически отказался устанавливать прямую линию связи с заблокированным Домом Советов, что ему предлагали Филатов и Степашин, пойти на переговоры с неподчинившимся его указам парламентом ему все-таки пришлось. И делал он это под давлением обстоятельств. Конечно, сказала, прежде всего, миротворческая позиция Патриарха Алексия, который в своем обращении 29 сентября призвал к благоразумию всех участников конфликта.

ДОКУМЕНТ: «Россия стоит на краю пропасти: или остановится падение, или России грозит распад, за который нас проклянут будущие поколения.

Противостояние у Дома Советов в любой миг может взорвать хрупкий мир.

Слезно умоляю: не совершайте кровопролития, не пытайтесь решить политические проблемы силой.

Не поддавайтесь на провокации. Нынешней смутной ситуацией могут воспользоваться экстремисты, преступные элементы и просто нездоровые люди. Одна пуля возле Дома Советов может привести к кровавой бойне, эхо которой прокатится по всей стране.

Призываю ослабить политическое противостояние, так как политические цели не могут препятствовать людям, находящимся в Доме Советов, пользоваться медикаментами, теплом и связью.

Русская Православная Церковь призывает к диалогу.

В связи с событиями вокруг Дома Советов созывается экстренное заседание Священного Синода.

Прошу молиться всех верующих за спасение России и даже тех, кто никогда не был в храме. Совместными усилиями спасем Россию.

Верю: Господь даст силу народу своему. Господь благословит народ свой миром (Пс. 28, стих 11)...» (*Воззвание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II 29 сентября 1993 года.*)

После 29 сентября события развивались столь стремительно, что уже невозможно было уследить за наступлением момента, когда пружина резко распрямится и сработает капсюль-детонатор вооруженного противостояния, когда ситуация необратимости действий масс людей и поступков отдельных лиц приведет к полному коллапсу и хаосу.

ИНТЕРВЬЮ: «С самого начала президент дал четкую установку не применять никаких силовых приемов. Но, к сожалению, из-за безумства руководителей ВС внутренняя охрана начала раздавать автоматы Калашникова... Насколько нам известно, в Белом доме огромное количество денег — миллиарды рублей, а также валюта, частично привезенная из-за рубежа. Деньги, которые готовились к моменту, когда «пробьет час». Ходят разговоры, что платят за охрану по двести тысяч рублей в день. В этих условиях я думаю, что мэр города, правительство страны приняли совершенно правильное решение объявить Белый дом очагом повышенной опасности...

И никакого нападения на Белый дом не будет, никакого штурма не предполагается, повторять август 1991 г. никто желания не имеет...» (Из интервью С.А. Филатова корреспонденту «Аргументов и фактов», 30 сентября 1993 года.)

За два октябрьских дня 1993 года страна перешла из состояния политического кризиса в обстановку разгорающегося пожара гражданской войны.

1 октября с началом переговоров между представителями парламента и президента вроде бы наметились подвижки — в здании Дома Советов был включен свет и подана вода. Полномочные представители Верховного Совета Абдулатипов и Соколов согласились с требованиями представителей Ельцина осуществить сбор и складирование оружия. Но это решение тут же было опротестовано новоспеченными министром обороны Ачаловым, министром безопасности Баранниковым и министром внутренних дел Дунаевым. Вслед за этим соглашение было денонсировано Съездом народных депутатов.

Это вызвало резкую реакцию президента Ельцина, который рассчитывал, что начавшиеся переговоры остановят процесс эскалации конфликта и откроют возможность мягкого перехода от парламентской республики к президентской.

ИНТЕРВЬЮ: «...Ни к кому, кроме руководства бывшего Верховного Совета, мы претензий не имеем... Все переговоры должны начинаться со сдачи оружия... Любой, пусть даже нечаянный, выстрел — это провокация, которая приведет к крови, и это недопустимо... Мы не будем прибегать к силовым методам, потому что

не хотим крови. Но и не хотели бы, чтобы босвики из Приднестровья, рижского ОМОНа проливали российскую кровь...» *(Из интервью Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина телекомпании «Останкино», 1 октября 1993 года. — Москва. Осень-93. Хроника противостояния. Москва, 1994 год).*

В этот же день Руцкой подписал указ, предписывающий Ачалову, Баранникову и Дунаеву «приступить к выполнению своих обязанностей» и направиться в свои министерства, что, разумеется, было невозможным. И в министерстве обороны, и в министерстве безопасности, и в министерстве внутренних дел находились действующие министры, назначенные президентом Ельциным. Несмотря на драматизм ситуации, никто из них не собирался уступать место «самозванцам», понимая, что даже самая малая уступка, например переговоры с ними, может быть воспринята Ельциным как предательство со всеми вытекающими отсюда последствиями. В ответ на несговорчивость депутатского корпуса в Белом доме снова было отключено электричество, прекратилась подача воды.

Министр безопасности Голушко делал все для того, чтобы разброд и шатания не проникли в среду чекистов. Впрочем, новая власть уже никак не хотела отождествлять органы безопасности России с ВЧК, считая, что новое поколение сотрудников органов должно ориентироваться на принципы демократического рыночного государства, а не искать опору в «темном» прошлом. О героических делах предшественников следовало забыть, как о чем-то постыдном и неприличном.

Упреждая возможные нападки на органы безопасности в связи с тем, что прежний глава ведомства стал одной

из ключевых фигур «мятежного парламента», министр безопасности Голушко дал указание распространить в средствах массовой информации сообщение, которое должно было подтвердить полную благонадежность системы и ее неучастие в политическом противостоянии.

ДОКУМЕНТ: «...В связи с появившимися в некоторых средствах массовой информации сообщениями о том, что в министерстве безопасности происходит поляризация отношения сотрудников к Указу Президента России № 1400 от 21 сентября с.г. «О поэтапной конституционной реформе в России», и якобы начавшейся идеологической «чистке» профессиональных кадров МБ РФ заявляет, что руководство и абсолютное большинство личного состава министерства, понимая свою ответственность за обеспечение безопасности России, направляют усилия исключительно на решение задач, определенных для органов безопасности действующим законодательством, считают опасным для интересов страны допустить раскол внутри министерства и втягивание сотрудников в политическое противостояние. Министерство безопасности и впредь будет действовать строго в рамках закона и в пределах своей компетенции». *(Из Сообщения Министерства безопасности Российской Федерации 1 октября 1993 года. — Москва. Осень-93. Хроника противостояния. Москва, 1994 год.)*

Страницы российских газет пестрели броскими заголовками:

«Стоит ли властям превращать сидельцев Белого дома в героев?» «Защитники распущенного парламента напоминают о себе уличным хулиганством», «Отключение

света — не метод разрешения политических конфликтов» («Известия»);

«Кажется, начался поиск путей мирного выхода из кризиса», «Десять суток после указа. Блокада Белого дома усиливается» («Независимая газета»);

«Кто же контролирует ситуацию?», «Милиция хватается всех подряд», «Мэрия решила оказать гуманитарную помощь Белому дому» («Московский комсомолец»);

«Вставай, страна огромная!», «Ночи мятежного дома», «У президентской пушки треснул лафет», «Господи, спаси Русь Православную!», «Церковь не может поддерживать беззаконие» («День»).

Французская «Монд» рассуждала: «Силы сторон сравнивать нельзя, и сопротивление парламента все больше похоже на сопротивление горстки непримиримых и даже экстремистов. Однако оно затягивается дольше, чем, видимо, предполагал Б. Ельцин, и это толкает власть на скользкую дорожку авторитаризма». Английская «Дейли Телеграф» писала: «Вмешательство в конфликт главы Русской православной церкви Алексия II получило одобрение всего политического спектра и виделось многим последним шансом избежать кровавой бойни и краха правительственного контроля».

Орлову, да и не только ему, становилось все более понятным, что «избежать кровавой бойни», по-видимому, все-таки не удастся. Слишком непримиримыми были позиции противостоящих друг другу сил, слишком радикально были настроены окружающие их группы, слишком высока была цена проигрыша в этой схватке. И что самое горькое, произнося заклинания о готовности к переговорам и компромиссам, ни та, ни другая сторона не хотела уступать друг другу даже в малом.

2 октября переговоры в Свято-Даниловом монастыре, казалось, стали давать некоторые положительные результаты. Стороны договорились о сокращении вооружений, находившихся у вооруженных формирований Дома Советов и блокировавших его подразделений МВД и Внутренних войск, о снятии заграждений и баррикад вокруг здания парламента, о совместном складировании оружия. Но днем собравшийся на Смоленской площади несанкционированный митинг сторонников Верховного Совета перерос в массовые беспорядки. Как и весной, снова сооружались баррикады из ящиков, кровельного железа, листов фанеры, катушек электрокабеля, металлических труб, автомобильных покрышек, различного мусора.

СТЕНОГРАММА: «...Филатов: Ваше Святейшество, я с глубочайшим сожалением должен констатировать, что переговорный наш процесс на пути в тупик: вместо того, чтобы идти навстречу друг другу, уменьшая требования, наша другая сторона пошла на ужесточение их. И мы сегодня стоим перед фактом, что должны прекратить переговоры и покинуть это заседание, потому что видим: что идет преднамеренная оттяжка времени, которая ведет к потерям, к жертвам... Надо искать, видимо, другие пути к разрешению этой проблемы...»
(Из выступления С.А. Филатова на переговорах между представителями Президента Российской Федерации и представителями Верховного Совета Российской Федерации при посредничестве Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, 2 октября 1993 года.)

Снова начались ожесточенные столкновения с милицией и ОМОНОм, дикие крики, рев толпы, возгласы в мегафон:

«Фашизм не пройдет!», «Банду Ельцина под суд!», «Мы победим!». Над одной из баррикад появилось белое полотнище с надписью: «Мы — русские! С нами — Бог!». Националисты, коммунисты, монархисты — все перемешалось в этой потерявшей ориентировки гигантской стране. В центре Москвы, напротив министерства иностранных дел, рядом с гастрономом «Столичный» и аркой станции метро «Смоленская», разворачивалось настоящее побоище. Возбужденные толпы с одной стороны, разъяренные люди в униформе — с другой. Кто прав? Кто виноват? Понять уже было невозможно.

ВОСПОМИНАНИЯ: «...Первое крупное столкновение между милицией и демонстрантами произошло 2 октября. Удивительное дело: правительство Москвы, несмотря на постоянные инциденты, которые происходили в непосредственной близости к Дому Советов между сотрудниками органов внутренних дел и москвичами, решило отметить очередной День города и устроить массовые гуляния. Что это было: недомыслие или сознательная провокация? Мэр Москвы не производит впечатления идиота. Уверен, что решение устроить городской пир во время «политической чумы» было принято им осознанно...» *(Д.О. Рогозин. Ястребы мира. Дневник русского посла. Москва, 2010 год.)*

В самом начале заварухи митингующие разобрали праздничную сцену, смонтированную ко Дню города, и использовали ее элементы для укрепления баррикад. Солдаты в касках и бронежилетах, с пластиковыми и стальными щитами пытались вытеснить толпу в переулки, но это плохо удавалось. Вскоре в нескольких местах запылали барри-

кады, от которых потянулся едкий черный дым горячей резины и пластмассы. Пожарные и милицейские машины, кареты «скорой помощи» и водометы дополняли картину безумия, охватывающего улицы и площади столицы.

* * *

Уже на подъезде к своему дому в Крылатском, Орлов услышал зуммер телефонного аппарата. Радиостанция «Алтай», молчавшая все эти дни, вдруг ожила, чему Андрей немало удивился. Ведь все виды специальной связи у депутатов были отключены, и в первую очередь это касалось мобильной связи — телефонов, установленных на служебных автомобилях. Это были громоздкие ящики, занимавшие чуть не половину багажника, и аппараты в виде контейнера с проводной трубкой, как у простого телефона. Они размещались впереди между сиденьями водителя и пассажира, потеснив рычаги управления автомобилем.

— Орлов, — произнес Андрей в трубку. На том конце что-то хрипело и щелкало. Он уже было хотел положить трубку, как в ней раздался голос телефонистки:

— Это 325-я?

Андрей пожал плечами, не зная, что ответить. Потом, что-то вспомнив, спросил водителя:

— Какой у нас номер? 325?

Сергей кивнул.

— Да, да, это 325-я!

— Хорошо! А то мы включили связь и не знаем... Вас вызывают.

— Кто? — удивился Андрей.

— Соединяю, — ответила телефонистка, не реагируя на вопрос Орлова. В трубке еще немного поскрежетало, затем знакомый голос спросил:

— Андрей Петрович, вы где?

— Еду домой, Сергей Александрович! — Орлов сразу узнал руководителя Администрации Президента.

— Ну, как там у вас? Как идет работа? Борис Николаевич интересуется.

— Все в порядке, Сергей Александрович. Работаем.

— Что-нибудь нашли?

— Сергей Александрович, — Орлов чуть помедлил, — если нужно, я сейчас подъеду. Готов доложить...

— Не надо, — прервал его Филатов. — Приходите завтра утром, полдевятого.

14 октября 1993 года, четверг, утро.

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.

Кабинет руководителя

Администрации Президента

— Вы должны, прежде всего, не допустить, чтобы пропали важные документы! Если обнаружите среди них о подготовке переворота... возможно их тайные замыслы...

— Я их сразу передам в следственную бригаду Генеральной прокуратуры. Они как раз сидят рядом с нами...

— Нет, покажете сначала мне, а потом уже...

— Ясно, Сергей Александрович. Но остаются серьезные проблемы.

— Какие еще проблемы? — Филатов бросил на Орлова недоуменный взгляд.

— Существует реальная опасность, что за документами уже охотятся.

— Охотятся? Кто?

— Полагаю, что люди, которые хотят на этом что-то заработать. Не исключено, что и наши зарубежные коллеги рассчитывают поживиться.

— Но как это возможно? Здание охраняется, никого посторонних в нем нет. Президенту уже доложили, что там все в порядке.

— К сожалению, не совсем так. Во-первых, пока не установлен жесткий пропускной режим, грузовые машины въезжают и выезжают без досмотра, во-вторых...

— Подождите, подождите, как это «без досмотра»? Президенту докладывали... Вы хотите сказать, что его обманывают? — строго спросил Филатов.

— Не знаю, что докладывали президенту, но я своими собственными глазами видел, как груженные машины отъезжают от Белого дома без всякой проверки. По зданию слоняется множество людей. Есть факты, что вскрывают кабинеты и сейфы в поисках чего-нибудь ценного! Сергей Александрович, в Белом доме царит полная неразбериха! Надо немедленно принимать меры!

— Что просто так болтать языком! Пишите записку на президента. Я подпишу. Сколько вам нужно времени?

— Час, — односложно ответил Орлов.

Через час записка была уже на столе у Филатова. А еще через полчаса ее держал в руках президент. Покачивая головой, он резко сказал:

— Наведите порядок! Позвоните Ерину, наконец!

* * *

Через три часа, когда Орлов уже был в Доме Советов и, пересевшись в камуфляж, отправился вместе с двумя членами опергруппы на осмотр одного из верхних этажей «стакана», в окрестностях здания началось какое-то движение. Сначала со стороны Нового Арбата подъехало несколько легковых автомашин, на которых прибыла целая группа людей, в том числе в военной форме, которые, о

чем-то оживленно беседуя, обошли здание вокруг. Затем подтянулись два автобуса, из которых высыпало не менее полусотни бойцов, выстроившихся в редкую цепь по периметру вокруг здания. Указание президента выполнялось на удивление очень быстро. Это почувствовала на себе даже опергруппа Орлова, члены которой, работающие на этажах здания, все чаще вынуждены были предъявлять документы, откуда ни возьмись появившимся постам охраны.

14 октября 1993 года, четверг, день.

Москва. Лубянка.

Здание министерства безопасности

— Добрый день. В нашей сегодняшней встрече, которая посвящена вопросам деятельности органов безопасности по отслеживанию, прогнозированию и влиянию на оперативную обстановку после введения в действие указа президента номер тысяча четыреста, принимают участие: министр безопасности Российской Федерации генерал-полковник Голушко Николай Михайлович, первый заместитель министра генерал-лейтенант Степашин Сергей Вадимович, начальник Следственного управления министерства генерал-майор Балапов Сергей Дмитриевич и начальник Центра общественных связей генерал-майор Кондауров Алексей Петрович. — По голосу ведущего чувствовалось, что он волнуется. Это была первая встреча руководства министерства безопасности с журналистами после событий 3—4 октября. Поэтому брифинг привлек внимание очень многих журналистов, которые стремились попасть на него всеми правдами и неправдами. Сделать, конечно, это не удавалось, так как круг приглашенных на встречу в здание министерства безопасности был заранее определен и строго ограничен.

Накануне Голушко во время очередного доклада Орлова о ходе работы в Белом доме пригласил Андрея поприсутствовать на встрече с журналистами.

«Тебе это может пригодиться, — серьезно сказал Николай Михайлович. — Ты же там общаешься с начальниками разными... Они должны знать напу позицию».

И вот теперь Орлов сидел в пресс-зале Центра общественных связей, примостившись в самом дальнем углу, откуда удобнее было наблюдать за происходящим.

Брифинг начался с краткого выступления Голушко, который также, как и ведущий, заметно волновался.

СТЕНОГРАММА: «...Если бы не трагические события, то мы сегодня говорили бы о других вещах, предшествовавших тому, что случилось в Белом доме. Прошла встреча глав государств на высшем уровне, созданы экономический союз СНГ и единое экономическое пространство...

Для меня, назначенного министром указом президента буквально за два дня до этих событий, это был серьезный момент в жизни, и выбор, который я сделал вместе с коллегией министерства, со всем личным составом — это поддержать в трудную минуту позицию президента, встать на выполнение Указа Президента № 1400.

Весь руководящий состав в центре и сотрудники органов на местах оставались верны своему долгу, закону и приняли все меры по выполнению требований указа, определившего наше место...» *(Из Стенограммы брифинга, проведенного в Министерстве безопасности Российской Федерации 14 октября 1993 года. — Личный архив бывшего министра безопасности Н.М. Голушко.)*

Орлов вспомнил, как меньше месяца назад указ президента произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Поставив депутатов парламента вне закона, он требовал проведения выборов в еще пока не существующий законодательный орган страны, изменения Конституции и в конечном счете перехода всей полноты власти к президенту. По существу, речь шла о переходе от парламентской республики к президентской. Вроде бы чисто теоретический вопрос, если бы он не затрагивал скрытые пружины власти, не противопоставлял друг другу прежних союзников в «борьбе с партократией», соратников Ельцина по «демократическим баррикадам» 1991 года.

Суть противоречий была упрятана так глубоко, что мало кто понимал, из-за чего «поссорились» Верховный Совет с президентом. А они заключались прежде всего в том, что значительная часть народных избранников не могла согласиться с курсом на приватизацию государственной собственности, который превращался фактически в разграбление национального богатства страны, присвоение его кучкой нуворишей, считающих себя уже хозяевами жизни. Именно поэтому делалось все для того, чтобы Верховный Совет не смог перечеркнуть «завоевания» девяносто первого года, помешать сосредоточению достояния страны в руках поднимающего голову класса олигархов.

В осенние дни девяносто третьего Ельцин и Хасбулатов оказались по разные стороны баррикад, как оказались в противостоящих друг другу группировках их сторонники: Филатов, Красавченко, Степашин и целый ряд бывших депутатов Верховного Совета перешли в команду президента Ельцина. Баранников, Ерин и Дунаев, руководители силовых структур, непосредственно подчинявшиеся Ельцину, вдруг оказались в стане его противников. Позицию Ельцина

осудил Конституционный Суд во главе с его Председателем Зорькиным.

Органы безопасности были снова поставлены в положение жесточайшего выбора. Если следовать Конституции и закону, они должны были встать на сторону Верховного Совета. Если же исходить из интересов установления в стране сильной президентской власти, которой никто не посмеет ставить палки в колеса, то следовало поддержать президента Ельцина.

Руководство министерства, как сказал на брифинге Голушко, сделало свой выбор в пользу президента, хотя в коллсктивах неоднозначно воспринимали противостояние двух ветвей власти, считая, что чекистов снова хотят втянуть в политическую борьбу, а в зависимости от ее исхода — сделать «козлами отпущения».

СТЕНОГРАММА: «...На вопрос о неожиданности прошедших событий для исполнительной власти и их информированности по линии министерства безопасности могу вам сказать, что до самой последней минуты мы пытались достичь согласия, любыми способами не допустить кровопролития.

...Я всегда был вместе с Павлом Сергеевичем¹, Виктором Федоровичем². Там, где проходили совещания под руководством президента, Черномырдина, мы были вместе. Меры все предпринимались, все меры были предусмотрены, но меры такого порядка, чтобы никоим

¹ Грачев Павел Сергеевич (1948—2012) — министр обороны Российской Федерации.

² Ерин Виктор Федорович (1944) — министр внутренних дел Российской Федерации.

образом по нашей вине не пролилась безвинно кровь. И вы видите, что все делалось тогда даже, когда тонкая ниточка переговоров велась в Патриархии, в Донском монастыре. А что касается развития событий, то информация была достаточной, меры выработывались самые адекватные. И обвинение кого-то в нерешительности — это безрассудство. Попробуйте действовать решительно в центре Москвы и в стрельбе против собственного народа...» *(Из Стенограммы брифинга, проведенного в Министерстве безопасности Российской Федерации 14 октября 1993 года. — Личный архив бывшего министра безопасности Н.М. Голушко.)*

Слушая Голушко, Андрей горько усмехнулся: «Если бы действительно делалось все для того, чтобы избежать кровопролития, причем всеми участниками конфликта, то добиться этого было можно. Трудно, но можно».

Однако каждая из сторон, заявляя о готовности к компромиссам, делала все с точностью до наоборот, и обстановка стала скатываться к «точке невозврата», как говорят летчики.

3—4 октября 1993 года стали черными днями российской демократии, после чего само это словосочетание стало восприниматься многими как пример произвола и насилия.

Как и накануне, в полдень 3 октября на Смоленской площади стали собираться сторонники Верховного Совета. Снова стали возводиться баррикады, начались стычки с милицейским оцеплением. Но в отличие от вчерашнего дня милиция действовала более решительно и очень быстро разогнала «смутьянов». Казалось, что опасность стихийного столкновения миновала. Но это было не так.

Через час на Октябрьской площади собралась огромная толпа, которая сразу стала скандировать: «Вся власть Советам!», «Долой Ельцина!», «Руцкой — Президент!» Повсюду развевались красные и черно-бело-желтые знамена, распространялись листовки и газеты. Кто-то пытался начать митинг, используя мегафон, но тут же был заглушен звуками громкоговорителя машины ГАИ, из которой через непродолжительные паузы доносилось строгое: «Разойдитесь! Покиньте площадь! Митинг не разрешен!»

На Октябрьскую площадь стали стягиваться силы милиции. Уже ставшие привычными шеренги солдат со щитами и в касках плотно охватывали площадь со всех сторон. От здания МВД приближались все новые и новые подкрепления. Бурлящая, поющая и выкрикивающая лозунги толпа, все больше наэлектризовывалась. Чувствовалось, что митингом, который планировался на площади, дело не закончится. Масла в огонь подливали плотные шеренги, просочиться через которые вовсе, даже если бы кто-то захотел это сделать, было невозможно. Напряжение повышалось с каждой минутой. Достаточно было одной искры, чтобы разгоряченная толпа превратилась в людской костер, а затем в пожар гражданского противостояния, которое все больше и больше напоминало эпизоды гражданской войны. И такая искра вспыхнула.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Очень скоро пространство перед памятником на площади напоминало бурлящий котел с разноцветными пятнами транспарантов и стягов, блестящими щитами «защитников порядка». Это и был настоящий «котел» — в 14.00 в беспорядке стоявшие щиты сомкнулись, перегорев «котел» со стороны Ленинского проспекта и Садового кольца, а неожиданно появившееся большое количество касок со стороны

МВД стали вытеснять «котел» в сторону Крымского моста, грубо сгоняя людей с парапетов и от самого памятника... Новые группы митингующих уже не могли пробиться из метро к «котлу» и были вынуждены уходить во дворы жилых домов. Сжатый «котел» лавиной обвалился на Садовое кольцо в сторону Крымского моста и Смоленской площади...» *(Из воспоминаний участника манифестации. — Газета «Завтра», август 1994, спецвыпуск № 2.)*

Кто-то в толпе крикнул: «Вперед, к Белому дому!» Митингующие подхватили лозунг, многотысячная толпа взревели в восторге и стала двигаться в сторону Крымского моста. Когда головная ее часть поравнялась с главным входом в Парк культуры имени Горького, кто-то затянул песню:

«Наверх вы, товарищи! Все по местам!
Последний парад наступает.
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пошады никто не желает».

В нестройные голоса включались все новые поющие, и толпа, полная воодушевления и революционного пафоса, стала превращаться в многоголосый хор, готовый не только к «последнему параду», но и к вооруженному столкновению с силами правопорядка. Тем более что следующий куплет песни звучал как набат, как команда к действию:

«Все вымпелы выются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают.
Готовьтесь к бою! Орудия в ряд
На солнце зловеще сверкают».

На Крымском мосту, там, где от него отделяются каменные лестницы, спускающиеся к набережной, толпе преграждали путь три шеренги ОМОНа. Сначала митингующие направили к первой цепи нескольких «парламентеров», в числе которых был замечен священник в рясе. Но скоро стало понятно, что противостоящие стороны не поймут друг друга. Одним было приказано никого не пропускать через мост, а другие, воодушевленные призывами к защите Белого дома, готовы были идти на прорыв.

Еще немного, и толпа врзалась в ряды ОМОНа, и началась форменная потасовка. Милиционеры защищались, как могли — прикрывали головы щитами, прятались за пилонами, стрелглав сбегали с лестниц. Крики и ругань, удары дубинок и противный скрежет металлических щитов — в мгновение все смешалось в один общий гул. Но силы были явно неравными. Толпа легко смяла первый ряд солдат, затем второй и стала подступать к третьему, когда ребята в касках не выдержали и пустились в бегство. Вслед им, под аккомпанемент улюлюканья и взрывов смеха, летели камни, арматура, куски асфальта.

«Свистит, и гремит, и грохочет кругом,
Гром пушек, шипенье снарядов.
И стал наш бесстрашный и гордый «Варяг»
Подобен кромешному аду».

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Побойще было коротким. Я не видел ни одного прута, ни одной палки в руках шедших со мной... Люди вырывали щиты, выбивали голыми руками дубины, поднимали их, щитами таранили, пробивали брешы, дубинами прокладывали путь — лишь с этих минут, когда на них подняли руку, люди стали

вооружаться отобраннным оружием. И давили, давили, давили... На какой-то жуткий миг вынесло меня напором тысяч тел к самым барьерам над водой. И завопили сразу в два голоса два «стража», с них сдирали каски, шинели, выбивали из рук сапloatы и тянули туда, к воде, глухо стынувшей внизу... А передние рванули вперед с этого места. Народ уже не мог идти мерным шагом, он побежал...»
(Петухов Ю.Д. Черный дом. Правда об октябрьском восстании 1993 г. Москва, 2000 год.)

Действительно, в центре столицы обстановка превращалась в настоящий ад. Остервенение сторон, казалось, достигло наивысшего предела. Люди, еще совсем недавно рассуждавшие о том, кто прав, а кто виноват, спорившие о достоинствах и недостатках Ельцина, Хасбулатова и Руцкого, вдруг превратились в разъяренных монстров, крошащих все на своем пути. Впрочем, блюстители порядка выглядели не лучше, отвешивая направо и налево удары дубинками, бросая гранаты со слезоточивым газом и бесцеремонно выкручивая руки любому, попадавшемуся на их пути.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Оставшиеся на мосту побитые солдаты были испуганы, многие плакали. Плакали же больше от обиды — ведь подставили их против собственных же отцов. Этим ребят никто не добивал, что в условиях многотысячной разъяренной толпы было просто невероятно! Наоборот, женщины, пожилые мужчины окружали их, оказывали помощь, поднимали лежащих и отводили к лестницам. Ни один солдат в столкновении не погиб!

Первым желанием было выбросить отобранные щиты и дубинки в реку, и два щита полетели с моста.

Но сразу послышались крики: «Вооружиться! Неизвестно, что ожидает впереди!» Очень много журналистов с камерами снимали эти эпизоды...» *(Из воспоминаний участника манифестации. — Газета «Завтра», август 1994, спецвыпуск № 2).*

Смятые многотысячной толпой цепи милиции побежали по Садовому кольцу в сторону Смоленской площади, где надеялись укрыться за очередным рубежом обороны. Но тщетно. Сила и инициатива были на стороне демонстрантов. Ни водометы пожарных машин, ни плотные кордоны ОМОНа не смогли сдержать натиск нападающих.

Орлов вспомнил как он, лавируя между группами людей, плотно стоящими на тротуаре у гастронома на углу Арбата и Садового, пытался как можно скорее выбраться со Смоленской площади. Андрей со всей очевидностью понял: еще несколько минут, и здесь развернется настоящее сражение, как это уже было вчера. Следы предшествующего побоища еще сохранялись в виде куч мусора, остатков баррикад, черных пятен на асфальте от сгоревших крышек и костров. Кое-где в прилегающих домах окна зияли разбитыми стеклами.

Людей было еще немного, но по всему чувствовалось приближение чего-то страшного, непоправимого. Вдали слышался рев сирен карет «скорой помощи», сигналы милицеских машин, шум и гам приближающейся толпы. Солдаты ОМОНа, похожие на средневековых рыцарей, оцетинились плотно сомкнутыми щитами, резиновыми дубинками и автоматами. Они ожидали приближения толпы, которая следовала со стороны метро «Парк культуры». Вид у мальчишек, одетых в тяжелые бронежилеты, был почему-то совсем не грозный. То ли страх перед прибли-

жающей многотысячной толпой отражался на их лицах, то ли солдатские каски смотрелись нелепо на улицах столицы. Одно было ясно: мирно встреча прорвавшейся со стороны Крымского моста толпы и кордонов ОМОНа не закончится.

ВОСПОМИНАНИЯ: «...Были знаменитые события на Смоленской площади, на которых лично я присутствовал. Лично видел, поскольку жил недалеко в гостинице на Плотниковом переулке, за МИДом. Я вышел на площадь и увидел обезумевшую толпу, которая шла на милицию, которая смела милицейские кордоны, избивала их, сжигала «жигулю», «копейки» эти несчастные, «трешки», «двушки». Что, они президенту Ельцину принадлежали? Что, они принадлежали министрам? Нет, это были такие же жигуленки... Зачем-то били, переворачивали, жгли. Зачем-то разбивали витрины магазинов, зачем-то растаскивали продукты из них, товары, которые в них были...» *(Из рассказа бывшего заместителя председателя Госкомимущества А.Р. Коха в телевизионной программе канала НТВ «Свобода слова», октябрь 2003 года.)*

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Несколько минут — и авангард останавливается у магазина «Богатырь» — впереди Смоленская площадь полностью окружена большим количеством касок. Кольцо в районе гастронома надежно перекрыто двумя рядами щитов, за ними техника, несколько брандспойтов... Площадь перед МИДом безлюдна, а напротив, в маленьком скверике, — люди, среди которых иностранцы, журналисты с камерами.

Авангард строится во всю ширину Садового кольца, ожидая, пока подтянутся основные силы. Со стороны

каска в мегафон опять несется: «Разойдитесь!», и сразу после этого начинается пальба. Раздаются автоматные очереди и одиночные выстрелы. Стреляют и по скверу, куда забегают демонстранты. Площадь окутывает газом. Медлить дальше нельзя. Грузовик со стягом, набирая скорость, несется на щиты, за ним бегут люди. Не доезжая до них 50 метров, он вдруг резко разворачивается и скрывается за бегущими на щиты людьми. Струя воды хлещет по демонстрантам, в ответ — камнепад.

Существенно потрепанный ОМОН — без щитов, каска и дубинок — пытается спрятаться в автобусах, за машинами, прорваться к своим. На крыше одного грузовика один такой подбитый — вместо лица сплошная кровавая маска и затравленные глаза...» *(Из воспоминаний участника манифестации. — Газета «Завтра», август 1994, спецвыпуск № 2.)*

Орлов отчетливо помнил, как за двадцать минут прошел быстрым шагом от Старого Арбата до Лубянки, как поднялся на пятый этаж главного здания, зашел в кабинет Степашина. В приемной было пусто, только помощник первого заместителя министра разбирал какие-то бумаги. Ему не терпелось рассказать Сергею Вадимовичу, что он увидел на Смоленской площади, но тот, когда вышел из кабинета, только махнул рукой, сказав:

— Совсем обезумели! — Он уже, естественно, все знал. Степашин попросил Андрея не уходить, так как рассчитывал скоро вернуться с совещания у министра. — Андрей, будь в приемной. Если кто будет звонить по обстановке — прими информацию. Я скоро буду!

Такой звонок не заставил себя долго ждать. Буквально через десять минут помощник Степашина позвал Андрея к

аппарату, сообщив кому-то в трубку, что Сергей Вадимович на совещании и можно переговорить с Орловым.

Орлов взял трубку, назваляся.

— А Степапин скоро будет? — Орлов узнал голос начальника Оперативно-поискового управления, которое в чекистском просторечии именовали «наружкой». Голос генерала был крайне взволнованным.

— Он на совещании у Голушко. Сказал, скоро будет.

Мгновение трубка молчала. Андреем показалось даже, что связь прервалась. Но через некоторое время человек на том конце провода видно оправился от замешательства и произнес:

— Я ни до кого не могу дозвониться. Голушко трубку не берет, все замы, наверное, у него на совещании. А информация очень важная. Наши сотрудники сообщают, что с минуты на минуту толпа подойдет к зданию мэрии. Они уже сворачивают с Садового кольца вниз к набережной... Наши наблюдают множество людей с оружием, есть автоматы... Если сейчас чего-то не предпринять, они лоб в лоб столкнутся с милицейским оцеплением у мэрии и Белого дома... Тогда...

Потрясенный, Андрей явственно понял, *что* может произойти *тогда*. Разгоряченные стычками с милицией и ОМОНОм по всему маршруту следования, вкушившие «сладость победы» на Крымском мосту и Смоленской площади, взбешенные упорством, с которым силы правопорядка пытались все-таки усмирить демонстрантов, сотни вооруженных людей устремятся на милицейские цепи. А те, преимущественно мальчишки в бронежилетах, натянутых поверх шинелей, ничего не понимающие в существе происходящего, но имеющие приказ применять оружие против любого, кто силой попытается прорваться в здание Дома Со-

встов, в ужасе ожидали страшной развязки. И те, и другие неизбежно должны были вступить в бой друг против друга, бой в центре мировой столицы. И это должно было стать настоящим факелом гражданской войны.

Андрей на всю жизнь запомнил те несколько диалогов, которые состоялись у него в последующие пять минут. Это были те пять минут, в которые решалось не только развитие конкретной ситуации у Белого дома, не только вектор обозначившегося вооруженного противостояния, но и, возможно, определялась судьба громадной страны.

— А что предпринять-то? — волнуясь, спросил Орлов, еще пока совершенно не осознавая всей полноты ответственности, которая стояла за этим вопросом.

— Я не знаю. Вам там наверху виднее. Позвоните кому-нибудь! — Воцарилась непродолжительная пауза, в ходе которой Орлов слышал приглушенный голос генерала, отвсавшего что-то односложное, разговаривая по другому телефону. Положив ту, другую, телефонную трубку, он буквально прокричал:

— Вот. Мне докладывают, что уже слышна стрельба в районе мэрии. Еще немного и начнется настоящий бой! Вы слышите меня, Андрей Петрович?

Крайне взволнованный голос начальника «семерки» вывел Орлова из оцепенения. «Надо срочно позвонить Филатову! — промелькнуло в голове у Андрея. — Только бы он был на месте!» Орлов взглянул на часы. Стрелки показывали «15.20». — «Только бы он был на месте!»

Держа в одной руке трубку телефона, на другом конце которого был начальник Оперативно-поискового управления, Орлов повернул диск номеронабирателя на «кремлевке». Секретарь Филатова ответила сразу, пытаясь что-то сказать Орлову, но он, не слушая ее, потребовал немедленно

соединить его с главой Администрации Президента. Уловив, видно, чрезвычайную взволнованность в голосе Орлова, она тут же соединила с Сергеем Александровичем.

— Ну, что там у вас еще? — резко, нет, скорее грубо спросил Филатов.

— Сергей Александрович, у меня на второй трубке наш начальник управления, который отслеживает обстановку вокруг Белого дома...

— «Отслеживает!» — передразнил его Филатов. — Вы все отслеживаете! А надо действовать!

— Сергей Александрович, ему сообщают, что толпа уже приближается к Белому дому. Там много людей с оружием...

— Знаю! — прервал его Филатов.

— Но, если они столкнутся с оцеплением вокруг Белого дома, то...

— Их там остановят! И в Белый дом не пропустят!

— Сергей Александрович, сейчас их уже никто не остановит! Будет бой, кровь, сотни убитых... А что будет дальше, можно только предполагать.

Филатов замолчал, видимо, раздумывая над словами Орлова. Он и сам понимал, что власть катастрофически проигрывает разъяренной толпе. Если не удалось остановить ни на Крымском мосту, ни у метро «Парк культуры», ни на Смоленской площади. Наоборот, опьяненная «победой» над ОМОНОм и милицией, увеличивающаяся за счет сотен сторонников, которые вливались в нее из прилегающих улиц и переулков, эта толпа в четыре тысячи человек превращалась в мощное орудие концентрации народного недовольства, в инструмент пробивания бреши в государственной машине, и так пестрящей «демократическими заплатками». Воодушевленная успехом, масса людей, часть

из которых сжимали в руках кто флаги и транспаранты, кто палки и арматуру, а кто кое-что посерьезнее, в том числе огнестрельное оружие, готова была в буквальном смысле встать на «защиту Белого дома», обратиться в бегство «прислужников преступного режима», а если будет надо — то и разгромить «врага».

— И что вы предлагаете? — Вопрос Филатова застал Орлова врасплох. От неожиданности он не мог вымолвить ни слова. Сама постановка вопроса казалась Андрею иррациональной. На гребне волны противостояния, готового вот-вот превратиться в кровавое сражение, его спрашивали о том, как надо поступить, чтобы избежать худшего сценария. И спрашивал не кто-нибудь, не какой-нибудь журналист или политолог, а человек, кардинальным образом влияющий на решения руководства страны, способный напрямую донести до президента свою позицию, убедить его совершать или не совершать тот или иной поступок. Конечно, Филатов был вовлечен в клубок интриг, которые, так или иначе, плетутся в окружении первых лиц государства, но он имел самостоятельный ресурс влияния на президента, пользовался его доверием и поддержкой.

Андрей вдруг почувствовал тогда громадный груз ответственности, который неожиданно обрушился на него. Ответственности даже за одно сказанное слово, которое может повлиять на ход событий. В его голове молнией пронеслись несколько отрывистых мыслей, прежде чем он смог сказать хоть что-то членораздельное. Первое, о чем подумал Андрей, это то, что никаких действенных средств остановить толпу перед Белым домом нет, как и не было их на Крымском мосту и Смоленке. Никаких, кроме открытия огня по толпе из всех видов огнестрельного оружия. Не факт, что все стоящие в оцеплении милиционеры готовы

были это сделать. Август девяносто первого был еще у всех в памяти. И, естественно, никто не хотел выступать в роли «кровавого душителя народной свободы». Но даже, если представить, что вся цепь разом начнет поливать свинцом приближающихся демонстрантов, то это еще не значит, что толпу удастся остановить. Тем более что она состояла далеко не только из студентов и пенсионеров. Большую часть составляли как раз молодые мужчины, многие из которых прошли службу в «горячих точках», а некоторые были действующими офицерами, сполна испившими горькую чашу унижений, вызванных распадом страны и утратой престижа военной профессии. Уж они-то умели держать в руках оружие и готовы были за себя постоять.

Кроме того, в толпе было немало откровенных проходимцев, авантюристов и хулиганов, готовых участвовать в любой «бузе», кропить все налево и направо, а при случае и поживиться чем-нибудь за счет тех, кто вызовет их «праведный гнев».

Все это пронеслось в голове Андрея, прежде чем он вымолвил одну-единственную фразу в ответ на вопрос Филатова: «Что вы предлагаете?»:

— Сергей Александрович, если толпу нельзя остановить силой, то надо немедленно снять оцепление. Если мы еще промедлим, то будет уже поздно.

— А что говорят ваши люди, которые отслеживают обстановку?

Орлов поднес к уху вторую трубку. Начальник «смерки» был на проводе и, наверное, слышал разговор Орлова с Филатовым. Во всяком случае, он слышал, что говорил Андрей.

— Андрей Петрович, там уже слышна стрельба. Первые демонстранты уже вышли к пандусу мэрии. Нельзя допустить бойню!

Обращаясь к Филатову, Орлов четко сказал, сам удивившись твердости своего голоса:

— Надо немедленно отводить!

— Хорошо, — голос Филатова был очень тихим, совсем не таким, каким услышал его Орлов в самом начале разговора. Больше руководитель Администрации Президента ничего не сказал. Просто положил трубку.

— Ну, что там? — Помощник Степашина все эти несколько минут, пока Орлов говорил с Филатовым, старался понять, о чем идет речь.

Но Орлов еще не закончил разговор с начальником Оперативно-поискового управления:

— Я все доложил. Дальше некуда. Только самому президенту. Или Господу Богу.

— Спасибо. Придет Сергей Вадимович, скажите, что я звонил.

Орлов положил трубку и, не замечая вопрошающих глаз помощника, посмотрел в окно. «Теперь вся надежда на Господа Бога», — подумал он.

* * *

ИНФОРМАЦИЯ: «Сегодня около пятнадцати часов в районе Крымского моста колонна демонстрантов, прорвав кордоны ОМОНа и милиции, в количестве четырех тысяч человек, прорвались со стороны Смоленской площади к Белому дому. Силы правопорядка, несмотря на применение спецсредств, безуспешно пытались остановить движение колонн. По наблюдениям репортеров западных телерадиокомпаний прорыв был хорошо организован. Боевиками применялась тактика охвата с тыла и флангов... Нападавшие из числа боевиков захватывают грузовой транспорт и с его помощью

они таранили кордоны сил правопорядка... Босвики из числа митингующих применяли при прорыве заточки, дубинки, камни. Есть пострадавшие...» (Из информационного выпуска программы «Вести» 3 октября 1993 года.)

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...На Новом Арбате первая кучка в 80—100 человек бежала буквально метрах в десяти за спинами улепетывающих со всех ног эмвэдэшников, уже не встречая никакого сопротивления. Только каски убегавших мелькали перед глазами и скрывались во дворах. Побросав автобусы, они набивались битком в газующие легковушки и шпарили по тротуарам к набережной. И наступая им на пятки, улюлюкая, даже не пуская в ход камни, бежал жиденький авангард демонстрантов. У Калининского моста зрелище открывалось нерадостное — опять по всему периметру стоял ОМОН, основная масса отступивших касок забилась под пандус мэрии, на пандусе стояли вооруженные автоматами. Калининский мост и Краснопресненская набережная закрыты щитами, слева на набережной скопилось огромное количество военных, а впереди — колючая проволока, поливальные машины, и сразу за ними опять щиты и каски...

Первую группу демонстрантов отделяла от цепочки поливальных машин и шеренги солдат «спираль Бруно». Между колючей проволокой и машинами было около одного-двух метров. Колючую проволоку сразу перепрыгнуть было нельзя — слишком высоко и страшно запутаться... Первой размотавшая стык двух кусков колючей проволоки, Женя добежала до поливальных машин и с другими демонстрантами

перелезла через них. В этот момент оцепление солдат за машинами стало разбегаться в разные стороны. Когда через поливальные машины перелезали другие, эмвэдэшников и след простыл...» *(Из воспоминаний участника манифестации. — Газета «Завтра», август 1994, спецвыпуск № 2.)*

ВОСПОМИНАНИЯ: «Где-то к полудню воскресенья пришла весть: манифестанты прорываются к Дому Советов. Все бросились к окнам. Началась эйфория: Москва поднялась! Депутаты поздравляли друг друга. После прорыва началось массовое братание с вновь прибывшими. Все, кажется, поверили, что теперь очень легко будет взять мэрию, «Останкино» и даже Кремль.

Белодомовские буфетчицы вздыхали с облегчением — все последние дни им приходилось работать в крайне нервной обстановке. Ночами они сидели почти в полной темноте, при свечке, и застенчиво просили знакомых журналистов принести «с воли» колготки и теплые носки (вместе со светом отключали не только горячую воду, но и отопление). Им показалось, что все скоро кончится и можно будет уйти, наконец, домой...» *(Из отчета корреспондентки газеты «Коммерсант» В. Куцило. Коммерсант, 1 декабря 2009 года.)*

ВОСПОМИНАНИЯ: «...Я не могу отделаться от мысли, что происшедшее было заранее спланировано... Своими действиями по «зачистке» Октябрьской и Смоленской площадей мы привели сторонников Верховного Совета в бойцовское состояние, малочисленные кордоны на пути их шествия только раззадорили манифестантов... Легкость деблокирования «Белого дома»

подтолкнула поднять лежащую у ног победу... А дальше вдолбленный с детства стереотип — почта, телефон, телеграф, отождествлявшийся с Останкинским телецентром... Хладнокровную бойню мастера провокации выдавали за бой и даже за героическую оборону... Нам было заявлено, что катастрофы нет, что президент контролирует ситуацию, что через час-полтора в Москву придет такое количество войск, которое позволит стабилизировать обстановку...» *(Из воспоминаний бывшего начальника Московского уголовного розыска Ю. Федосеева. — Газета «Завтра», 1995 год, № 33.)*

ВОСПОМИНАНИЯ: «...По бушевавшей толпе и отступающему ОМОНу на повороте с Садового кольца на Новый Арбат из снайперских винтовок и автоматического оружия с крыш домов начали бить насмники и «трассовщики-чердачники»...» *(Из воспоминаний бывшего вице-президента Российской Федерации А.В. Руцкого в книге «Кровавая осень».)*

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Из окон видно, как у мэрии показалась голова колонны демонстрантов. И «Белый дом», казалось, взорвался громкоголосым «Ура!» Когда демонстранты с ходу ринулись на цепи омоновцев и в одночасье разорвали их, обитатели парламента уже не орали, а дико выли от восторга и перевозбуждения. Рассудок людей растворился в разливе страстей. Бойцы ОМОНа, стоявшие в оцеплении, бросая щиты и дубинки, в панике отступают, затем просто спасаются бегством, некоторых начинаст терзать озверевшая толпа. И тут из глубины оцепления раздаются автоматные очереди. Несколько десятков демонстрантов падают на землю. Остальные на мгновение

останавливаются в шоке, а затем с еще большей яростью бросаются на милиционеров. Ясно, что автоматы не оставят людей. Жизнь человеческая мгновенно потеряла свою цену...» (Из *«Хроники смутного времени»*. — Газета *«Московские новости»*, 10 октября 1993 года.)

Несмотря на данный в самый последний момент приказ отвести оцепление от Дома Советов для того, чтобы избежать вооруженного столкновения с возбужденной толпой демонстрантов, события стали развиваться по самому худшему сценарию. Захват сторонниками Верховного Совета здания мэрии, призывы Рудцкого штурмовать Кремль, взять в свои руки телецентр «Останкино», первые перестрелки, все больше и больше напоминающие столкновение враждующих армий, убитые и раненые с той и другой стороны — все это превращало политическое противостояние ветвей власти в самую настоящую войну в центре столицы. Но, как оказалось, этому способствовали и некие обстоятельства, так до конца и не выясненные даже в ходе расследования, проведенного по горячим следам следственной бригадой Генеральной прокуратуры.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...На многие вопросы, конечно, мы не смогли найти ответ. Например, очевидным было наличие провокаторов, откровенно подталкивающих противостоящие стороны к применению оружия и кровопролитию. Так, около 15 часов 3 октября, еще до начала «боевых действий», во время прохождения демонстрантов по Конюшковской улице, рядом с посольством США, неустановленный следствием мужчина, одетый в милицейскую форму, из колонны произвел автоматную очередь в сторону военнослужащих

и сотрудников МВД. В результате были ранены шесть военнослужащих МВД, один из которых скончался в госпитале. Или те же «загадочные» снайперы... Но в этих «пробелах» следствия нет нашей вины, мы делали все, что было в наших силах...» (Из воспоминаний Л. Прошкина, бывшего следователя Генеральной прокуратуры, вице-президента фонда «Правопорядок-Щит».)

* * *

Слушая выступления и ответы на вопросы участников брифинга в Министерстве безопасности России, Орлов не мог отделаться от тягостного ощущения двусмысленности происходящего. То, что произошедшие события стали страшной трагедией в новейшей истории его страны, не вызвало у Андрея никаких сомнений. И тут совершенно было неважно, на чьей стороне его политические симпатии, кто из участников конфликта был ближе к его пониманию дальнейшего развития страны. Произошло то, что в принципе не могло произойти. Спустя семь десятков лет после братоубийственной Гражданской войны в России снова пролилась кровь. Снова две силы, за каждой из которых стояли сотни тысяч людей, схлестнулись в смертельной схватке, готовые растерзать друг друга, каленым железом выжечь идеи и лозунги противной стороны, не считаясь ни с чем, добиться победы. И это происходило в стране, которая через несколько лет «перестройки», сопровождавшейся тотальным развалом институтов управления и деградацией элементарных нравственных устоев, претендовала на именование демократического государства.

Страшные дни октября девяносто третьего воочию продемонстрировали неспособность национальной элиты найти ту самую золотую середину, которая именуется ком-

промиссом, неумение действовать не в интересах отдельных политических групп, а в интересах народа, нежелание преодолеть свои собственные заблуждения и ошибки. Отсюда — постоянно звучавшие призывы с одной стороны «Раздавить красно-коричневую гадину!», а с другой — «Снести преступный режим!».

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Кто деморализовал милицию? Ее поставили, она целую неделю стояла, в нее плевали, толкали, она неделю простояла, и сегодня, когда пришлось защищаться, она отдала оружие...

Когда я сейчас ехал в студию, по Садовому кольцу идут танки. Они в атаку идут? Боюсь, что нет. Мы опять слышим по радио, по телевизору, что готовятся переговоры с Белым домом. Это будут переговоры с убийцами? Опять власть хочет искать компромисс с бандитами? Вон он, компромисс, в морге лежит!

...Все, что было до сих пор со стороны власти, это — демонстрация слабости! Мы подарили им семьдесят лет жизни и семьдесят миллионов жизней! Хватит!»
(Выступление журналиста А. Микина в ночном эфире телеканала «Россия», 3 октября 1993 года.)

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Мы очень долго миндальничали с врагом, называя его просто оппонентом. Это не оппоненты, это смертельные враги! ...Мы долго вводили врагов в искушение, мы играли с ними в демократию. И теперь они решили поиграть с нами в диктатуру. Мы спровоцировали их на попытку военного переворота... *(Из выступления политического обозревателя Н.К. Сванидзе в эфире программы «Вести» телеканала «Россия». 4 октября 1993 года.)*

СТЕНОГРАММА: «...Перед нами стояла задача, чтобы ни один из организаторов бандитских вылазок, организаторов массовых беспорядков и вивовников действий, повлекших за собой человеческие жертвы, не ушел от наказания и не скрылся от следствия... Никто не ожидал от бывшего депутатского корпуса, который говорил об уважении к закону, о чести российского офицера, подобных действий. Именно эти люди оказались среди тех, кто толкнул определенные слои населения на массовые беспорядки. В Белом доме оказались те, кто уже в течение некоторого времени настраивались на подобные действия...

Эти люди не поняли, что идет новое. В их помыслах была лишь борьба за личную власть, борьба за собственность. Последствием их близорукой политики стал тот факт, что их не поддержали цивилизованные государства, их не поддержала армия: ни одно военизированное подразделение не встало на их сторону, рабочий класс тоже не протянул им руки...» *(Из Стенограммы брифинга, проведенного в Министерстве безопасности Российской Федерации 14 октября 1993 года. — Личный архив бывшего министра безопасности Н.М. Голушко.)*

На брифинге в министерстве безопасности журналисты задавали министру много вопросов. Николай Михайлович обстоятельно отвечал на каждый из них. Однако при этом он старался не давать повода для упреков в адрес органов безопасности, которые нет-нет, да и звучали в средствах массовой информации. В воздухе опять повисло тягостное ожидание поиска ответственных за несвоевременное подавление «мятежа».

14 октября 1993 года, четверг, вечер.

Москва. Старая площадь.

Администрация Президента.

6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет № 763

Орлов уже полчаса сидел в своем кабинете на Старой площади. Возвратившись после брифинга в министерстве безопасности в здание бывшего Дома Советов, он уже не мог работать, как это делал в предшествующие дни. Члены его опергруппы разошлись по этажам, продолжая поиски документов, а он, перебрав мешок с вновь обнаруженными материалами и связавшись по рации с Юрой Спириным, сообщил, что поедет на Старую площадь. Зачем, он пока еще сам не знал. Андрей интуитивно чувствовал: он должен что-то предпринять, что-то сделать такое, что могло бы повлиять на обстановку массового психоза, охватывающего страну. Как и в 1991-м, всеобщее ликование, вызванное победой над «заговорщиками», сменилось «охотой за ведьмами». Повсеместно распространялся варьирующий в разных формулировках лозунг «Добить гадину!»

4 октября президент Ельцин выступил с «Обращением к гражданам России», в котором была дана оценка происходящим событиям и указаны их виновники.

ДОКУМЕНТ: «Дорогие сограждане!

Я обращаюсь к вам в трудную минуту.

В столице России гремят выстрелы и льется кровь. Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения...

Те, кто пошел против мирного города и развязал кровавую бойню, — преступники. Но это не только преступление отдельных бандитов и погромщиков. Все, что происходило и пока происходит в Москве, — заранее сла-

нированный вооруженный мятеж. Он организован коммунистическими реваншистами, фашистскими главарями, частью бывших депутатов, представителей Советов.

Под прикрытием переговоров они копили силы, собирали бандитские отряды из наемников, привыкших к убийствам и произволу. Ничтожная кучка политиканов попыталась оружием навязать свою волю всей стране. Средства, с помощью которых они хотели управлять Россией, показаны всему миру. Это — циничная ложь, подкуп. Это — бульжники, заточенные железные прутья, автоматы и пулеметы.

Те, кто размахивает красными флагами, вновь обогрили Россию кровью... Они просчитались, и народ проклянет преступников.

Им и тем, кто отдавал им приказ, нет прощения, потому что они подняли руку на мирных людей, на Москву, на Россию, на детей, женщин и стариков...

Москва, Россия ждут от вас мужества и решительных действий...

Я обращаюсь к гражданам России: вооруженный фашистско-коммунистический мятеж в Москве будет подавлен в самые кратчайшие сроки...» *(Из Обращения Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина к гражданам России 4 октября 1993 года.)*

Спустя еще два дня Ельцин выступил с новым обращением к народу, в котором в еще более резкой форме расставил все точки над «и».

ДОКУМЕНТ: «Уважаемые граждане России!

3 и 4 октября Россия пережила величайшую трагедию. Банды убийц и погромщиков хлынули на ули-

цы нашей столицы. Они громили государственные учреждения, глумились над людьми, которых брали в заложники. Они захватывали городские автобусы и грузовики. В руках боевиков оказалось много оружия, боеприпасов и военной техники. Жизнь мирных горожан подвергалась смертельной опасности.

То, что происходило в Москве в последнее воскресенье, не было какими-то стихийными выступлениями. Все это имеет другое название — вооруженный мятеж, спланированный и подготовленный руководителями бывшего Верховного Совета, бывшим вице-президентом, руководителями ряда партий... В этом черном деле сомкнулись фашисты с коммунистами, свастика с серпом и молотом.

Среди организаторов и активных участников мятежа были и некоторые бывшие народные депутаты, которые уже давно вели, по сути дела, преступную деятельность. Прикрываясь депутатской неприкосновенностью, они использовали ее для подстрекательства к насилию, для организации массовых кровавых беспорядков, для развязывания гражданской войны.

Цель — установление в России кровавой коммунофашистской диктатуры. Сегодня ясно, что все это готовилось в течение многих месяцев.

Кровавые события той ночи заставили ввести в Москву регулярные армейские части. Было принято тяжелое решение о штурме здания Верховного Совета, который превратился в цитадель терроризма с огромным количеством оружия и боеприпасов, стал самым опасным фактором развязывания в России гражданской войны.

Именно из Дома Советов шла координация действий боевиков, именно в нем создавались незаконные воору-

женные отряды... Но Белый дом стал еще и символом вероломства и предательства. Все приготовления к мятежу велись под прикрытием переговоров. Были растоптаны благородные намерения Русской православной церкви помочь разрешению кризиса.

Должен сказать и о другом. Жертв было бы значительно меньше, если бы боевики, снайперы, засевшие в Доме Советов, не вели прицельный огонь на поражение по мирным гражданским людям, если бы был отдан приказ сдать оружие, когда сопротивление стало бессмысленным.

Очаг гражданской войны в России потушен...

Все, кто с оружием в руках участвовал в беспорядках, будут наказаны по всей строгости закона. Все проводники фашистско-коммунистических идей, подстрекавшие к мятежу, также ответят по закону. Никакого всепрощенчества коммунофашизму в России больше не будет...

Кошмар тех черных дней позади. Не нужно говорить, что кто-то победил, а кто-то потерпел поражение. Сегодня это — неуместные, кощунственные слова. Нас всех обожгло мертвящее дыхание братоубийства.

Погибли люди, наши соотечественники. Их уже не вернешь. Боль и страдание вошли во многие семьи.

Как бы ни различались их убеждения, все они дети России. Это наша общая трагедия, наше общее горе. Великое горе.

Будем же помнить об этом безумии, чтобы никогда не допустить его повторения...» *(Из Обращения Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина к гражданам России 6 октября 1993 года.)*

Несмотря на то что это обращение Ельцина было выдержано в самых резких тонах относительно «банд убийц и погромщиков», стремившихся установить коммунофашистскую диктатуру», Орлов уловил в ней то, что было созвучно его собственной оценке происходящего. Президент не только почем зря костерил преступников, но и сказал очень важную фразу: «Это наша общая трагедия, наше общее горе», а погибших с той и другой стороны назвал «детьми России». Несмотря на разгул антикоммунистической истерии и выплескивающуюся с экранов телевизоров злобу против бывших народных избранников и участников «мятежа», многие люди, возможно, их было даже большинство, чувствовали, что в происшедшем, по существу, нет ни правых, ни виноватых. Вернее, виноват тот, кто имел в руках власть и не смог воспользоваться ею для того, чтобы избежать кровавой развязки.

ИНТЕРВЬЮ: «...Мы получили такую прекрасную возможность быть свободными. Но почему мы такие неразумные? Мы сразу эту возможность так неверно используем! Всюду и так на периферии бывшего Советского Союза льется кровь! Так почему же мы... Неужели мы только на словах великая нация? Это ведь неправда! У нас такие замечательные корни, у нас такая великая культура... Так неужели мы будем тогда, когда мы свободны и имеем возможность быть людьми, мы начинаем друг в друга стрелять! Ужасно! Чудовищно! Только мир! Пусть будет мир, мир и мир! Другого слова я не знаю!»
(Из интервью народного артиста И.М. Смоктуновского в ночь на 4 октября 1993 года. Новостной выпуск РТР, 4 октября 1993 года.)

Из окна 763-го кабинета открывался вид во двор комплекса зданий на Старой площади: напротив — современное здание вычислительного центра, справа и слева — крыши прилегающих домов, среди которых где-то внизу терялись Никитников и Ипатьевский переулки. Внизу к проходной уже тянулась вереница сотрудников с сумками, папками, свертками. Рабочий день уже закончился, и люди расходились по домам. Напряжение последних месяцев и постоянное ожидание новых потрясений почти исчезли. Жизнь в управленческом штабе президента входила в свое привычное русло.

— Паша, это я, — сказал Орлов, набрав телефонный номер Павла Русских.

— Андрей, ты куда пропал? Все там? Все перебираешь головешки? — с привычной издевкой спросил товарищ.

— Паша, — не обращая внимания на схиждство коллеги, Орлов продолжил: — Ты знаешь, я тут много думал... Еще раз перечитал Обращение президента 6 октября... В общем, мне кажется надо попробовать... — Андрей не успел закончить фразу.

— Амнистия? — перебил Орлова Русских, произнеся только одно слово.

— Да! — удивился Андрей. — Я именно об этом хотел тебе сказать. Ведь, президент уже назвал и тех и других — «дети России». Мне кажется, что именно сейчас...

— Ты на месте? Я сейчас к тебе приду, — не дожидаясь ответа, Павел положил трубку.

«Удивительно, как мы думаем об одном и том же, — подумал Орлов. — Я же ему ничего не успел сказать. А он сразу — «амнистия»! Хотя, если как следует подумать, в настоящее время — это единственный правильный ход для

президента. Не поиск виновных, а примирение! Иначе все начнется снова!»

Павел появился минут через десять. Государственно-правовое управление президента находилось в другом корпусе, и, чтобы добраться сюда, ему приходилось пройти аж два перехода между зданиями.

— Нормально выглядишь! Я думал, ты весь в копоти! — в присущей ему манере начал Русских. И сразу, без какого-либо перехода продолжил: — Президенту надо немедленно объявить амнистию! Если он не сделает это сам, его все равно вынудят это сделать!

— Я тоже так думаю. Если он сейчас скажет: «Произошло страшное несчастье. Горе. Я не смог уберечь вас от этого кошмара. Но вы все — мои дети, а я ваш отец. Поэтому мы должны забыть...

— Нет, не забыть, а преодолеть, или как-нибудь по-другому... Надо, чтобы президент был над схваткой, чтобы все понимали, что он президент Всея Руси, а не только демократов!

— Да, Правильно. Еще надо сказать, что... если не провести амнистию, то вражда сохранится, но будет упрятана вглубь. А когда и как она прорвется, никому не известно! Еще можно...

— Подожди, Андрей, — перебил его Паша. — Тебе же придется пойти к Филатову, убедить его! Ты понимаешь, чем это тебе грозит?

— Чем?

— Сам подумай! Президент говорит: «Никакого всепрощенчества коммунофашистам!» А ты предлагаешь их простить!

— Не простить, а провести амнистию... Ты же понимаешь, Паша?

— Я-то понимаю! А вот захочет понять Филатов? А, если согласится, захочет ли пойти к президенту с такой бумагой, зная его отношение?!

— Все равно! Не первый раз подставляться! Согласен? Будем писать?

— Давай. Часа за два, наверное, напишем. А у тебя выпить нет? — Склонив набок голову, Паша с прищуром посмотрел на Орлова.

— Есть, коньяк. — Орлов открыл нижнюю дверцу сейфа. Между плотной кипой бумаг стояла початая бутылка армянского коньяка. — Вот, осталось немного.

— А за закуской я схожу в буфет, — Паша, было, повернулся к двери.

— Да, не надо! У меня шоколадка есть. Хватит!

— Тогда закрой на ключ дверь.

* * *

Около десяти текст записки на имя руководителя Администрации Президента был готов. В правом верхнем углу Орлов и Русских ршили поставить гриф «Строго конфиденциально». Перед тем как поставить свои подписи, они решили еще раз прочитать текст.

**ДОКУМЕНТ: «Руководителю Администрации Президента Российской Федерации С.А. Филатову
Уважаемый Сергей Александрович!**

Трагические события 2—5 октября с.г. кардинальным образом изменили социально-политическую атмосферу в стране, повергли в состояние потрясения и растерянности значительные массы населения России, еще более обострили ощущение непредсказуемости дальнейшего развития ситуации.

Состояние экономики, расстановка политических сил, динамика социальных процессов, прогнозы их развития на ближайшую и отдаленную перспективу свидетельствуют о том, что российское общество вступает в очередную кульминационную фазу своей истории. Она характеризуется не только становлением новых общественных отношений, но и противостоянием во многом дезориентированных социальных слоев, болезненно адаптирующихся к новым реалиям. Именно эта часть населения страны стала базой и движущей силой оппозиции, оставаясь при этом частью российского общества.

В связи с возбуждением и расследованием Генеральной прокуратурой Российской Федерации уголовных дел по факту массовых беспорядков в г. Москве, приведших к многочисленным человеческим жертвам, высшими должностными лицами России делаются заявления о решимости наказать виновных «по всей строгости закона», а в некоторых средствах массовой информации разворачивается кампания под лозунгом «Добить гадину!».

Вместе с тем, ориентация на дальнейшую поляризацию общественных сил, конфронтационная направленность политических целеустановок и провозглашение непримиримой борьбы с политическими противниками — все это, на наш взгляд, может только усугубить ситуацию и привести к окончательному расколу общества...» *(Из записки А.П. Орлова и П.А. Русских руководителю Администрации Президента Российской Федерации 14 октября 1993 года.)*

— А не слишком резко звучит: «высшими должностными лицами делаются заявления», «конфронтационная

направленность установок»? — В голосе Орлова чувствовались нотки сомнения.

— Андрей, нисколько! Мы же говорим то, что думаем! Мы хотим удержать президента от поспешных шагов! Это наша позиция! Разве не так?

— Так. Но все-таки...

— Боишься? — Павел сочувственно посмотрел на Андрея. — Давай не будем!

— Нет уж! Раз решили... Мы же не предлагаем ничего плохого!

— Ну, да! Мы предлагаем только выпустить из Лефортова «кровавых убийц» и «вдохновителей мятежа»! — Павел, как всегда, искрил юмором. Но Орлову было не до шуток. Он понимал, что ввязывается в очень острый политический вопрос и может поплатиться за это как минимум своей должностью.

ДОКУМЕНТ: «...В переломные периоды истории категория вины в отношении конкретных личностей чаще всего неприменима. Достаточно вспомнить опыт гражданских войн в России и Испании, который по прошествии многих лет имеет различные исторические трактовки. В настоящем российском общественном мнении, особенно на региональном уровне, даются весьма неоднозначные оценки трагическим событиям, резко расходящиеся с их официальной версией.

Однако, независимо от характера политических и идеологических оценок событий, очевидно — мы пережили эпизод гражданской войны. При этом не вызывает сомнения, что большинство участников массовых беспорядков не могли дать адекватной оценки политико-правовой ситуации и были искренне убеж-

дены в правомерности своих действий, тем более что это подкреплялось решениями двух ветвей власти (законодательной и судебной).

На наш взгляд, репрессии в принципе не способны предотвратить или приостановить гражданскую войну, они скорее могут лишь на время «упрятать вглубь» назревающие противоречия или же, наоборот, стимулировать их обострение.

Названные факторы требуют от высшего руководства страны взвешенных и, вероятно, неординарных решений, в том числе и относительно лиц, причастных к массовым беспорядкам 2—5 октября.

Представляется, что одним из таких шагов может стать их амнистия. Во всяком случае, этот акт высшей нравственной силы позволит, на наш взгляд, остановить процесс эскалации противостояния в обществе, изолирует в глазах общественного мнения «непримиримую оппозицию», повысит роль и авторитет Президента Российской Федерации как высшего арбитра, стоящего над политической схваткой, утвердит его как Президента всей России, а не только демократически ориентированной ее части...»
(Из записки А.П. Орлова и П.А. Русских руководителю Администрации Президента Российской Федерации 14 октября 1993 года.)

— Слушай, мы здесь правильно написали, что перспектива возбужденных против «организаторов массовых беспорядков» уголовных дел очень сомнительна, да и небезопасна для власти, потому, что показания свидетелей и самих обвиняемых потребуют допроса должностных лиц, а это может выявить...

— Да, Паша, надо еще сказать, что следователи МВД и органов безопасности испытывают психологический дискомфорт из-за неоднозначной трактовки событий, а это может сказаться на результатах расследования. Мне об этом говорили уже не раз.

— Нет, Андрей, Это лишнее. Следователи должны работать в рамках закона, и ни о каком дискомфорте не может идти речи.

— Ладно, читаю дальше.

ДОКУМЕНТ: «...Кроме того, амнистия необходима и из чисто прагматических соображений. Судебная перспектива возбужденных уголовных дел крайне сомнительна. В принципе дела по масштабным вооруженным конфликтам, как показывает опыт работы в зонах действия чрезвычайного положения, более чем неперспективны, т.к. процессуальное закрепление доказательственной базы по преступлениям, совершенным в ходе таких конфликтов, весьма затруднительно. Значительная часть жертв в ходе расследования не найдет своих виновных. Реально и то, что многие погибшие стали случайными жертвами действий сил правопорядка. Судебные процессы подтвердят эти обстоятельства и привлекут к ним внимание населения России и зарубежной общественности...

Кроме того, масштабы трагических последствий названных событий в определенной мере определялись неоперативностью и недостаточностью мер, предпринятых исполнительной властью и правоохранительными органами для их предотвращения.

С учетом развития политической обстановки, для максимального эффекта амнистию можно было бы объявить, как нам представляется, по окончании вы-

движения кандидатов на выборах в Федеральное собрание... С тем чтобы избежать возможной критики со стороны левых и правых радикалов, упреков президента в слабости и непоследовательности, а также искаженной интерпретации решения об амнистии, можно было бы инициировать обращение Патриарха всея Руси Алексия II к президенту с просьбой амнистировать всех лиц, причастных к массовым беспорядкам.

Подобное решение, на наш взгляд, будет реальным шагом к гражданскому примирению и согласию в российском обществе, получит одобрение народа России и поддержку мирового сообщества». *(Из записки А.П. Орлова и П.А. Русских руководителю Администрации Президента Российской Федерации 14 октября 1993 года.)*

На часах было уже десять минут одиннадцатого. Но усталости не чувствовалось. У обоих было ощущение сделанного большого дела, чувство азарта, которое неизбежно возникает, когда делаешь трудный и решительный шаг, но не уверен в результате.

— Чем черт не шутит, может, Филатов еще не уехал домой. Попрошусь к нему на встречу завтра утром, — Андрей потянулся к трубке «кремлевки». Действительно, Сергей Александрович был на месте, но, как сказала секретарь: «У него — встреча». Впрочем, буквально через десять минут зазвенел телефон прямой связи.

— Ну, что там у вас? — голос у Филатова был не просто усталый, а какой-то обессиленный. Чувствовалось, что последние дни были для него исключительно трудными. Он делал все, что мог, чтобы урегулировать конфликт с Верховным Советом в духе решения Указа Президента № 1400, но все оказалось тщетным. Расчет его на миротворческую

посредническую миссию Патриарха провалился, что вызвало сильное раздражение президента, который еще раз убедился, что ставку надо делать на силу, а отнюдь не на мирные переговоры. — Вы же у меня уже сегодня были!

— Был, Сергей Александрович! Но я хотел бы доложить вам записку...

— О чем? — Вопрос застал Орлова врасплох. Интуитивно он понимал, скажи он сейчас Филатову, что речь идет о записке по поводу амнистии, Сергей Александрович может сразу отрезать, сказав, что это, мол, не ваше дело.

— Сергей Александрович, о событиях и некоторых мерах...

— Ладно, приходите завтра утром, полдевятого. — Филатов не стал дальше расспрашивать Орлова и положил трубку.

— Завтра в восемь тридцать, — сообщил Андрей Павлу.

— Отлично! Иди и добивайся, чтобы доложил президенту. Потом обязательно позвони мне.

Они выпили по рюмке коньяка, закусив дольками молочного шоколада «Аленка». Несмотря на то что шоколад покрывал едва заметный белый налет, он был мягким и вкусным, без каких-либо признаков затхлости. По домам Андрей и Паша разошлись половине одиннадцатого. Павел пошел на станцию «Китай-город», а Андрей спустился на стоянку перед вторым подъездом, где ждала его служебная машина.

15 октября 1993 года, пятница, утро.

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.

Кабинет руководителя

Администрации Президента

— И вы хотите, чтобы я это доложил президенту?! — В голосе Филатова чувствовалось не просто раздражение, а явное возмущение и негодование. Прочитав буквально

несколько строк, он бросил записку на приставной столик, за которым сидел Орлов. Лишенные скрепки, листки разлетелись в разные стороны, а один упал на пол. Андрей посмотрел на Филатова: таким враждебным его лицо он никогда не видел. В раздражении Сергей Александрович, сам того видимо не замечая, постукивал ручкой о поверхность стола, что придавало и так напряженной обстановке особую остроту.

— Сергей Александрович, дочитайте, пожалуйста! Это очень важно, прежде всего, для самого Бориса Николаевича! — Орлов протянул Филатову листки записки. Тот взял их, снова стал читать.

По лицу Филатова Андрей видел, насколько неприятным и даже тягостным было для него это чтение. Даже не добравшись до второй страницы, где Орлов с Русских проводили параллели с гражданской войной в Испании, Филатов брезгливо протянул Андрею записку.

— Заберите это! И больше ко мне с этим не обращайтесь!

— Но, Сергей Александрович... — Андрей сам удивился подобострастному тону своего голоса... Если это не сделать сейчас, то...

— Все, идите! — гневно воскликнул руководитель Администрации Президента. — Больше нам не о чем говорить!

Орлов встал, убрал листки в папку и направился к двери.

— Надо еще посмотреть, на кого вы работаете! — услышал он раздраженный голос за своей спиной.

Не оборачиваясь, Андрей прикрыл за собой дверь.

Наверное, у Орлова был слишком удрученный вид, потому что секретарь Филатова, миловидная женщина,

всегда доброжелательно относящаяся к Орлову, участливо спросила:

— Андрей Петрович, что такое? Что-нибудь случилось?

— Да, случилось. С нами всеми что-то случилось.

* * *

На улицу Андрей вышел из заднего подъезда первого корпуса Кремля, который был обращен в сторону кремлевской стены. Кирпичная кладка, кое-где изъеденная временем, уходила высоко вверх, только подчеркивая невыблемость мощной постройки.

Андрей вспомнил, как две недели назад они проходили здесь вместе с Пашей Русских поздним вечером после того, как безуспешно пытались получить санкцию президента на установление прямой линии связи с Белым домом. Тогда все вокруг источало тревогу и напряженное ожидание развязки. Увидев неподалеку от Спасской башни импровизированное пулеметное гнездо, сооруженное наспех из мешков с песком, и копошащихся рядом солдат в касках, он тогда подумал: «Надо же, как в 1918-м!» Теперь здесь было прежнее безмятежное спокойствие. Даже припаркованные позади первого корпуса «Волги» со спецсигналами выглядели буднично и умиротворенно. Не так, как смотрелись такие же машины на Старой площади или во дворе известного здания на Лубянке. Те, казалось, были в состоянии тревожной готовности и экстренному выезду.

ВОСПОМИНАНИЯ: «За последние дни это была моя вторая крупная осечка. Первая — в конце сентября, когда мы с Пашей носились с идеей «прямой линии связи» с Белым домом. Теперь — эта! Наверное, Филатов знал что-то такое, чего я тогда не знал. Разумеется, он был

посвящен в дальнейшие планы президента, которые не предполагали реализации нашего замысла. Более того, наверху уже, наверное, продумывали, как не допустить амнистии, идеи о которой уже витали в воздухе. Я тогда подумал: «Надо же, проработал в Администрации чуть больше полугода, а уже практически испортил отношения с ее руководителем». То, что Филатов был мной недоволен, очевидно. Но что я делал не так? В чем я был виноват? Почему в довершение всего я заслужил даже сомнение в благонадежности? Почему он так сказал: «Надо посмотреть, на кого вы работаете». Не доверяет? Подозревает в чем-то?» *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

Перед самым пропускным пунктом у Спасской башни, где прапорщик Главного управления охраны проверяет у входящих и выходящих документы, Орлову пришла в голову мысль: «А что, если у меня сейчас, прямо здесь, на выходе, отберут удостоверение! Может быть, Филатов уже дал соответствующую команду! Действительно, предлагаю ему то, что ни в какие ворота не лезет! Президент говорит: «Нет прощения мятежникам!», а кто-то (кто такой?) подсовывает бумагу с предложением амнистии!».

Прапорщик подержал удостоверение Орлова, внимательно сличил его лицо с фотографией и сухо бросил:

— Проходите.

«Не отобрали, — не то удивился, не то обрадовался Андрей. — Значит, все еще впереди».

15 октября 1993 года, пятница, утро.

Москва. Рублево-Успенское шоссе. Частный дом

В большом зале, хранившем черты старого цеховского особняка, разговаривали трое — Григорий, молодой чело-

век в элегантном костюме, белой рубашке и с модным галстуком; Борис, высокий седовласый мужчина простецкого вида, одетый в бежевую кожаную куртку; и Рэй, молодой человек спортивного телосложения в коричневом свитере крупной вязки. Обращали на себя внимание его прическа в форме ежика и легкий акцент, с которым он разговаривал.

Двери гостиной были плотно прикрыты, как, впрочем, и окна, за которыми раскачивались желтые ветки деревьев. Здесь, за городом, было ветрено и совершенно не чувствовалось наступление осени.

Обстановка в комнате сохраняла черты прежней помпезности — массивный книжный шкаф с секретером, за поблескивающими стеклами которого виднелись корешки энциклопедических справочников и толстых альбомов с художественными репродукциями; громоздкий кожаный диван и несколько таких же кожаных кресел, произвольно стоящих вокруг стола, на котором стояла полуметровая бутылка виски в форме качелей и низкие стеклянные стаканы на изящном подносе; большая мебельная горка с дорогой фарфоровой и хрустальной посудой. Над столом висела тяжелая пятирожковая люстра из темного металла, напоминающего бронзу. Пол устилал громадный во всю ширину помещения ковер.

Стены гостиной были увешаны картинами в толстых, потерявших золотой блеск, багетовых рамах, на которых были изображены горные пейзажи и романтические замки. У стены стоял резной сервировочный столик, заставленный бутылками с пестрыми этикетками.

— Рэй, мы же с тобой договорились, что оплата будет «по факту». Все, что вы хотели, мы сделали. Хотели шухер — мы организовали шухер, поставили задачу столкнуть этих уродов с ментами, — пожалуйста! Даже «снайперов»

организовали! Мы выполнили контракт полностью! — молодой человек, пощелкав костяшками пальцев, протянул иностранцу ладонь. — А теперь гоните бабки!

— Григорий, не волнуйся, мы все выполним! Только я предлагаю, что деньги мы переведем на ваш счет... Помнишь? Тот, который ты нам называл...

— Не-е-т, Рэй. Так не пойдет! Мы договаривались налом. Кэшом, понимаешь? Что нам твой перевод? Нам нужны живые деньги! Грины! Доллары! О'кей?

Иностранец поморщился.

— Гри, дело в том, что вы все сделали не так, как мы хотели... Мы...

— Рэй, ты чего несешь? Что не так? Вы сказали, еханий бабай, что надо сделать все, чтобы виноваты были во всем эти пидарасы!

— Кто? — не понял иностранец.

— Ну, коммуняки эти! Так ведь?

Рэй промолчал.

— Они и виноваты! Все газеты пишут об этом. По телевизору, сам, наверное, видел... Президент даже в своем обращении к народу сказал, что это коммунисты все организовали. Так?

Иностранец кивнул.

— Вот, вы, америкосы, не дадите коммунистам воли. Так у вас и нет никаких проблем.

— Это не так, Гри. Проблемы у нас тоже есть. Но...

— Какие? С нашими-то не сравнить! Так вот, перестрелку мы организовали? Организовали. Все теперь знают, что во всем виноваты коммунофашисты, так? Что вам еще надо?

— Ладно, Гри, не включайся!

— У нас говорят: не заводись,

— Да, я и хотел сказать: не заводись! Передадим тебе деньги через того же человека, как и в прошлый раз.

— Стольник?

— Да, сто миллионов. Увезешь?

— Не бойсь, увезу.

— Все обговорили? — включился в разговор седовласый мужчина по имени Борис. — Может, и со мной считаемся?

— Ты, Боря, еще свои бабки не отработал. Рэй деньги считать умеет и зазря платить не будет.

— Почему зазря, мы работаем. Наши люди в этом гадюшнике уже собрали кое-что. Правда, мне сообщают, что мешает им кто-то.

— Что? — американец насторожился. — Кто мешает?

— Группа там какая-то появилась. Обшаривают весь дом, ешкарят что-то.

— Может быть, следователи? Генеральная прокуратура?

— Нет, Генеральная прокуратура работает сама по себе. А эти... Эти ищут документы. Уже два раза столкнулись с нашим человеком нос к носу.

— И что? — в голосе Рэя послышалось беспокойство.

— Ничего, разошлись как в море корабли.

— Какие корабли? — не понял иностранец.

— Поговорка такая: разошлись каждый в свою сторону, понятно?

— Надо бы узнать, кто такие.

— А чего там узнавать. Ясно кто — контора.

— Сотрудники министерства безопасности?

— Какая разница! Чекисты. Не добились их, в девяносто первом!

— Еще не вечер! — подал голос Григорий. — Их скоро все равно грохнут. Кабинетные крысы! Работать, еханный

бабай, не умеют, не то что легавня! Те хоть на земле работают. А эти! Я сам ментом был, знаю!

— Но тебя же выгнали, Гриша!

— Не выгнали! Я сам ушел!

— Ладно, замнем для ясности. А ребята у тебя действительно ништеба! В Белом доме работали что надо!

— Да, моя школа! Не то что эти... из макашовской группы «Север». Они шмаляли, не глядя. Может, и зацепили кого, но только случайно. А мои ребята, точно били в цель!

— Гриша, ты особо не распространяйся про это! А то знаешь...

— А нас тут всего трое — Рэй, ты да я, да мы с тобой! Больше никого нет.

— Стены тоже имеют уши!

— Ну, Борис, ты даешь! Я что, не проверял тут ничего? Как в девяносто первом взял этот хауз, так все проверил сразу. И постоянно проверяю! Так что не очкуй!

— Но в Белом доме твоих-то было мало, в основном разный сброд... Казаки, еще эти... Как их? Из Молдавии.

— Приднестровцы? Да, отряд батальона «Днестр» из Тирасполя, рижские омоновцы... Да, крутые ребята! Но мои круче! И хитрые. Обдурили ОМОН по-черному! Когда заваруха стала заканчиваться и в дом ворвался спецназ, многие решили дать винта по подземным коммуникациям, а мои... наоборот... Выждали момент, построились и открыто вышли из восьмого подъезда прямо перед цепью омоновцев. С оружием. Одеты-то все в камуфляж! Просто прошли сквозь оцепление в сторону стадиона, а там... ищи ветра в поле! Все ушли! Семеро, правда, остались на верхних этажах. Сгорели или были убиты в перестрелке, не знаю. Больше их никто не видел. Среди них и наш «бри-

гадефюрер» был. Настоящий боец движения! С жидами-демократами и партократами-большевиками боролся еще так! Жалко ребят! Они погибли за «русскую идею»...

— Какую «русскую идею», Гриша? За бабки они погибли!

— А хоть и за бабки, но пошумели здорово! И на нашу идею поработали! Вот дядя Сэм отстегнет нам чирик за труды, мы нашу организацию поставим на ноги. — Произнеся эти слова, Григорий невольно бросил взгляд на картину в дорогой багетовой раме, изображающую романтический замок среди высоких заснеженных гор. На переднем плане стоял рыцарь, сжимающий громадный меч. На щите отчетливо виднелся крест с плавно загнутыми концами, поразительно напоминающий известный знак, ставший в двадцатом веке зловещим символом насилия.

Какими путями забросила сюда судьба это старинное полотно в золотистом обрамлении? Может быть, это один из трофеев Великой Отечественной войны, которые тысячами привозили из поверженной фашистской Германии? Или это памятный презент какого-нибудь заморского гостя?

Каждый раз, когда Григорий смотрел на эту картину, его посещали одни и те же мысли: «Национал-социалисты называли этот крест свастикой. А по-нашему, по-славянски — коловрат. Смысл-то один: знак этот — символ удачи. Вот она к нам и пришла. Скоро денег будет столько, что все наши планы развертывания боевой организации станут реальностью».

— Давайте помянем наших ребят, которые погибли в Белом доме. Они погибли не за «красных» и не за «белых», не за «коммуняк» и не за «дерьмократов», а за нашу великую национальную идею! — с этими словами Григорий наполнил три стакана виски и первым опорожнил свой бокал.

15 октября 1993 года, пятница, день.

Москва. Район Смоленской площади.

Старинный особняк

— Ричи, ты должен понять, русские очень скоро придут в себя, и тогда нам уже будет не на что рассчитывать. Вашингтон нам не простит промедления.

— Харрис, вы же знаете, я слова на ветер не бросаю. Но Гри уже требует оплаты, говорит, что все сделали, как мы просили. Я утром встречался с ним и нашим агентом. Оба ждут, когда мы передадим им деньги. Через банк и акции не хотят. Требуют кэш.

— Вот, козлы! Сделали на цент, а получить хотят сто долларов!

— Не сто долларов, Харрис, а десять миллионов долларов! И сразу!

— Ричи, заплатить им, конечно, надо, не десять, конечно, а пары миллионов пока хватит. Я уже согласовал с шефом. Надо признать, что они все-таки кое-что сделали. Ты же сам докладывал, что именно они подстрелили двух милиционеров и демонстранта. Этого как раз и было достаточно, чтобы завязалась перестрелка. Если бы военным и милиции кто-то не дал приказ снять оцепление, то перестрелка превратилась бы в настоящий бой и тогда...

— И тогда в центре Москвы развернулось бы настоящее побоище. Войск было много, милиция на всех улицах и переулках, сторонников Хасбулатова тоже везде полно. Убили одного, другого... и столкновение уже не остановишь!

— Но ты, Ричи, ведь понимаешь, что нам полный хаос в Москве тоже не нужен. Русские же не знают меры. Они начнут крошить все подряд. Кто там у них сказал про «русский бунт»? Толстой? Достоевский?

— Пушкин.

— Пушкин? Он же сказки писал, да мелодрамы всякие!

— Нет, я точно знаю, что именно Пушкин сказал про «русский бунт», что он «бессмысленный и беспощадный». Это, когда он писал про восстание крестьян против царя.

— Ладно, Пушкин так Пушкин. Но нам-то бунт нужен не бессмысленный, а со смыслом! А смысл этот сейчас и проясняется. Происходит почти все, как мы хотели, Ричи. Коммунистов и патриотов всяких разогнали! Их организации запретили! Газеты коммунистические закрыли! Вот осталось только информацию подсобрать да чекистов добить, и тогда поставленная перед нами задача будет выполнена в полной мере!

— Согласен, Харрис, думаю, что коммунистов мы добились окончательно, теперь их вряд ли кто будет поддерживать. Может быть, только сумасшедшие старухи и военные пенсионеры. Во всяком случае, молодежь за ними не пойдет.

— Конечно, раз появился «рынок», все будут стремиться заработать...

— А знаете, как русские называют свой «рынок»? Они говорят: «У нас пока не рынок, а базар!»

— А какая разница?

— Черт его знает! Но по-русски это звучит плохо!

— Давай, Ричи, выпьем. У меня есть бутылочка французского коньяка.

— Спасибо, Харрис, но я сегодня уже пил виски. Не хочу мешать.

— С утра виски?

— Я же говорю, встречался с русскими. А они без алкоголя не могут.

— Хорошо, давайте махнем виски. Пошли в бар, у Хейли есть отличный шотландский виски, «Данкан» называется.

— Но это же не патриотично — «шотландский виски»!
Давайте уж американский «Джефферсон»!

— Ну, уж нет! Если пить, то только шотландский! И патриотизм тут ни при чем!

*26 октября 1993 года, вторник, утро.
Москва. Краснопресненская набережная.
Дом Советов*

Орлов уже привык ходить в Белый дом как на работу. Он приезжал туда около полдевятого, в «штабном» кабинете № 447 дожидался, пока соберется вся команда. Иногда возникали непредвиденные ситуации: кто-то не мог прибыть и вместо себя направлял замену. Этого человека, конечно, не было в списках. Поэтому постоянно требовалось участие Андрея в решении вопроса прохода в здание. После того как он написал записку Филатову, а тот доложил ее президенту, обстановка в Белом доме изменилась кардинальным образом.

По всему периметру стал возводиться высокий бетонный забор, была установлена охрана, которая контролировала любое перемещение через ограждение. Теперь уже каждый желающий не мог войти на охраняемую территорию без соответствующего пропуска, подписанного комендантом объекта милицейским генералом Баскасым. Любая автомашина, въезжавшая на территорию или выезжавшая с нее, досматривалась самым тщательным образом. Служебная «Волга» Орлова не была исключением, и Андрею не раз приходилось стоять перед воротами, дожидаясь, когда подойдет очередь досмотра его автомашины.

Один раз на выезде из здания офицер милиции на КПП¹, несмотря на то, что Орлов показал ему удостоверение со-

¹ КПП (сокр.) — контрольно-пропускной пункт.

трудника министерства безопасности, потребовал открыть кожаную папку.

— А не слишком ли много ты хочешь?! — неожиданно резко, что было не типично для него, ответил Андрей, и буквально сунул под нос милиционеру свой «мандат», подписанный Филатовым и завизированный комендантом.

— Я не знаю никакого Филатова! У меня есть начальник, я и выполняю...

Орлов не дал ему договорить:

— А подпись Баскаева ты знаешь?

— Ну.

— Что «ну»?

— Так вот, смотри: это — подпись твоего начальника. Понятно? Запомни, может еще пригодиться!

Орлов и сам не знал, почему так раздраженно разговаривал с милиционером, который всего лишь выполнял приказ о строгом контроле, за который так ратовал сам Андрей. Наверное, сказывалась усталость последних дней, в течение которых опергруппа Орлова все основательнее проникала в тайны громадного здания на Краснопресненской набережной, обшаривая кабинет за кабинетом, коридор за коридором, холл за холлом. В сырости, грязи и холоде, иногда на пронизывающем ветру, поскольку на верхних этажах почти везде были выбиты стекла, а кое-где даже разрушены стены.

Когда вся опергруппа оказывалась в сборе, Орлов проводил совещание, на котором распределялись очередные участки осмотра помещений Белого дома, ставились задачи с учетом результатов предшествующего дня. Потом все расходилось по своим маршрутам, поддерживая связь по радиостанциям. Андрей или отправлялся сам по одному из маршрутов, или оставался в кабинете для того, чтобы не

потерять нити управления поисками. Электричества и связи в Белом доме все еще не было. Впрочем, кое-где работали дизель-генераторы, позволяющие освещать некоторые места, где проводились восстановительные работы.

Вот и в этот день все шло в штатном режиме, не предвещающая никаких неожиданностей.

— «Четыре-сорок семь» вызывает «Владимира», — Орлов нажал тангенту рации, вызывая Владимира Ершова, старшего группы, работающей в цоколе 25-го подъезда, который выходил из правого крыла фасада здания Верховного Совета.

— «Владимир» слушает, — через треск помех услышал Орлов.

— Как там у вас. Что-то есть?

— Прошли часть цоколя от лифтового холла до кабинета 89. Все проверили. Пока ничего. Но тут уже всюду трудятся иностранные рабочие...

— Понял. Докладывайте по мере движения.

— Хорошо.

Да, в Белом доме уже несколько дней наряду с российскими ремонтниками и военными строителями трудились сотни турецких рабочих, прибывших на основании государственного контракта с фирмой «Венка». Орлов знал, что это была довольно крупная турецкая строительная компания, которая начинала работать еще в СССР в годы перестройки. Именно специалисты и рабочие этой фирмы придали Петровскому пассажиру тот фешенебельный вид, который он приобрел в начале девяностых. Почему было принято решение восстанавливать Белый дом с привлечением иностранных рабочих, Орлов не знал, хотя это обстоятельство вызывало у него острое неприятие. Запускать в здание, которое совсем недавно занимал высший орган власти страны,

да притом разрушенное своими же танками, казалось не просто странным, а аморальным. Давать разбирать руины российской трагедии иностранцам, по мнению Орлова, было унижительным и постыдным.

Буквально в течение трех дней все этажи Белого дома заполнила гомонящая толпа турок, которые рассредоточились по коридорам, холлам, кабинетам громадного здания. Рано утром их откуда-то привозили на десятках автобусов, бригадиры распределяли их по участкам, затем разводили по этажам, а вечером точно так же увозили с территории. Одеты они были все в темные комбинезоны, на голове — каски, на многих — куртки с названием фирмы. Бригадиры заметно выделялись из общей массы не только покроем спецовки, но и нашивками над левым карманом куртки, содержащими фамилию, имя и номер бригады. Поначалу Орлова и членов его опергруппы поразила дисциплина и порядок, который они наблюдали среди турецких рабочих. «Вот ведь, Азия, а порядок почти немецкий!» — думал Орлов.

Мысли Андрея прервал очередной вызов по радиации.

— Петрович, у нас ЧП.

— Это кто? — за помехами Орлов не узнал голос.

— Это «Юрий», мы работаем на пятом этаже, в зоне «В-1».

— Что за ЧП? — встревожился Орлов. Он узнал голос Спирина и понял, что случилось что-то чрезвычайное. Юра не был склонен к преувеличениям.

— Понимаешь, тут большой засыпной сейф пропал.

— То есть, как пропал?

— А так, вчера был, а сегодня нет. Ребята из прокуратуры говорят, что кто-то спиз...л.

— Подожди, Юра. Я иду к вам.

Через десять минут Орлов, преодолев длинный коридор, вытянувшийся через все левое крыло Белого дома, вышел в зону «В-1». На всем протяжении пути от «штабного кабинета» до места работы опергруппы ему встречались турецкие рабочие, которые носили тяжелые бумажные мешки, банки с краской, большие фанерные листы, доски... Часть рабочих усердно очищали стены, отчего вокруг стояли столбы известковой пыли. Правда, их усердие ограничивалось присутствием надзирающего за ними бригадира. Как только тот отходил куда-нибудь, турки тут же прекращали работу, присаживались на пол или штабеля досок, тихо переговаривались между собой, втихаря покуривали. Но как только появлялся бригадир или кто-нибудь из начальства, тут же вскакивали и продолжали прерванную работу.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я тогда очень удивлялся, что восстанавливать Белый дом пригласили турецких рабочих. Я знал, что турецкие строительные фирмы работают по всему миру. Но мне не казалось, что турки будут чем-то лучше, чем наши, занимаясь такой примитивной работой, которая требовалась в Белом доме — очистка помещений, восстановление стенных перегородок и навесных потолков, остекление оконных проемов... Что, у нас нет своих специалистов такого профиля? Но главное — я отдавал себе отчет в том, что с ними практически невозможно будет установить контакт в наших интересах. Рассчитывать придется исключительно на собственные силы... Более того, можно было ожидать даже в связи с этим каких-либо неожиданностей. Как показали дальнейшие события, эти опасения были небезосновательными». *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

Спирина и его напарника, молодого сотрудника управления контрразведки, Орлов нашел рядом с бывшей приемной Председателя Верховного Совета. Оба были крайне возбуждены.

— Петрович, представляешь, эти... — он указал глазами на турецких рабочих, — сперли сейф из комнаты отдыха *самого*.

— С чего это ты решил, что они? — Орлов с явным недоверием отнесся к сказанному. — Да и как они могли? Тут же охрана!

— Вот представь себе, Петрович, никакой охраны здесь нет!

— Была же!

— Была, но, говорят, три дня назад сняли!

— Как сняли?

— Откуда я знаю?

— А почему ты решил, что сейф пропал? Может, его там и не было?

— Нет, был. Ребята из прокуратуры были здесь и сказали, что видели его. Хотели сегодня досмотреть, даже «спеца» в конторе взяли. Ведь ключей-то не нашли! Пришли утром, а сейфа-то и нет!

— Пошли, посмотрим! — Андрей указал на дверь приемной.

В помещениях, которые Орлов с товарищами осматривал всего две недели назад, все было по-другому. Из мебели остались только рабочий стол помощника главы парламента и книжные шкафы. Но никаких бумаг, книг и газет, которые лежали ворохами на полках и на полу, уже не было. Как не было комнатных цветов в больших горшках и нелепого велоэргометра, дико смотревшегося на фоне всеобщего запустения. Окна были заколочены фанерой, отчего в кабинетах

было сумрачно и пусто. Стены уже были все «отутюжены» турецкими рабочими, подготовлены для покрытия штукатуркой или какими-нибудь другими материалами.

— Вот здесь стоял сейф. В этой нише. — Юра указал на приоткрытые створки стенного шкафа. Ниша была достаточно глубокой и совершенно пустой. — Видишь, Петрович, следы даже остались, как тапили.

Действительно, на паркетном полу, от того места, где были отпечатки ножек сейфа, четко были видны глубокие вмятины и царапины.

— Тяжеленный, видно, был, массивный, — сказал Орлов, рассматривая следы.

— Да, прокурорские говорят, что старый. Наверное, еще из Совмина Союза.

— А почему ключей нет? Запасные должны быть.

— Нет, комендант сказал, что дубликатов у него никогда и не было. Наверное, только у владельца сейфа. А он сейчас в СИЗО¹.

— А с чего вы решили, что это турки умыкнули сейф?

— А кто еще? Как охрану сняли, сюда сразу турецких рабочих пригнали. Они, больше некому!

— Ну и где теперь искать?! — Не то спросил, не то безнадежно сказал Орлов. — А «прокуратура» не будет заниматься этим?

— Нет, они сказали, что это наше дело. Они расследуют события и выясняют вину. А искать... придется нам. Петрович, надо доложить руководству.

— Филатову? — В голосе Орлова послышалось сомнение.

— Зачем, Петрович? Нашему министру, Голушко.

¹ СИЗО (сокр.) — следственный изолятор.

26 октября 1993 года, вторник, день.

Москва. Лубянка.

Здание министерства безопасности.

Кабинет министра безопасности

Голушко принял Орлова сразу же, как будто ждал его прихода. Несмотря на то, что Андрей последний раз видел Николая Михайловича на брифинге в министерстве безопасности совсем недавно, Голушко по-прежнему выглядел крайне встревоженным и озабоченным, каким он был в первые дни после подавления «октябрьского мятежа».

Без лишних предисловий Орлов положил на стол перед министром записку, один из абзацев которой выглядел следующим образом:

«В ночь с 25 на 26 октября имел место факт исчезновения засыпного сейфа, подготовленного сотрудниками Генпрокуратуры к осмотру, местонахождение которого до настоящего времени не установлено».

Реакция министра озадачила Орлова. Всегда по доброму разговаривавший с Андреем, он буквально отбросил от себя докладную записку, как будто мог заразиться от нее страшной болезнью, затем неожиданно резко встал из-за стола и воскликнул:

— Не втягивай меня в это дело! Тебе поручено, ты и занимайся!

Орлов не знал, как реагировать на это, и уже собирался покинуть кабинет министра. Но тут Голушко неожиданно мягко сказал:

— Андрей, я не против того, чтобы ты занялся поиском пропавшего сейфа, но... согласуй это с... Генеральным

прокурором. Пойми, тут столько всего, что... — Он не договорил фразу, а только махнул рукой.

— Но, Николай Михайлович, как я согласую с Генеральным прокурором? Наверное, вам легче это сделать!

— Нет, ты сам! Не прибедняйся. Тебя назначил Филатов возглавлять эту опергруппу, вот и решай все вопросы. Позвони Казаншику, объясни все. Он примет тебя и наверняка поддержит. Можешь сказать, что Голушко тоже поддерживает. Ясно? — Министр давал понять, что на этом разговор исчерпан.

26 октября 1993 года, вторник, день.

Москва. Большая Дмитровка.

Здание Генеральной прокуратуры.

Кабинет Генерального прокурора

Казанник выглядел точно так, как представлял его Орлов по многочисленным телевизионным сюжетам — черноволосый, с небольшой округлой седеющей бородой, и усами, низко опускающимися по краям щек, с острым взглядом и специфическим говорком, заметно выделяющим его из массы высших должностных лиц.

Алексей Иванович был назначен Генеральным прокурором на следующий день после расстрела Белого дома в нарушение всяких конституционных процедур. Ельцин просто подписал указ о его назначении, сменив опального Степанкова¹, который сотрудничал с Верховным Советом. Впрочем, в то время этого никто даже и не заметил бы. Все, что происходило в сентябре — октябре девяносто третьего, не имело ничего общего ни с Конституцией, ни с законом.

¹ Степанков Валентин Георгиевич (1951) — Генеральный прокурор России в 1991—1993 годах.

Но Казанник стал широко известен не тогда, когда был назначен Генеральным прокурором, а задолго до того — когда на первом съезде народных депутатов СССР уступил свой мандат Борису Николаевичу, тем самым открыв Ельцину дорогу к власти. Казанник относился к наиболее радикальной группе демократов первой волны, входил в Межрегиональную депутатскую группу, после провала августовского путча 1991 года призывал устроить суд над КПСС по типу Нюрнбергского процесса, на котором судили главных нацистских преступников. Алексей Иванович во всем поддерживал президента Ельцина, в том числе в его намерении разогнать Верховный Совет, за что и получил высокий пост.

— Прошу вас, Андрей Петрович, — Казанник сделал приглашающий жест, указывая на стул перед массивным рабочим стол, на котором стояли тяжелый латунный письменный прибор с неизменным пресс-папье, лампа со стеклянным зеленым абажуром, бронзовая фигурка Фемиды с весами, множество всяческих штучек, о назначении которых Орлову трудно было догадаться. — Это еще от старого хозяина осталось, — как бы извиняясь, проговорил Алексей Иванович. — Слушаю вас.

Орлов начал издали, рассказав Казаннику об ответственном поручении президента, о том, что необходимо не допустить потери каких-либо важных документов. Как бы мимоходом Андрей упомянул, что является сотрудником органов безопасности и данное поручение выполняют также его коллеги с Лубянки.

— У нас там работает следственная бригада. Вы взаимодействуете с ней?

Орлов ответил утвердительно, но при этом добавил:

— Есть один вопрос, в котором требуется ваша поддержка...

— Слушаю, — лицо Казанника демонстрировало неподдельное внимание.

— Вы знаете, что сейчас в Белом доме работает много турецких рабочих.

Генеральный прокурор кивнул.

— Их численность постоянно увеличивается. Они проводят ремонтно-восстановительные работы практически во всех частях здания, что, естественно, затрудняет поиск материалов, который ведет наша опергруппа. Сегодня утром мы обнаружили пропажу сейфа из комнаты отдыха одного из руководителей Верховного Совета. По нашим данным, в нем могут находиться документы государственной важности.

Казанник очень внимательно отнесся к сообщенной Андреем информации и пообещал, что следственная бригада Генеральной прокуратуры окажет всемерное содействие в розыске сейфа.

— Вы знаете, Андрей Петрович, меня очень беспокоит все, что происходит сейчас в доме на Краснопресненской набережной...

«Надо же, не назвал Белым домом или Домом Советов! — подумал Орлов. — Законник. Верховного Совета нет, он распущен, а Белый дом вызывает далеко не патриотические аналогии».

Казанник, между тем, продолжал:

— То, что вы рассказываете, недопустимо. С каждым фактом мародерства нужно разбираться самым строжайшим образом. Спасибо вам, я взял это на заметку.

Алексей Иванович проводил Орлова до дверей своего кабинета и, прощаясь, пообещал оказывать содействие опергруппе Орлова.

— Если чем-то нужно будет помочь — не стесняйтесь, звоните.

ДОКУМЕНТ: «26 октября, вторник.

— поручение Филатова С.А. по списку;

— переговорил с Голушко, Тимофеевым, Зориным¹;

— встреча с Казанником, Кравцовым, Феткулиным, Бакиным, Даниловым²;

— продолжение работы в с/секторе;

— осмотр помещений...» *(Из рабочих записей А.П. Орлова, 26 октября 1993 года.)*

От встречи с недавно назначенным Генеральным прокурором у Орлова осталось противоречивое чувство, в котором было место симпатии, недоверию и снисходительной иронии. Было в этом человеке, производящем впечатление искреннего и честного, что-то такое, что не оставляло сомнения: вряд ли в этой должности он пробудет достаточно долго. Такие люди, как правило, становятся жертвой собственной порядочности, принципиальности и самостоятельности в принятии решений. Дальнейшие события подтвердили эту сентенцию.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я смотрел на Казанника, слушал его странный говорок, какую-то специфическую манеру общаться, свойственную, как мне казалось,

¹ Тимофеев В.А. и Зорин В.М. — руководящие работники Министерства безопасности России.

² Феткулин В.Х., Бакин Е.А., Данилов — руководящие работники Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

провинциальным интеллигентам, и думал: «Нет, этот человек вряд ли сможет противостоять мощному пресингу и не терпящим возражений указаниям сверху». Но я ошибся. Когда Ельцин, вопреки решению об амнистии участникам октябрьских событий, принятому вновь избранной Государственной Думой, потребовал от Генерального прокурора не вышускать «белодомовцев» из следственного изолятора, он подал в отставку». *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Вопрос: Интересно, а не жалеете ли вы сегодня о том, что некогда отдали свое место господину Ельцину?»

Ответ: Я об этом не жалею... На тот период этот шаг был оправдан. Тогда стояла задача разрушить тоталитарную систему (или, как мягко ее называли, административно-командную). Я думаю, что Борис Николаевич выполнил эту задачу, но было бы очень здорово, чтобы он ушел в отставку в августе или сентябре 1991 года, после известных августовских событий. Общаясь с ним, я убедился, что у него если и есть какой-то талант, то только разрушителя. Разрушены экономика, культура, нравственность, и он продолжает выполнять свою роль.

...Возьмите октябрьские события. Как бы мы ни рассуждали, указ № 1400 неконституционен. Тогда я переживал за президента Ельцина, поскольку в то время он представлялся мне мудрым политиком, руководителем. Мне было непонятно, почему он делает ошибки, которые видны невооруженным глазом...» *(Из интервью газете «Особая папка» бывшего Генерального прокурора России А.И. Казанника 12 апреля 1994 года.)*

*26 октября 1993 года, вторник, вечер.
Москва. Краснопресненская набережная.
Дом Советов*

— Ахмаджа, надо немедленно перенести «ящик» в надежное место. Бери людей из бригады Догукана и сегодня же перенесите его в нашу подсобку на четвертом этаже.

— Гюрхан-бей, русские кругом. Они все время следят за нами.

— Сделайте так, чтобы не заметили. Твои парни не перегружали еще панели со двора?

— Перегружали, но они там сложены у двадцать второго подъезда.

— Это там, где сейфы стоят?

— Да, еще два дня назад русские сказали, чтобы наша бригада полностью очистила кабинеты в зоне «Г-1». Мы вынесли всю мебель и сейфы во двор, куда они сказали. Только сейфы стоят отдельно, а столы, шкафы и стулья мы свалили в кучу. Их вывозят на самосвалах. Наших там уже нет. Только русские. И полиция все проверяет.

— Ахмаджа, вам надо продержат «ящик» в подсобке всего лишь сутки. Завтра утром прибудет человек с инструментом, и мы, Иншаллах¹, вскроем «ящик». Ты понял? Всего лишь сутки! Но сначала перенесите его в подсобку. Бисмиллях! ² Действуй!

— Понял, Гюрхан-бей. Все сделаем, Иншаллах!

На лестничной площадке пятого этажа у двадцатого подъезда никого, кроме турецких рабочих, не было. Пока бригадир разговаривал со старшим группы отделочников,

¹ Иншаллах (араб.) — «Если на то есть воля Аллаха».

² Бисмиллях (араб.) — «Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного!»

усердно чистящих щетками закопченные стены, на лестнице стоял невообразимый шум. Никто при этом, разумеется, не мог слышать их разговора. Даже если бы поблизости в стену было вмонтировано какое-нибудь подслушивающее устройство, что было маловероятно. И об этом господин Гюрхан, бригадир одной из двадцати семи бригад турецких рабочих, занимавшихся ремонтно-восстановительными работами в Белом доме, знал. Его знания опирались не столько на опыт работы в строительной компании «Венка», сколько на многолетнюю службу в МИТ — Национальной разведывательной организации, турецкой спецслужбы, выполняющей разведывательные и контрразведывательные функции.

МИТ еще со времен Энвер-Паши активно работала против Советской России, поддерживая тесные контакты с американцами и не гнушаясь использованием в своих целях террористов всех мастей. Господин Гюрхан (разумеется, его настоящее имя было другим) прибыл в Москву в составе большой группы турецких рабочих с четко определенным заданием: воспользоваться неразберихой, царящей в Москве после подавления «мятежа», и добыть важные документы, оказавшиеся бесхозными в громадном здании Дома Советов. Еще до прибытия рабочих в Москву, штаб-квартира МИТ в Анкаре была проинформирована об обстановке в центре российской столицы и царящем беспорядке в еще дымящемся здании бывшего Верховного Совета. Прибывшие срочно из Вашингтона специалисты по активным мероприятиям очень быстро разработали совместный план операции, которую назвали «Кюль», что по-турецки означало «пепел», по-видимому, по ассоциации с документами, сгоревшими в огне 4 октября 1993 года.

Господин Гюрхан, решая поставленные перед ним задачи, имел, тем не менее, неплохую профессиональную

подготовку по линии прикрытия и вполне компетентно играл роль бригадира. Ведь ему уже не раз приходилось в числе строителей заниматься возведением различных объектов в странах Ближнего Востока, в Германии и Франции. Даже самый внимательный эксперт не уловил бы в его поведении каких-либо признаков, заставляющих подозревать бригадира в двуличии.

Эксперт не уловил бы, а от внимательного глаза российских спецслужб господин Гюрхан, конечно, ускользнуть не мог, поскольку его предшествующая деятельность была на Лубянке хорошо известна задолго до прибытия сотрудника МИТ в Россию.

* * *

Вся опергруппа Орлова, прекратив «прочесывание» этажей здания, немедленно включилась в поиски пропавшего сейфа. От комнаты отдыха, которая находилась в зоне «А» на третьем этаже, царапины, оставшиеся от ножек сейфа, вели до самого изгиба коридора, но потом пропадали. То ли пол оказался уже совсем затерт, поскольку паркет буквально вздыбился от сырости, и кое-где зияли полностью выщербленные места. То ли злоумышленники умудрились поднять его и на руках отнести в надежное место. Искать в здании, в котором проводились широкомасштабные строительные и ремонтные работы, где на каждом пяточке трудились турецкие рабочие, где по коридорам сновали маляры, сантехники, электрики, связисты, казалось почти безнадежным делом.

— Петрович, как ты собираешься определять возможное нахождение сейфа. Не будем же мы шерстить весь дом от подвалов до крыши! — Юра вопросительно посмотрел на Орлова, который внимательно изучал поэтажные планы Белого дома.

— Если потребуется, то будем «шерстить». Но я думаю поступить по-другому. Сначала надо узнать, где турки хранят инвентарь, инструменты, где складировуют отделочные материалы. Я даже знаю, кто нам поможет в этом.

* * *

Через два часа Орлов, сидя за столом в «штабном» кабинете, снова рассматривал поэтажные планы. Но теперь на них красными крестиками были помечены помещения, которые были предоставлены в распоряжение турецких специалистов. Таких крестиков было около тридцати, но Андрей, естественно, заинтересовался теми, которые находились на самом близком расстоянии от того места, где пропал сейф. Это были два больших кабинета на третьем этаже в районе двадцатого подъезда, три кабинета на четвертом этаже, а также несколько кабинетов на пятом этаже в районе кинозала и длинного коридора вдоль восточного крыла здания..

Вся опергруппа была в полном сборе. Занятыми оказались все стулья, кто-то уселся на подоконнике, кто-то расположился на больших бумажных пакетах, битком набитых обнаруженными документами. В наступающей темноте лица сотрудников казались бледно-серыми. Впрочем, от известковой пыли они действительно могли быть серыми.

Несмотря на то что в стекле зияли пулевые отверстия, через которые струился холодный воздух, в кабинете было тепло и душно. Может быть, еще из-за того, что практически все члены опергруппы курили. На подоконнике стояла консервная банка из-под ананасового компота, наполовину заполненная окурками. Но на письменном столе окурки аккуратно лежали в стеклянной пепельнице, кем-то принесенной после очередного осмотра кабинетов.

Орлов встал из-за стола, поправил подмышечную кобурку, которую оттягивал пистолет. Личное оружие, как правило, пистолет Макарова, было почти у всех сотрудников министерства безопасности, в том числе членов опергруппы Орлова.

— Перед нами стоит чрезвычайно важная задача, — начал было Орлов, но Юра Спирин перебил его:

— Петрович, кончай церемонии! Скажи лучше, что надо делать!

Андрей смутился. Конечно же, Юра не должен был так грубо перебивать его, но Орлов и сам понимал, что говорить общие слова перед людьми, которые уже вторую неделю работают в Белом доме, наверное, действительно излишне.

— Мы предполагаем, что похищение сейфа организовали турецкие спецслужбы. С момента его исчезновения прошло еще мало времени, и мы пока надеемся, что сейф не успели вывезти из здания. Все КПП уже сориентированы, ни одна машина не выйдет без досмотра. Понимая это, они попытаются вскрыть сейф и достать его содержимое...

— А что там за содержимое? — спросил кто-то.

— Точно мы не знаем. Но известно, что, по меньшей мере, десятка два документов чрезвычайной важности там лежат. Возможно, гораздо больше. Поэтому наша задача найти этот сейф. Некоторые из вас видели его. Для других скажу, что это очень массивный и тяжелый засыпной сейф с очень сложным замком. Открыть его непросто, но специалист, наверное, сможет...

— Так что, Андрей Петрович, сегодня будем работать ночью? Но турок-то после семи увезут!

— Тем лучше, нам никто не будет мешать.

Слова Орлова явно не вызвали прилива энтузиазма у коллег. Оставаться на ночь в холодном здании, не имея

возможности отдохнуть хоть сколько-нибудь, представлялось большинству мрачной перспективой. Да и сам Андрей не испытывал особого желания блуждать ночью по темным коридорам, хотя понимал, что дорога каждая минута.

— Распределяемся следующим образом... — Андрей стал называть фамилии сотрудников и части здания, которые те должны были осмотреть.

— Связываемся, как всегда, по рации. Позывные те же.

Больше вопросов ни у кого не было, но никто не торопился покинуть кабинет.

— Ну, что? Вперед! Я сам пойду на четвертый этаж.

Через пять минут кабинет опустел. Впереди было несколько часов до того момента, как в доме прекратятся основные работы и останутся только дежурные службы, а потом долгая ночь, которую придется провести в блужданиях по хитросплетению коридоров, похожих на подземные казематы средневекового замка.

* * *

— Правильно все сделали. Хозяин будет доволен. А вам, иншаллах, если все получится, будет дополнительное вознаграждение! — Гюрхан похлопал каждого из четырех рабочих по спине. — Как тебе так быстро удалось все сделать, Атмаджа? «Ящик» ведь очень тяжелый!

— Удача сопутствовала нам. Аллах помог!

— А русские не заметили?

— Нет, Гюрхан-бей, никто ничего не видел. Бригада Догукана как раз выносила шкафы и столы во двор, чтобы освободить комнаты для ремонта. Они возили ломаный паркет и испорченные ковры на железной тележке. Мы накрыли наш «ящик» ковром, положили на него обломки

паркета и спокойно проехали в другой конец дома. Никто нас не спросил, куда мы это везем...

— Русские всегда так. Нет у них порядка. Но нам это на руку. А как поднимали-то «ящик»? Он же тяжелый!

— Всей бригадой Догукана поднимали на пятый этаж. Поставили в подсобке, дверь закрыли, снаружи еще листами фанеры придавили. В общем, хвала Аллаху, все сделали, как вы, Гюрхан-бей, говорили.

— Надо же, успели! Атмаджа, ты настоящий «серый волк». Да вознаградит тебя Аллах щедро!

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Серые волки» — турецкая молодежная националистическая организация, созданная под патронажем Партии национального действия... Активисты организации неоднократно совершали политические убийства и террористические акты на территории Турции и за ее пределами... После военного переворота 12 сентября 1980 года практически все лидеры «Серых волков» были арестованы. В ходе судебного процесса над руководителями «Серых волков» следствием было установлено убийство 594 человек... Это привело к тому, что «Серые волки» вынуждены были перенести свою деятельность за пределы страны. Особенно сильное влияние имеют среди турецких рабочих...» *(Статья «Бозкурт» из Свободной энциклопедии «Википедия» в сети Интернет.)*

К исходу двадцать шестого октября за полчаса до завершения рабочего дня сейф из приемной председателя Верховного Совета оказался в подсобке одной из бригад турецких рабочих, занимавшихся ремонтно-восстановительными работами в Белом доме. Для организаторов операции под

условным названием «Кюль» это означало большой успех, поскольку им уже казалось, ничто не сможет помешать завладеть важнейшими документами.

27 октября 1993 года, среда, утро.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов

Вконец измученные, члены опергруппы Орлова под утро собрались в кабинете № 447. Всю ночь они осматривали помещения третьего, четвертого и пятого этажей нижней части здания. На каждом этаже было минимум двести кабинетов, часть из которых была закрыта. Приходилось копаться в принесенных комендантом больших картонных коробках со связками ключей, чертыхаясь, искать на полустертых бирках нужный номер. Некоторые кабинеты и холлы были загромождены мебелью, стройматериалами, завалены мусором, что крайне затрудняло поиски. Кроме всего прочего, работать приходилось при свете аккумуляторных фонарей, часть из которых была сильно разряжена и горела тусклым светом.

На испепренных осколками стенах при свете фонарей двигались уродливые тени, которые отбрасывали фигуры людей. Время от времени лучи фонарей выхватывали нагромождение каких-то предметов, грязных тряпок, обломков мебели, которые зловеще выглядели в темноте. То чудилось, что в углу кабинета кто-то притаился, прикрывшись ковром, то среди обломков нет-нет да и сверкнет что-то, напоминающее стекла очков. А грязные разводы на стенах и полу в темноте казались пятнами крови. От этого по спине бежали мурашки, и становилось жутко.

Время от времени члены опергруппы встречали солдат охраны здания и работников милиции, которые появлялись

неизвестно откуда и уходили неизвестно куда. Пару раз мимо прошли рабочие в комбинезонах, переносящие какие-то мешки. Они, также как и опергруппа Орлова, освещали себе путь аккумуляторными фонарями и явно не ожидали кого-нибудь встретить в темном лабиринте белодомовских коридоров.

Но все усилия опергруппы оказались тщетны. Обследованы были большинство помещений всех трех этажей, но ни в одном из них разыскиваемый сейф обнаружить не удалось. Попадались другие сейфы и металлические ящики, большинство дверей которых были открыты. О том, что они уже были осмотрены, свидетельствовали белые крестики, нанесенные мелом.

Орлов окинул взглядом членов своей команды, понуро сидящих на стульях и подоконнике. К усталости добавлялось подавленное настроение, вызванное тщетностью всех усилий найти сейф.

— Сейчас полшестого. Скоро открывается метро. Всех отпускаю домой — привести себя в порядок, принять душ, позавтракать... Но в десять прошу быть всех снова здесь. Продолжим поиски. Иначе... — Что произойдет в этом случае, Орлов не стал говорить. Но все, разумеется, осознавали, что если сейф не будет найден, то все остальные результаты работы опергруппы поблекнут, и останется ощущение, что противник (а в том, что это дело рук спецслужб, не сомневался никто) переиграл российских чекистов. — Сегодня мы должны найти сейф, во что бы то ни стало!

Никто не задавал лишних вопросов, и через пару минут кабинет опустел. Андрей спустился вниз и, разбудив спящего водителя, отправился домой. Выехав за ворота, он окинул взором громадину Белого дома. Со стороны фасада на высоте верхних этажей покачивались подвесные люльки. Часть

облицовочных плит, сильно поврежденных при обстреле, была демонтирована, и это место зияло темной заплаткой на грязно-сером фоне. Большинство оконных проемов было закрыто фанерой, но над главным входом в здание еще красовался герб РСФСР. Еще немного, и на его месте останутся безобразно торчащие металлические штыри, как корни дерева, вырванного страшным ураганом.

Время было раннее, и до дома Орлов добрался буквально за двадцать минут. Навстречу попадались одиночные машины и рейсовые автобусы. Столица еще только просыпалась от своего тревожного сна.

27 октября 1993 года, среда, утро.

Москва. Крылатские Холмы. Квартира Орловых

Выйдя из лифта, Орлов только собрался нажать кнопку звонка, как распахнулась дверь. Жена встречала его у лифта.

— Андрюшка, наконец-то! — Оля прильнула к нему. — Я так тревожилась за тебя. Совсем не могла спать.

— А как ты...

— А я услышала внизу, как подъехала машина, и сразу поняла, что это ты приехал. Пошли скорее, устал, наверное! Я сейчас завтрак приготовлю, а ты иди в душ.

— А ребята еще спят?

— Ну, конечно, время-то еще...

Вся накопленная за вчерашний день и ночь усталость стала куда-то уходить, и только осознание того, что уже через три часа ему опять надо быть в Белом доме, не могло полностью снять напряжения.

— Оля, я буквально на часик — помыться, побриться и позавтракать.

— Что, и водителя не отпускал?

— Нет, отпустил. Он же живет тут неподалеку, на Ми-
чуринском. Но в девять я уезжаю.

Завтракали они уже вчетвером — Нина и Сережа быстро
умылись, застелили постель и уже собирались в школу, а
Оля, быстро хлопотав у плиты, разложила всем по тар-
елкам еще шипящую яичницу-глазунью.

— Пап, а почему ты ночью работал? — спросил девя-
тилетний Сережа. — Разве ночью работают?

— А как же! Машинисты в метро, милиционеры, води-
тели автомашин, которые завозят товары в магазины...

— Но ты же не машинист! — Сережа лукаво посмотрел
на отца.

— Ешь, Сереженька! Поторопись, чтобы не опоздать в
школу! — Оля выразительно посмотрела на часы. — А папа
сейчас позавтракает и снова пойдет на работу!

— А почему? — подала голос Нина, — Ты же не спал
всю ночь!

— Ничего, еще отосплюсь! — улыбнулся Андрей.

— Папа, а мы в выходные пойдем в зоопарк? — Сережа
посмотрел вопросительно на отца. — Ты же обещал уже
давно. А мы все не идем. Нина тоже хочет. Да, хочешь,
Нина?

Дочь только пожала плечами.

— Ребята, но вы же знаете, что в Москве произошло!
В центре Москвы стреляли, там было очень опасно. Вы же
все видели по телевизору! Какой зоопарк?! — среагировала
на предложение сына Ольга. — Вот все успокоится, тогда
сходим. Да, папа?

— Конечно. Но зоопарк, по-моему, закрыт. Туда никого
не пускают. Он же рядом с Белым домом.

— Папа, а мальчишки в классе говорят, что это хулиганы
и бандиты хотели захватить Белый дом и Кремль. Вообще

всю Москву. Но наши солдаты спасли... Правда, там были бандиты, ты их видел?

— Нет, Сережа, никаких бандитов я там не видел. А произошла большая беда. Потом когда-нибудь я тебе расскажу, как все было.

— А Белый дом весь сгорел, да?

— Нет, не весь, только верхняя часть. Сейчас его ремонтируют. Наверное, скоро сделают, и будет ничего незаметно.

— Интересно посмотреть... как там все сгорело. Папа, давай съездим туда, а! — Сережа вопросительно посмотрел на отца.

— Ты что, Сережа! — Оля даже всплеснула руками. — Туда нельзя, там все закрыто, охраняется милицией!

— Но папа же был в Белом доме! Значит, пускают туда!

— Папа там был по работе. У него есть специальный пропуск. А нам делать там нечего. Вот отремонтируют — тогда и съездим, да, Ниноля? — Оля прибегла к помощи сестры Сергея, которая была старше его на четыре года.

Нина снова ничего не ответила, а только пожала плечами.

— А почему, собственно, не съездить? — неожиданно сказал Андрей. — Давайте в воскресенье съездим в центр. Там сами посмотрите, как и что.

— Ты что, Андрюша? — жена расширенными от удивления глазами давала понять, что его предложение, по меньшей мере, неразумно. — Туда еще нельзя, там опасно. Тем более с детьми.

— Ничего там уже не опасно. Белый дом огорожен. К нему, конечно, не пройти. А вокруг... Люди там везде ходят, с детьми в том числе. Никаких опасностей нет.

— Андрюша, но зачем детям это? Что им там смотреть? Для чего вообще это нужно? — Оло не на шутку взволновало предложение мужа.

— Не знаю. Может быть, нужно, — задумчиво ответил Андрей.

Они помолчали некоторое время, думая, наверное, каждый о своем. Молчание нарушали только звон чайной ложки, которой Нина тщательно размешивала сахарный песок в чашке, да звуки, которые издавал Сережа, отхлебывая чай.

Потом ребята быстро засобирались, сначала, схватив свой рюкзачок, убежал Сережа, затем ушла Нина. Андрей посмотрел на часы — стрелки показывали без четверти девять. Скоро должна была подъехать машина.

Они стояли у окна. Оля прижалась к Андрею, а он, поглаживая ее плечи, тихо шептал:

— Ничего, все скоро образуется. Все придет в норму.

— Андрюша, я не могу понять, что происходит, и очень боюсь за тебя. Вчера весь день передавали какой-то указ Ельцина. Вроде как везде распускаются Советы. Что это значит? Чего нам ждать теперь? Не будет опять какого-нибудь переворота?

— Переворота, думаю, никакого не будет. Хотя теперь я понимаю, что у нас в стране может случиться все, что угодно, даже то, что трудно себе представить в самом страшном сне. Стрельба из танков по своему парламенту... Такого, по моему, в истории еще не было. А указ... Этот указ означает только одно: советской власти пришел конец.

— Как это?

— А так, Советов больше не будет! То, за что боролись белогвардейцы! Вот теперь они гражданскую войну выиграли! Спустя семьдесят лет!

ДОКУМЕНТ: «...В целях укрепления основ народо-властия, обеспечения реформы местного самоуправления в Российской Федерации, а также учитывая инициативы и предложения органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их ассоциаций, постановляю:

...4. Деятельность городских и районных Советов народных депутатов прекращается, их функции выполняет соответствующая местная администрация.

5. Провести в период с декабря 1993 г. по июнь 1994 г. выборы в представительные органы местного самоуправления. Дата проведения выборов определяется органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

6. Установить, что главы местных администраций, назначенные или избранные до вступления в силу настоящего Указа, являются главами местного самоуправления...

Президент Российской Федерации Б. Ельцин». (Из Указа Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 26 октября 1993 года № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации».)

Они помолчали немного. С высоты открывался чудесный вид на столицу — силуэты жилых домов и знаменитых московских высоток, среди которых особенно выделялось здание МГУ, стела в Парке Победы, окрашенная в желтые и оранжевые краски лесопарковая зона, прилегающая к гребному каналу и велотреку. И только одна маленькая деталь этой панорамы вступала в явный диссонанс с красотой окружающего пространства. Там, где виднелись коробки высотных зданий Нового Арбата, торчала, как обугленный пень, верхняя часть Белого дома.

Проследив за взглядом Андрея, Оля тихо прошептала:

— В ту ночь Белый дом горел каким-то мерцающим огнем. Было очень странно смотреть на это. Странно и страшно. В центре Москвы — пожар, который специально устроили сами люди и который никто не собирался тушить. Когда ты мне тогда позвонил, у меня отлегло от сердца. Я ведь боялась, что ты можешь оказаться там.

Андрей поцеловал жену:

— Успокойся, теперь все в порядке.

— Но ты же *там*, внутри, да?

— Да, но это несложная и неопасная работа. Мы там разбираемся с разными документами. Простое бюрократическое занятие.

Жена с недоверием посмотрела на Андрея, но ничего не сказала, а только покачала головой.

— Все, пора!

— Ты опять будешь работать ночью?

— Нет, что ты! Сегодня постараюсь пораньше. А в выходные съездим в центр, и вы сами посмотрите, что там все спокойно.

— Давай не будем загадывать.

Ровно в девять черная служебная «Волга» отъехала от жилого дома на Крылатских Холмах и направилась в сторону центра Москвы.

27 октября 1993 года, среда, утро.

Москва. Кутузовский проспект

Черная «Волга» повернула с Рублевки, «потолкалась» немного в пробке у выезда на Кутузовский и, не задерживаясь среди верениц машин, преимущественно советского производства, стремительно понеслась по резервной полосе. Несмотря на то что синих спецсигналов у машины

не было, спецталон гарантировал водителя от неприятностей. Во всяком случае, гаишники сквозь пальцы смотрели на нарушения, совершаемые служебными машинами со спецталонами.

Вообще езда по резервной полосе чаще всего была вызвана не служебной необходимостью, а привычкой при наличии документа схать не в общей толпе, а отдельно. Правда, в случае с Орловым, легкие нарушения правил дорожного движения можно было бы считать оправданными, особенно в тех случаях, когда он торопился на какое-то важное совещание или встречу. Тем более что он, несмотря на то, что работал в Администрации Президента, оставался сотрудником министерства безопасности.

Взгляд Орлова скользил по мелькающим справа от проспекта домам, ставшим к середине осени какими-то особенно серыми, фигуркам людей, уже одевших плащи и куртки, по припаркованным у тротуаров «жигулям», «москвичам» и «волгам», по пожелтевшей листве деревьев и жухлой траве газонов.

После триумфальной арки, в том месте, где проспект делает едва заметный изгиб, открывается перспектива магистрали с видом на высотное здание мэрии, похожее на широко раскрытую книгу, высотку гостиницы «Украина», Новоарбатский мост через Москву-реку. И здесь взгляд Орлова произвольно выхватывал из общей картины всего один элемент, один маленький штрих, придающей городскому пейзажу зловещую окраску.

Там, где на отрезке пути от станции метро «Кутузовская» до подземного туннеля у площади Дорогомиловской заставы образовывался просвет между высотным зданием и жилым домом сталинской постройки, через который отчетливо проступала верхушка обугленного Дома Советов.

тов — ряд окон, узкие пилоны верхнего технического этажа и башенка с громадным циферблатом и остановившимися стрелками.

Каждый раз проезжая это место, Орлов невольно бросал взгляд на Белый дом, по иронии судьбы ставший черным. Потом, когда машина выезжала на мост, последнее произведение архитектора Чечулина представало во всем своем трагическом облики — огороженное со всех сторон бетонным забором, с забитыми фанерой окнами, черной от копоти верхней частью, страшной пробоиной от снарядов в самом центре фасада.

На Новоарбатском мосту перед Орловым, сколько бы потом раз он через него ни проезжал, на мгновение возникала одна и та же картина, которую он увидел в тот день. Это было как наваждение, но тот кошмар и ужас, смешивающиеся с позором и стыдом, запечатлелись в его памяти на всю жизнь.

* * *

Утром четвертого октября на Старой площади царила растерянность. Те, кто еще пару дней назад надсмехался над народными депутатами, которые «захлебнутся в собственном дерьме» в результате отключения канализации в Белом доме, теперь выглядели подавленными и испуганными. Массовые беспорядки у стен мэрии и Дома Советов, штурм телецентра в Останкино демонстрантами, стрельба и горящие автомобили на улицах Москвы, вой сирен машин «скорой помощи», убитые и раненые, точное число которых никому не было известно, противоречивая информация на экранах телевизоров — все это усугубляло распространяющееся повсеместно чувство страха и неуверенности.

— Андрей Петрович, ну как там? — Петр Васильевич, встретив Орлова в коридоре седьмого этажа, посмотрел на Орлова испытующим взглядом. — Что говорит Филатов?

— Я его не видел.

— Нас Дим Димыч отпустил домой. А что мы можем сделать? Это же все-таки законный парламент. Да и Зорькин поддержал их. Что творится!

Орлов только кивнул в ответ. Затем, пожелав Петру Васильевичу всего хорошего, пошел в свой кабинет.

«Что делать? Что предпринять? — Кровь пульсировала в висках. — Вот и началась военная операция... К Белому дому стянуты воинские части... Бэтээры, боевые машины пехоты... Стрельба усиливается, похоже, идет бой. После хаоса 3 октября и страшной ночи с десятками убитых и сотнями раненых это производит впечатление возмездия. Точка невозврата была пройдена накануне, и теперь ситуация развивалась по худшему сценарию. Попытка избежать кровавого столкновения, как оказалось, была обречена на неудачу». — Мысли Андрея путались, разрывая взаимосвязи явлений и нарушая логику развития событий.

Слишком непримиримы оказались позиции противостоящих сторон, слишком агрессивно были настроены люди друг против друга, слишком категоричны были политики, не допуская ни шага к компромиссу, убеждая себя и всех вокруг в том, что именно они правы. В час, когда политическое противостояние переросло в стадию кровавого противоборства, уже было не важно, кто прав, кто виноват. В братоубийственной войне нет правых и виноватых, а жертвой оказывается народ, который чувствует себя обманутым и преданным теми, кому он поверил.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я тогда был в подавленном состоянии. У меня возникло ощущение, что все, чем я до сих пор занимался, что делал и к чему стремился, потеряло всякий смысл. Работая в органах, я всегда исходил из того, что результаты моего труда должны быть полезны стране. Как бы это ни банально звучало! Занимаясь защитой госсекретов, выработкой мер противодействия иностранным спецслужбам, поиском способов выявления разведывательной деятельности противника, я всегда стремился выйти на практический результат. Иногда это получалось. И от этого я испытывал большое удовлетворение. А осенью девяносто третьего, когда страна находилась на грани гражданской войны, все мои попытки хоть как-то повлиять на происходящее были тщетны...» *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

Будто вспомнив что-то, Орлов набрал по «кремлевке» номер телефона Степашина. Как ни странно, его быстро соединили.

— Сергей Вадимович, какие наши действия? Может, я могу чем-нибудь...

Степашин не дал ему договорить:

— Андрей, ты же видишь! Ничего не надо делать! Скоро все закончится. — Голос у Степашина был более уверенный, чем ночью, когда пришло сообщение о том, что сторонники Белого дома штурмуют телецентр в Останкино. Тогда Степашин казался растерянным и подавленным. Впрочем, наверное, в той ситуации нельзя было не растеряться. В Москве шел настоящий бой: штурмующие применяли автоматическое оружие и гранатомет, таранили грузовиком двери телецентра, обороняющиеся тоже отвечали огнем, а

прибывшие бэтээры поливали из пулеметов прилегающее к телецентру пространство. Крики раненых, лужи крови, трупы у тротуаров! Зная о происходящем, нелегко было сохранить самообладание.

— Так что мне делать?

— Отслеживай обстановку, — услышал Орлов знакомую фразу. — Только понапрасну под пули не лезь!

— Ясно, буду докладывать.

— Давай. Ну, и помогай Филатову.

— Пока, по-моему, ему моя помощь не требуется.

Разговор со Степашиным не пролил ясность на то, как теперь ему, Орлову, надо действовать. Сидеть в кабинете он не мог, ехать домой тоже. Андрей вышел в коридор. Казалось, что здание вымерло. Никого в коридорах, пустые холлы — ни посетителей, ни курильщиков. В воздухе продолжал висеть вопрос: «Кто кого?» И разрешиться он должен был в ближайшие часы.

* * *

Орлов довольно легко преодолел несколько кордонов милиции в районе Дорогомиловки. Впрочем, кордоны были чисто условными, так как любой человек мог пройти в сторону набережной Москвы-реки или через дворы выйти к Кутузовскому проспекту. Андрей специально выбрал этот маршрут, так как знал, что на Новом Арбате уже стало опасно, поскольку с верхних этажей зданий время от времени стреляли снайперы. Вообще в эти утренние часы в районе Белого дома стрельба слышалась отовсюду. После ночного кровавого побоища у телецентра в Останкино и отдельных стычек в разных местах центра столицы, после митингов сторонников президентской власти на Красной площади и у здания Моссовета на Тверской, где звучали призывы

покончить с самозванным «президентом» и не желающим сдаваться парламентом.

На другой стороне Москвы-реки слышался гул моторов бэтээров, которые буквально окружили Дом Советов, поливая все пространство перед ним пулеметным огнем. Явственно чувствовался запах гари, появлялись клубы черного дыма, как будто кто-то жег автомобильные покрышки. Рядом с пандусом у мэрии горел городской автобус, еще ближе к мосту пламя охватило поливальную машину и троллейбус, стоящий поперек проезжей части. Все это Орлов отчетливо видел, пробираясь вдоль стен жилого дома на набережной Тараса Шевченко. Он был далеко не один — сотни людей также, как и он, стремились пройти к Новоарбатскому мосту. У тротуаров стояли военные грузовики с крытым верхом, автобусы и бэтээры. Рядом с ними — солдаты внутренних войск, омовцы и еще какие-то военные, по-видимому, выведенные на передовой рубеж для ведения боевых действий.

Не доходя до моста, Орлов повернул влево, услышав выстрелы, быстро перебежал дорогу и прижался к парапету. Здесь тоже было довольно много людей. По их внешнему виду можно было понять, что это случайные прохожие или жители близлежащих домов, словом — зеваки.

«Что привело их сюда? Желание испытать острые ощущения или маниакальное стремление увидеть позор проигравших, простое любопытство или расчет на то, что можно будет чем-то поживиться?» — думал Орлов, глядя на окружавших его людей.

Тем временем со стороны Кутузовского проспекта стал все более отчетливо доноситься скрежет гусениц. По освобожденной от транспорта магистрали в сторону Новоарбатского моста двигалась колонна танков в камуф-

ляжной расцветке. Люки их были задрены. Танки шли на приличной скорости, обдавая выхлопными газами людей, стоящих на тротуарах и плавно раскачиваясь на неровностях дороги.

Орлов стоял у гранитного парапета и не верил своим глазам: все пространство вокруг было запружено пестрой толпой. Юноши и девушки в джинсах и разноцветных ветровках, крепкие парни в черных куртках и камуфляже, солидные дядечки в плащах, женщины в цветастых платьях и брючных костюмах, мамы с детьми, и, конечно же, мальчишки, снующие в толпе, — вся эта масса с интересом наблюдала за разворачивающимися событиями.

Оцепление, состоящее из вооруженных автоматами солдат в темной униформе, бронежилетах и в касках, расступилось, пропуская танки на мост. Четыре броневых гиганта, сильно газуя, выстроились в ряд на самой середине моста, два других — остались за оцеплением, по-видимому, в качестве резерва. Следом показали еще танки, которые на быстром ходу повернули в сторону набережной с левой стороны моста. Туда же направились и несколько боевых машин пехоты с расчехленными крупнокалиберными пулеметами. Зеваки только успевали разбежаться в разные стороны, а некоторые ломанулись к Москве-реке, наверное, занимать места в первых рядах разворачивающейся драмы. Несмотря на непрекращающийся треск выстрелов, доносящихся со стороны Белого дома, никто даже не пытался прятаться за деревьями или припаркованными у тротуаров машинами и автобусами.

ВОСПОМИНАНИЯ: «В 6.45 началась стрельба. Я тогда как раз на часы посмотрел. Мы стояли тогда с

Виктором Илюхиным¹. Я увидел, что бэтээры пошли с этой стороны и по Девятинскому переулку. То есть они огибали здание. Я посмотрел и говорю:

— Смотри, Витя, они окружают.

А он говорит:

— Ну, что ж, будут стрелять.

— Неужели будут?

— Будут, будут.

Только мы поговорили, и пошли выстрелы... Ровно в шесть сорок пять...» *(Из воспоминаний И.А. Шашвиашвили, в 1993 году — народного депутата, члена Верховного Совета Российской Федерации.)*

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Мы продвигались со стороны гостиницы «Мир», мимо здания СЭВ. И где-то около 8 часов подразделения выдвинулись к стенам Белого дома. Я доложил наверх о том, что весь состав выдвинулся, находится у подъездов, чтобы хоть как-то предупредить... Я понимал так, что люди стоят у стен дома, значит, орудия применяться не будут.

Во время выдвижения подразделения в полку погибло пять человек и 18 были ранены. Расстреливали сзади. Я сам лично это наблюдал. Стрельба велась со здания американского посольства, с крыши, с колокольни у гостиницы «Мир». Все погибшие и раненые были расстреляны сзади. Кто стрелял, я не знаю, хотя

¹ Илюхин Виктор Иванович (1949—2011) — сопредседатель Фронта национального спасения в 1993 году, в прошлом — руководящий работник Генеральной прокуратуры, возбудивший уголовное дело против Президента СССР М.С. Горбачева по статье «Измена Родине».

предположения есть...» (Из показаний В.А. Сорокина, в 1993 году заместителя командующего ВДВ, на заседании Специальной комиссии Госдумы по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации, от 8 сентября 1998 года. — Д.О. Розгин. Ястребы мира. Дневник русского посла. Москва, 2010 год.)

В небе послышался гул вертолетов. «Один, два, три», — считал про себя Орлов. Они сначала покружили в небе, затем один за другим стали пикировать на Дом Советов. Толпа радостно загомонила. Андрей подумал, что начинается бомбардировка, но вертолеты быстро вышли из пике и удалились в западном направлении. «Имитация бомбометания», — догадался он.

Несмотря на то что оцепление не пропускало толпу на сам мост, где уже изготовились для стрельбы танковые орудия, часть людей оказывалась на проезжей части проспекта, кто-то перебежал на противоположенную сторону. Молодые люди на велосипедах, среди которых была одна девушка, совершенно спокойно обогнули цепь солдат и направились к набережной. Несколько человек, стоящих рядом с Орловым, дождавшись, когда немного стихнет стрельба, перебежали на другую сторону моста. Возможно, им хотелось занять более удобное место для обзора.

Андрей, воспользовавшись моментом, слегка пригибаясь, перебежал на другую сторону. Правда, пригибаться, по существу, не имело никакого смысла, поскольку шальная пуля могла достать где угодно. А уж если кто-то захочет открыть прицельный огонь, то здесь, в районе Новоарбатского моста, все были как на ладони. Задержавшись у

гранитного парапета, он стал в числе многочисленных зевак продвигаться к центральной части моста.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я задавал себе вопрос: что я тут делаю? Я же не могу никак повлиять на ход событий! Находясь в наэлектризованной толпе, преимущественно состоящей из зевак, случайных прохожих и восторженных молокососов, я чувствовал себя совершенно чужим. Я не мог разделить настроения толпы, которая напоминала зрителей на трибуне стадиона, ожидавших начала матча любимых футбольных команд. Более того, у меня вдруг возникло ощущение беспомощности, когда понимаешь, что произойдет что-то страшное, но никак не можешь избежать этого. Наверное, такое чувство фатализма возникало в то время не только у меня...»
(Из воспоминаний А.П. Орлова.)

Сверху хорошо было видно, что сквер слева, перед главным входом в гостиницу «Украина», был совершенно зеленым. Только желтая листва, покрывавшая газоны с пожухлой травой, напоминала о том, что наступил второй месяц осени. Со стороны сквера время от времени появлялись вооруженные люди в униформе непонятного покроя, которые перебежками двигались в сторону набережной. Внизу, также как и на мосту, стояли танки, готовые открыть стрельбу по белоснежному зданию на противоположенной стороне реки.

Фасад Белого дома уже демонстрировал приметы завязавшейся с утра перестрелки. Многие окна были разбиты, в них раскачивались от ветра изуродованные жалюзи и полусорванные занавески. На мраморе отчетливо проступали следы обстрела из автоматического оружия. Из окна на восьмом этаже вырывались клубы черного дыма.

Вдруг раздались оглушительные выстрелы. По верхним этажам «стакана» прошелся крупнокалиберный пулемет, оставляя на фасаде клубящиеся следы черного дыма. Даже с моста было видно, как летели вниз куски и осколки мраморной облицовки. Как раз туда, где по всему периметру Белого дома развевались разноцветные флаги.

— Так им, падлам! — крикнул кто-то из толпы, которая радостно загудела, загомонила, засвистела.

— Дави, гадов! — крикнул какой-то лысый мужик в коричневом плаще. — Кончай коммуняк, мать их!..

Стоящая рядом с ним женщина с интеллигентным лицом вдруг неожиданно громко прокричала:

— Сжечь, сжечь их! Что ж они не стреляют?!

Рядом с Андреем стоял парень в модной синей куртке и молча снимал все происходящее на видеокамеру. Андрей заметил, что у многих в руках были фотоаппараты — от пленочных зеркалок до простых «мыльниц». «Зрители» щелкали затворами, пытаясь запечатлеть для домашнего архива или демонстрации друзьям уникальные кадры расстрела Дома Советов.

— Слышь, клево, да? — Конопатый мальчишка с всклокоченными рыжими волосами повернулся к своему приятелю. — Думаешь, щас раздолбают этот дом?

— А чо, танки зазря приехали. Раздолбают! — ответил ему парнишка со школьным рюкзачком за спиной.

— У, здорово! Как в кино! — Рыжий снова стал щелкать затвором фотоаппарата, чтобы сделать редкие кадры, которыми можно было бы потом похвастаться перед одноклассниками.

ВОСПОМИНАНИЯ: «...На мосту скопилось много людей, и это было как-то противоестественно. Ока-

зывается, близость к цивилизации не избавила нас от диких инстинктов — любопытство пересиливало разум. Скорее бы все кончилось! Неужели и сейчас «командирам» в Белом доме непонятна вся бессмысленность сопротивления, неужели не жаль людей, которые им доверились и оказались обманутыми?» (С.А. Филатов. *Совершенно несекретно. Москва, 2000 год.*)

Вдруг толпа слегка колыхнулась, люди стали перебегать с места на место в сторону Нового Арбата. В ту же сторону пронеслась группа мальчишек, проскакал велосипедист с коробкой, закрепленной на багажнике, держа за руку сына, быстрым шагом прошел мужчина, затем дородная дама с хозяйственной сумкой, полной продуктов... Оказалось, что ОМОН стал оттеснять толпу, освобождая мост. Это означало только одно — еще немного, и начнется обстрел Белого дома из пушек танков, занявших позицию в центре Новоарбатского моста.

Орлову пришлось пробираться через толпу, которая в считанные минуты превратилась в массу разбегающихся в разные стороны людей, причем трудно было понять, куда устремляется эта толпа. Кто-то бежал по направлению к мэрии, хотя откуда-то с верхних этажей звучали выстрелы. Кто-то пытался преодолеть баррикады, остовы сгоревших машин и стоящие впритирку друг к другу поливальные машины и спуститься к набережной по обе стороны моста. А кто-то вопреки здравому смыслу перебежками бросился в сторону Белого дома, вблизи которого усиливалась перестрелка из автоматического оружия. Бэтээры поливали фасад здания пулеметным огнем, солдаты, укрываясь за военной техникой, гранитными парапетами набережной и различными препятствиями, стреляли по окнам. В от-

вет оттуда доносились одиночные выстрелы и автоматные очереди.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...В последний час вся информация, которую мы имеем, это то, что снайперский огонь ведется из зданий, прилегающих к Белому дому и самого Белого дома. Продолжается пожар на пятом сверху этаже здания... Агентство «Интерфакс» сообщает, что снайперы находятся в высотном здании недалеко от метро «Баррикадная» в центре Москвы, а также в здании гостиницы «Украина»... Часть снайперов являются сторонниками парламента... Отряды милиции особого назначения пытаются сейчас мирными средствами разогнать толпу... Более тысячи людей были отогнаны с моста... Сейчас эти люди спускаются на набережную. Это, безусловно, не менее опасная позиция. Мы видим с крыши нашего корпункта этих людей... Трудно представить себе, чтобы любопытствующие зеваки могли подойти так близко к этому опасному месту просто для того, чтобы наблюдать за происходящим. В это трудно поверить...» *(Из комментария журналистки американской компании CNN, ведущей прямой репортаж с места события, канал TV6, 4 октября 1993 года.)*

Это была абсолютно дикая, немислимая картина. Вокруг Белого дома, ставшего осажденной крепостью, войска вели настоящий бой, а между ними слонялись, бегали, стояли сотни людей, которым, наверное, происходящее казалось безобидным спектаклем. Самое поразительное, что среди зевак было немало женщин и девушек, которые буквально фланировали между боевыми порядками войск, нисколько не задумываясь о страшной опасности, которой они себя подвергают. Орлов с ужасом смотрел на все это. Как ни

хотел он убедить себя в обратном, все происходящее было не сном, не игрой фантазии или большого воображения, не результатом минутного помрачения сознания.

ВОСПОМИНАНИЯ: «...Я видел, как со здания сотки палят вниз. Тут за углом торчали милиционеры... И что меня удивило, что стреляют не столько по Белому дому, сколько по ним. То, что баркашовцы ушли из мэрии, я слышал... Кто там мог быть? Те, кто на стороне Ельцина. Но почему они тогда стреляют по милиции? ...Стали стрелять уже по окнам. Я понял, что оказался в идиотском положении. На лестничной клетке. Там буквально залезть даже негде. Я буквально в два прыжка решил доскочить до самой двери, которая вела уже в холл. Вот в этом прыжке меня, как говорится, пуля и достала, разбила челюсть. Я почувствовал кровь во рту, очень много, осколки зубов...» *(Из воспоминаний М. Хрусталева, корреспондента агентства «Постфактум».)*

Когда Андрей выбрался на тротуар Нового Арбата, он увидел, что газоны, вся прилегающая территория и здесь были запружены толпами «зрителей», многие из которых держали в руках фотоаппараты и бинокли. Но были не только праздные «наблюдатели». Среди толпы Андрей увидел крепких парней с палками, цепями и нунчаками в руках. Он еще тогда подумал: «А зачем им цепи и нунчаки?» И тут же страшная догадка промелькнула у него в голове: цепями очень удобно будет бить тех, кого через некоторое время можно будет назвать побежденными! Еще вчера они были властью, а сегодня их можно будет безнаказанно бить и пинать!

Откуда-то со стороны гостиницы «Мир» раздались автоматные очереди. Толпа колыхнулась, кто-то побежал прочь

от Белого дома, но большинство наблюдавших за боем, развернувшимся в центре столицы, даже не шелохнулись. Больше всего Орлова поразила молодая женщина с коляской, из которой доносился плач ребенка. Она слегка покачивала ее, успокаивая плачущего младенца, будто стояла не в эпицентре перестрелки, а где-нибудь на бульваре или у детской площадки во дворе жилого дома. Рядом с ней была девушка, наверное, ее подруга, которая показывала рукой на окна Белого дома и что-то с улыбкой ей говорила. Кто-то рядом завопил: «Врача! Врача!», но женщины даже не повернули головы в сторону кричавшего. Повсюду сновали журналисты с фотоаппаратами и операторы с телевизионными камерами, пытающиеся не упустить исторический момент, запечатлеть его на диктофон или пленку.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Вся территория, прилегающая к Белому дому со стороны Нового Арбата и набережной, практически не контролируется и не охраняется. Любой, кто не боится автоматного огня, мог беспрепятственно проникнуть в Белый дом или покинуть его. По набережной на автомашине можно было спокойно проехать практически до Новоарбатского моста. Отсюда машины «скорой помощи» и Красного Креста эвакуировали раненых и увозили тела погибших...» (*Газета «Московские новости», 10 октября 1993 года.*)

ВОСПОМИНАНИЯ: «Когда мы вышли, видим — на пандусе очень много техники стоит. Музыка играет, сидят военнослужащие, жуют жвачку, хохочут, плюются... И музыка какая-то такая... фривольная. Я глянул налево — меня как током поразило: стоят вроде американцы в военной форме, хохочут, жестикулируют,

что-то рассказывают друг другу... Этого я никогда не забуду...» *(Из воспоминаний народного депутата, члена Верховного Совета И.А. Шашвиашвили.)*

Крыши ближних к мосту домов по обеим сторонам Нового Арбата тоже были усеяны фигурками людей, которые заполняли все пространство вокруг двухъярусных надстроек. Наверное, они полагали, что заняли очень удобное место для наблюдения за штурмом Белого дома, поскольку сверху было видно не только то, что происходит перед его фасадом, но и позади здания, где тоже шел бой.

«Люди, вы что, все сошли с ума? — вертелось в голове Орлова. — Происходит страшная трагедия, подобной которой еще не было в истории нашей страны, а вы, будто на представлении под открытым небом, любуетесь, как одни люди убивают других, наслаждаетесь картиной Апокалипсиса!»

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...Беснующаяся толпа лезла под пули, в зону обстрела, лишь бы почуять желанный запах горячей крови. Такой концентрации алчной похотливости я никогда не ощущал — многотысячная стая трусливо-алчных шакалов окружала добываемого исполина. Часть этой стаи залезла даже на крышу дома напротив, облепила ее трепещущим жадным комком. И визжали. И орали в экстазе! После каждой очереди! После каждого крика с той стороны! Нелюди!...» *(Ю.Д. Петухов. Черный дом. Правда об октябрьском восстании 1993 г. Москва, 2000 год.)*

ВОСПОМИНАНИЯ: «...До сих пор я не могу нормально воспринять... Когда танки вышли на мост... Они не должны были на мост выходить. По первоначальному

плану они должны были с футбольного поля стрелять болванками для того, чтобы дать сигнал с тем, чтобы люди выходили оттуда. Такая идея была... Но меня потрясло, знаете что? Когда был первый выстрел и снаряд попал в окно... кто стоял на мосту, все закричали: Ура!» (Из интервью С.А. Филатова радиостанции «Эхо Москвы», 27 сентября 2013 года.)

Уже находясь на значительном расстоянии от Белого дома, Андрей услышал за своей спиной грохот орудийного выстрела, затем второй, потом третий. Начался обстрел здания из танков, стоящих на середине моста. Трагедия достигла своего апогея. Произошло то, что совершенно не укладывалось в голове, что противоречило здравому смыслу и нормальной человеческой логике.

ДОКУМЕНТ: «...09.00. Пришли танки, расставлены по позициям.

09.25. Командир 2 мсд¹ доложил заместителю МО², взято 20 человек из мэрии с оружием.

09.30. Старший доложил начальнику Генерального штаба о готовности танков.

10.00. Применили танки, стрельба велась по верхним этажам, ниже 4 этажа не стреляли.

10.25. Штурмовая группа ОМОН на 3-м этаже Б.Д.³

10.30. Командир 119 пдп⁴ передал: Руцкой запросил переговоры с Президентом (Ельциным), доложили

¹ мсд (сокр.) — мотострелковая дивизия.

² МО (сокр.) — Министерство обороны.

³ Б.Д. (сокр.) — Белый дом.

⁴ пдп (сокр.) — парашютно-десантный полк.

министру обороны и начальнику Генерального штаба, Президент от переговоров отказался — «Только полная капитуляция».

10.45. Старший приказал прекратить стрельбу.

11.00. Министр обороны при переговоре *(так в тексте. — Авт.)* со старшим сделал упрек, почему прекратили стрельбу? Ответ: «Много зевак, большое количество женщин и детей в Б.Д. Просят их выпустить». Дана команда командиру 119 парашютно-десантного полка принимать всех через 24 подъезд Б.Д...» *(Из Оперативной сводки Министерства обороны России 4 октября 1993 года.)*

ИНФОРМАЦИЯ: «Я Стив Херст из Москвы. Мы продолжаем прямую трансляцию происходящего в столице России. Приближается седьмой час осады Белого дома. В последние два часа здесь не происходило ничего особенного, если не считать время от времени звуков стрельбы из автоматического оружия. Видимо, танкам и бэтээрам пока приказано не стрелять. Десантники находятся внутри здания парламента, захватывая этаж за этажом. Видимо, по этой причине танки и бэтээры не стреляют, опасаясь попасть в своих собственных солдат. В центре столицы демонстранты столкнулись с отрядами милиции особого назначения. Сторонники парламента пытались прорваться в здание...» *(Из комментария журналистки американской компании CNN, ведущей прямой репортаж с места события, канал TV6, 4 октября 1993 года.)*

ВОСПОМИНАНИЯ: «... Часов в десять что-то мощно и оглушительно грохнуло, в доме повывлетали стекла,

и начался страшный сквозняк. Из окон, выходящих на набережную, были видны стоящие на мосту танки — их стволы дымились. Это очень страшно, когда в тебя стреляют танки. Снаряды разрывались, кажется, где-то наверху — в башне, но от разрывов гудел весь дом. Потом в коридоре шестого этажа — возле пресс-центра — раздался раскатистый грохот, несколько взрывов последовали один за другим: похоже, это была очередь из мелкокалиберной скорострельной пушки БМП-2¹. Взрывами пробило магистральную трубу; хлынувшая вода залила холл...» *(Из отчета корреспондентки газеты «Коммерсант» В. Куцило. Коммерсант, 1 декабря 2009 года.)*

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «...До сих пор не могу понять, как можно стрелять пушками на парламент в середине города, который является одной из главных столиц Мира, когда нет войны... Стреляют на людей, которые еще десять дней до этого были депутатами...» *(Из интервью шефа агентства «Франс Пресс» в Москве Паолы Мессана телеканалу «Россия», 1993 год.)*

ВОСПОМИНАНИЯ: «...Я считаю, что Борис Ельцин своим тяжелым и жестким решением, которое было принято в ночь с третьего на четвертое октября, остановил развитие ситуации, которая вела к гражданской войне... Если бы произошла эта гражданская война, а Ельцин... не стал бы применять оружие против взбунтовавшейся толпы, то гражданская война обязательно бы случилась в колоссальных масштабах. Потому что во

¹ БМП (сокр.) — боевая машина пехоты.

всех регионах это противостояние дублировалось...» (Из рассказа бывшего заместителя председателя Госкомимущества А.Р. Коха в телевизионной программе канала НТВ «Свобода слова», октябрь 2003 года.)

Происходившее в центре Москвы в те октябрьские дни производило ужасающее, гнетущее впечатление на Орлова. Но его усугубляло еще одно обстоятельство — все, что происходило в районе Белого дома, как в фильме-катастрофе или фильме ужасов, детально демонстрировала на весь мир американская компания Си-эн-эн. Ее корреспонденты вели прямой репортаж с места события, установив телевизионные камеры на крыше одного из домов на Кутузовском проспекте. Не упуская ни малейшей подробности, смакуя каждую деталь, американские журналисты рассматривали российскую трагедию, как копошащихся муравьев в разоренном муравейнике или каких-нибудь микробов, пожирающих друг друга.

С точки зрения журналиста, это, наверное, было очень интересно — непосредственно с места события показывать всему миру, как в Москве две ветви власти и их сторонники схлестнулись в смертельной схватке. Репортаж велся на фоне горящего Белого дома и закопченного фасада мэрии. Иногда с улыбкой, но чаще с недоумением, эти мастера «живого видео», захлебываясь, рассказывали, кто откуда стреляет, какова эффективность попадания снарядов в цель, сколько убитых и раненых может быть вокруг Дома Советов и внутри него. И под этим всем надпись: «Прямая трансляция» и значок Си-эн-эн.

При этом си-эн-эновская братия ничуть не заботилась о достоверности освещаемых событий, а гнусавый голос переводчика придавал комментариям какой-то издевательский, почти садистский, характер. Пережитое тогда чувство позора

и унижения еще долго сопровождало Орлова, даже тогда, когда события октября 1993 года превратились в малозначительный для большинства граждан России факт истории.

ИНФОРМАЦИЯ: «Белый дом горит... Несколько последних часов штурмовые бригады Воздушно-десантных войск отбивали этаж за этажом у тех, кто оборонял Руцкого и Хасбулатова... На заднем плане вы видите горящий Белый дом, справа — здание московской мэрии, которая прошлой ночью была захвачена сторонниками Руцкого и Хасбулатова и сожжена. Слева — здание гостиницы «Россия». Предположительно на крыше этого здания и на крыше здания Международного торгового центра находились снайперы правительственных войск, которые держали под перекрестным огнем мятежников...» *(Из комментария журналиста американской компании CNN, ведущего прямой репортаж с места события, канал TV6, 4 октября 1993 года.)*

Горящий Дом Советов и гнусавый голос диктора Си-эн-эн Орлов каждый раз вспоминал, проезжая на «Волге» через Новоарбатский мост и поворачивая сначала на Конюшковскую, а затем уже на Рочдельскую улицу, где были въездные ворота непосредственно на территорию Белого дома.

27 октября 1993 года, среда, утро.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов

Как и договаривались, все были на месте ровно в десять. В Белом доме уже всюю шла работа — на этажах стоял шум от бетономешалок, дрелей и шлифовальных машин, грохот от падающих вниз кирпичей, кусков штукатурки,

осколков стекла и мусора, сбрасываемых по пластиковым трубам, наведенным вдоль стен здания. Повсеместно работали дизель-генераторы, насосы и тепловые пушки. Ремонтно-восстановительные работы превращались в гигантскую стройку, призванную придать зданию прежний лоск и великолепие.

Несмотря на бессонную ночь, сотрудники опергруппы выглядели довольно сносно. Во всяком случае, они уже не казались изможденными и подавленными, как это было несколько часов назад. Все были аккуратно выбриты, кто-то сменил рубашку, кто-то переделся в старенькие джинсы и темную куртку.

Накоротке собрались в «штабном» кабинете № 447, разобрали рации и аккумуляторные фонари. Впрочем, нужды в последних было немного, потому что работать приходилось уже днем, да и подзарядить их было негде.

— Андрей Петрович, вас тут спрашивает кто-то! — Уже вышедший в коридор сотрудник опергруппы заглянул в приоткрытую дверь и указал на стоящего рядом парня в комбинезоне.

Орлов сразу его узнал. Это был сотрудник Управления контрразведки, который участвовал вместе с ним в служебном совещании на Лубянке. Тогда они обсуждали, какие упреждающие меры надо предпринять, чтобы не дать турецким спецслужбам активизировать свою работу под прикрытием компании, занимающейся ремонтно-восстановительными работами в Белом доме.

— Привет! — Орлов пожал коллеге руку. — Какими судьбами? — Он пытался вспомнить, как его зовут, но не смог.

— Андрей Петрович, давайте зайдем в кабинет, — лицо парня было каким-то задумчивым, если не сказать загадочным.

Андрей вернулся в кабинет, сел за стол. Парень — напротив.

— Андрей Петрович, мы знаем, где находится сейф.

— Где?

— В каптерке у турок.

— В каптерке? Это где?

— На пятом этаже, в зоне «Г-2».

— Так мы ж там проверяли! — воскликнул Орлов. — Этой ночью прошерстили там все!

— Видно, не все!

— Давай проверим по плану. — Орлов достал поэтажный план Белого дома, нашел указанное место. — Смотри-ка, действительно, три кабинета мы не смотрели. Вроде ключей не было или вход загроможден какими-то ящиками! А точно?

— Абсолютно! Надо торопиться. Источник говорит, что сегодня они попытаются вскрыть сейф. Он не знает, каким образом они собираются сделать это, но...

— Как здесь? Ключей у них нет, вскрыть его без специальных инструментов нельзя. Это же старый засыпной сейф! Толщина стенок не менее десяти сантиметров!

— Я не знаю. Но надо торопиться.

— Как предлагаешь действовать? — уже задумываясь о способе решения задачи, спросил Орлов.

— Если вы сразу туда войдете, сожжете нашего агента. Надо, чтобы случайно...

— Случайно... Как это?

— Ну, например, как-то выманить их оттуда, чтобы вы вошли...

— Выманить? — Орлов задумался. — А что, если срочно снять пару бригад, которые работают в этих помещениях на другой объект?

— Вы сами решайте как. Но тянуть нельзя.

— Хорошо, сейчас придумаем что-нибудь.

* * *

Когда Орлов с группой сотрудников подходили к кабинетам в зоне «Г-2», стало понятно: что-то произошло. Турецкие рабочие, до сих пор усердно занимающиеся ремонтными работами в кабинетах, сплошной толпой двигались в сторону центральной части здания. Они шли, переговариваясь друг с другом, многие держали в руках строительный инвентарь — лопаты, скребки, ломы-гвоздодеры, пилы, щетки, малярные кисти, деревянные ящики с инструментами. Было понятно, что они по чьему-то приказу прекратили работу и направились к месту сбора. У лестниц стояли солдаты, которые предупреждали возможность иностранцам отклониться от обозначенного для них курса.

Навстречу попадались и наши рабочие. Они, также как и турки, неторопливо шли в одном с ними направлении — в сторону, где размещался зал официальных мероприятий, окна которого выходили на парк.

— Куда это их? — спросил Орлов у первого же попавшегося русского рабочего.

— Да, начальство приказало срочно собраться, какое-то объявление будут делать, что ли...

— Понятно, — ответил Орлов, а про себя подумал: «Быстро сработали. Молодцы!»

Когда опергруппа Орлова оказалась у самых дверей заветных кабинетов, к ней присоединились следователи Генеральной прокуратуры.

Дверь в один кабинет была открыта, но даже самый беглый осмотр показал, что в помещении ничего, кроме инструментов, утеплителей, пакетов с сухой штукатуркой и банок со шпаклевочной смесью, нет. Двери двух других кабинетов были закрыты, что, разумеется, не могло сдерживать Орлова и его команду. Два сильных удара, ловкий

нажим лома-гвоздодера, и дверь открыта. За время работы в Белом доме они не раз прибегали к такому способу «открывания дверей», естественно, когда не удавалось найти ключи от кабинетов.

Оба кабинета были превращены в бытовки для рабочих. Вдоль стен стояли платяные шкафы с оторванными дверками, увешанные куртками, штанами, телогрейками, комбинезонами. В больших картонных коробках лежали кипы полотенец, перевязанных веревками, комплекты спецовок, фартуков и халатов. Обувь стояла совершенно отдельно от всего — в книжном шкафу со стеклянными створками у самой двери кабинета. Места на полу, конечно, было недостаточно. Поэтому турецким рабочим приходилось довольствоваться нетрадиционным для них способом размещения ботинок, кроссовок и другой обуви. Письменные столы в кабинетах были заставлены большими бутылками с питьевой водой.

Юра Спирин, увидев громадные фанерные щиты, прислоненные к боковой стене одного из кабинетов, заулыбался и громко сказал:

— Вот здесь он, родимый!

Все поняли, о чем он. Действительно, в стене кабинета была заметна достаточно глубокая ниша, относящаяся, по-видимому, к каким-то технологическим особенностям помещения. Тяжеленные фанерные щиты, приготовленные для того, чтобы закрыть ими окна, полностью перекрывали нишу, образуя как бы искусственную преграду, затрудняющую доступ к ней.

Оперативники быстро убрали фанеру, освободив стену и полностью открыв нишу. Как все и ожидали, в ней стоял мощный сейф. Целехонький. Не взломанный и ничем не поврежденный, только покрытый толстым слоем пыли с заметными отпечатками рук тех, кто притащил его сюда.

Орлов подошел к сейфу, несмотря на покрывающую его пыль и грязь, положил руку на холодную поверхность металла, слегка погладил ее.

— Доволен, Петрович? — Юра заметил этот жест.

— А ты? — устало спросил Андрей.

— Я доволен! Я был уверен, что найдем.

— А я нет! — Орлов потер ладонью виски. — Слава Богу, что нашли и что они не успели его вскрыть.

Вытащить сейф сначала из ниши, а затем из кабинета, перенести его в «штабную» комнату сделать было уже нетрудно. Бывшие наготове грузчики, расположившиеся неподалеку, погрузили сейф на тележку и оттранспортировали его в зону «В-2». Дальнейшую работу выполняли уже специалисты одного из подразделений министерства безопасности. Они долго марковали над сейфовыми замками с помощью хитроумных инструментов, прикладывали к дверке какие-то коробочки с проводами, постукивали пассатижами вокруг замочных скважин и, наконец, открыли сейф.

К этому времени Орлов отпустил сотрудников опергруппы по домам. Правда, к его удивлению, ушел только один, сославшись на сильную головную боль. Остальные остались работать по еще вчера согласованному плану. В кабинете после ухода «медвежатников», как их сразу окрестили Спирин и Жуков, остался только Андрей с обоими Юрами да двое сотрудников Генеральной прокуратуры.

Следователи довольно быстро перебрали папки и отдельные бумаги, сосредоточенные преимущественно на верхней полке сейфа, и, разочарованные, ушли к себе.

— Для нас тут ничего нет! — сказал один из них напоследок.

— «А для нас есть», — отметил про себя Орлов.

Они довольно долго рассматривали каждый документ, листая каждую папку, перебирая стопку машинописных листов. Практически на всех бумагах стояли строгие грифы, различные ограничительные пометки типа «Подлежит возврату» или «Только лично». Чего здесь только не было! Материалы к заседаниям Совета Безопасности и протоколы конфиденциальных совещаний с участием высших должностных лиц государства, записки из спецслужб о проблемах борьбы с коррупцией и контрабандой, совершенствовании оперативно-служебной деятельности. В одной из папок были сосредоточены материалы, поступившие из министерства иностранных дел, в которых освещались внешнеполитические установки страны, а из министерства внешнеэкономических связей — о военно-техническом сотрудничестве с разными государствами. Там были обстоятельные доклады Генштаба, донесения командующих родами войск, и даже шифровки из разведки.

— Да, я ожидал что-то такое, но... — Орлов даже замялся, — не предполагал, что столько важнейшей информации окажется бесхозной!

— Представляешь, если бы все это попало в руки наших американских «друзей»? Не слабо, да? Не надо никого вербовать, не надо засылать разведчиков... Надо просто знать, где лежит, и вовремя подсуежится! — Чувствовалось, что Юра Спирин, всегда довольно скептически настроенный ко всякого рода допущениям, был взволнован. Впрочем, и другой Юра — Жуков, тоже был несколько обескуражен:

— Ты понимаешь, Андрей, что мы вытащили из-под самого носа турок?

— Турок?

— Ладно, пускай только турок. То, что они работают вместе с американцами, ни для кого не секрет. Для нас

тоже. Захватив этот сейф, они получили бы такой объем информации, что никакому разведчику не приснится! Да, игра стоила свеч! Не зря горбатились!

— Не зря! — согласился Орлов.

— Теперь докладывай Филатову и Голушко, мол, ваше задание выполнено.

— Доложу, но работы-то пока еще целый воз. Весь «стакан» впереди! А это этажей десять, наверное! Да, еще подвалы, технические этажи, крыша!

— Да, Петрович, ты часы еще забыл!

— Какие часы?

— Ну, как «какие»? Часы на башенке, на самом верху!

Орлов с удивлением посмотрел на Спирина, уже догадываясь, что тот шутит.

— Ладно, Юра, и часы посмотрим, когда дойдем до самого верха.

27 октября 1993 года, среда, день.

Москва. Район Смоленской площади.

Старинный особняк

— Я предупреждал тебя, Ричи! Ты слишком самоуверенный!

— Но, господин Харрис, я...

— Что «я»? Что? Как говорят русские: «Буква «я» — последняя буква в алфавите». Ты, Харрис, просто зарвался. Я предупреждал тебя! Именно здесь, в этом кабинете! Что ты мне тогда сказал? «Русские находятся в прострации», «Чекисты ждут, что им дадут пинок под зад». Ты говорил это?

Молодой человек в свитере сидел, понутив голову. Всегда такой самоуверенный и высокомерно-ироничный, теперь он выглядел подавленным. Было видно, что ему

нечего ответить на все упреки своего старшего коллеги. Однако он нашел в себе силы выдавить:

— Но никто не предполагал, что русские так быстро найдут «ящик». Мои ребята все сделали отлично...

— Отлично?

— Да. Нам удалось незаметно перетащить объект в другой конец дома и надежно спрятать там. Еще пара часов, и наш специалист вскрыл бы его... Но эти турки! Они, как бараны, поперлись, куда их позвали. Причем все до одного! Хотя должны были охранять объект! Ясно, что все это подстроили русские!

— Ты лучше подумай, Ричи, кто у тебя мог продать русским информацию о местонахождении объекта! Если бы русские не имели точных сведений, они не смогли бы так быстро обнаружить его! Ты это понимаешь?

— Понимаю, но...

— Ищи, Ричи! Ищи!

— Что вы мне, как собаке: «Ищи»?

— А теперь тебе ничего другого не остается. Задание ты провалил! Упустил отличные возможности, да еще приобрел среди своих людей двойного агента. А, может быть, кадрового разведчика?

Ричи исподлобья посмотрел на Харриса. Он уловил издевку в голосе коллеги, отчего ему стало еще тяжелее. Ричи понимал, что начальники в Лэнгли его по голове не поглядят. На совместную с МИТ операцию «Кюль» возлагались большие надежды. Харрис, словно прочитав мысли Ричи, сказал:

— Шеф будет очень недоволен! Ты это осознаешь?

— Да.

— Ладно, Ричи, подумай, что еще можно сделать.

Молодой человек поднял глаза на собеседника. В его глазах блеснул огонек надежды. Действительно, может еще не все потеряно?

— А что сделать?

— Ты сам говорил мне, что у ящика сложные замки. Открыть их быстро не получится. Сколько времени прошло с момента, когда русские забрали объект?

Ричи взглянул на часы, которые он носил циферблатом на тыльной стороне руки.

— Не больше трех часов. Но за это время они могли...

— Могли, не могли, — передразнил Харрис. — Надо попытаться. Иначе, ты знаешь — твоей карьере конец!

Как утопающий хватается за соломинку, так и Ричи ухватился за поиск вариантов собственного спасения. Перебрав все возможности, Харрис и Ричи сошлись в одном: надо попытаться хотя бы на пару часов снова завладеть сейфом, вскрыть его с помощью специалиста, который уже находился в Белом доме в составе одной из бригад фирмы «Венка». При этом оставалось рассчитывать лишь на нерасторопность противника.

— Я думаю, хотя русские и захватили объект, они теперь не будут торопиться. Они вообще все делают не спеша. Ленивые очень. Не то что немцы! — Харрис засмеялся. Он знал, что предками Ричи по отцовской линии как раз были выходцы из Германии, чем тот гордился, хотя предпочитал не упоминать об этом.

— Господин Харрис, я попытаюсь через моих людей установить точное местонахождение объекта. Хотя я уверен, что он в кабинете, где разместилась опергруппа сотрудников министерства безопасности.

— В зоне «В-2»?

— Да, кабинет № 447.

— Ты говорил, что он вроде даже не охраняется.

— Нет.

— Как это похоже на русских! Сосредоточили в помещении громадные ценности, а охранять их не удосужи-

лись. Беспечны, как... — Харрис не нашел, чем закончить фразу.

— ...как тюлени! — нашелся Ричи.

— Не скажи, Ричи. Ты лучше меня знаешь, что тюленями называют морских спецназовцев. Наверное, не случайно? Ты уже один раз недооценил русских. Не сделай такой ошибки еще раз. Ну так что ты предлагаешь?

— Первое — надо убедиться, что объект в кабинете № 447. Второе — дожждаться вечера, когда чекисты уйдут из кабинета. Третье... — Ричи вытянул вперед обе руки, сделал ладонями захватывающее движение и прижал их к груди. Согласен?

— Ну, уж, нет! Это твое собственное решение. Я тебе здесь советовать ничего не хочу. Сам облажался, сам и реабилитируйся! В этом я тебе не помощник. Могу только одно обещать: если все выгорит, буду молчать о предыдущем провале. А если нет, то не обессудь! Сам знаешь, нас замучают объяснительными и докладными записками. Ты бы поступил по отношению ко мне так же. Правда, ведь?

Ричи ничего не ответил.

27 октября 1993 года, среда, утро.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов

Разобрав документы и бегло просмотрев каждый из них, Жуков и Спирин упаковали их в большой бумажный пакет, перевязали веревкой и убрали в шкаф.

— Надо бы отвезти на Лубянку! — Не то спрашивая, не то размышляя, сказал Орлов. — А то здесь как-то неспокойно. Такие документы!

— Петрович, сейчас увезем. Какой разговор! Мы с Юркой и съездим на твоей машине. Сейчас покурим и поедем.

— Захватите тогда те две коробки. — Орлов указал на еще вчера упакованные материалы. — Там хоть и не очень уж важные бумаги, но все равно.

— Конечно, прихватим. А ты, Петрович, поезжай к Филатову, доложи, что нашли. Пусть премию выписывает!

— Да, жди больше!

— А что, если бы эти бумаги попали к американцам! Ущерб, знаешь какой! Уж нам-то известно! Защитой гостайны занимаемся не первый год! Так что пусть готовит благодарность от президента!

— Нет, лучше пусть денежную премию! — возразил Жуков.

— Нет, Петрович, пусть сделает благодарность от президента с приложением денежной премии!

— Ладно, давайте собираться.

Через четверть часа Орлов, Жуков и Спирич, неся в обших руках пакеты и коробки, спустились к восьмому подъезду, и пошли к «Волге», припаркованной напротив. Растолкав спящего водителя, они загрузили «багаж» и отправились к выездным воротам. Мандат, подписанный Филатовым и Баскаевым, давал им право выезжать с охраняемой территории Белого дома без досмотра.

— Забросьте меня на Старую площадь, а сами поезжайте на Лубянку. Голушко я доложу. Встречаемся в Белом доме полпервого.

В душе у Андрея все ликовало: «Успели! Смогли! Переиграли их! Такое дело сделали для безопасности страны! Какие же мы молодцы!»

27 октября 1993 года, среда, день.

Москва. Старая площадь.

Администрация Президента.

6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет № 763

— Сергей Александрович пока занят. Как он освободится, я доложу ваш звонок, — ответила секретарь Филатова. Орлов положил трубку, не решаясь позвонить по прямой связи, поскольку это была исключительно прерогатива вышестоящего начальника, а не его подчиненного.

Андрей набрал телефон министра безопасности. Приемная тут же соединила его с Голушко.

— Ну, что там у тебя, Андрей? — голос у Николая Михайловича был такой-же усталый, как и в прошлый раз.

— Николай Михайлович, мы нашли!

— Что?

— Документы, которые были похищены вместе с сейфом. Я вам докладывал вчера.

— Нашли? Хорошо. Что там?

— Большинство с «двумя буквами». Есть даже наши документы. Пока еще бегло посмотрели. Надо будет внимательно разобрать. Мы доставили сейчас их к нам, на Лубянку...

— А к нам-то зачем? Надо отдать туда... в Администрацию. Пусть там и разбираются. У тебя еще что-то? — Голушко давал понять, что занят и продолжать дальше разговор не намерен.

— Нет, — Орлов был несколько обескуражен тем безразличием, с которым Николай Михайлович отнесся к сообщению Орлова об обнаруженных документах особой важности.

Еще больше его удивила реакция Филатова, с которым Орлова соединили минут через двадцать. Сергей Алек-

сандрович не проявил особого интереса к обнаруженным документам. Однако при этом спросил:

— Там ничего не было такого... план переворота или еще что-нибудь против президента и исполнительной власти?

— Нет, Сергей Александрович, следователи все просмотрели на эту тему, но ничего не нашли.

— А список?

— Какой список?

— Расстрельный! Список ста девяноста лиц, подлежащих немедленному уничтожению. Нам известно, что такой список был составлен в Белом доме. И они готовились в случае победы...

— Сергей Александрович, ничего подобного я не видел.

— Да? Ну, ладно. Все?

— Все. Я хотел еще доложить вам... — начал, было, Орлов. Но Филатов прервал его:

— Потом, потом. Сейчас я очень занят, — сказал он и положил трубку.

Орлов долго сидел, уставившись в одну точку. Ощущение эйфории, охватившее его еще в Белом доме, когда он понял, что им удалось сохранить и буквально в самый последний момент вырвать из лап противника, прошло. Переговорив с Голушко и Филатовым, он как-то трезвее посмотрел на произошедшее: «Ну, обнаружили важные документы. Ну, не дали их увезти за границу. Ну и что? Очень важные? Это как посмотреть!»

Действительно, события 3—4 октября заставили переоценить казавшиеся незыблемыми ценности. Правда, за два года до этого с пьедестала были сброшены еще более основательные ценности, которые казались незыблемыми для нескольких поколений. Видно, России на роду написано время от времени сбрасывать с пьедесталов своих кумиров

и отказываться от веры то в одно, то в другое, то в третье. Какую роль при этом могут играть какие-то бумажки, хранящие ценность девальвированных предшественников?

27 октября 1993 года, среда, день.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов

Уже на подъезде к Белому дому Орлов почувствовал какое-то смутное беспокойство. Не то, чтобы он испытывал какие-то опасения или угрозу. Просто беспричинное беспокойство.

Как всегда, Андрей прошел мимо поста охраны на входе в цоколь восьмого подъезда. Солдат повертел удостоверение, как всегда, сличил фотографию с оригиналом, с безразличием прочитал «мандат» и пропустил Орлова в холл. Здесь, как и в других подъездах, почти все пространство было заставлено громадными оконными рамами, обтянутыми полиэтиленом и скрепленными деревянными связками. Повсюду лежали целые горы бумажных мешков с цементом, канистры, банки с краской и многое еще из того, что требуется для ремонта такого большого здания.

Оказавшись в коридоре на своем этаже, Орлов понял, что негативные предчувствия не обманули его. Дверь в кабинет была распахнута настежь, внутри находились несколько членов опергруппы, в том числе Жуков. Створки шкафов были распахнуты, сложенные у окна журналы с грифом «Для служебного пользования» были разбросаны по всему полу, обе створки сейфа, в котором у Орлова лежали списки сотрудников опергруппы, графики дежурства и позывные радиостанций, а также описи обнаруженных документов, были взломаны. Разбросанными оказались также противогазные сумки, сложенные кем-то в углу кабинета.

— Что здесь произошло?

— Петрович, сами не знаем! Я приехал сюда с Лубянки, а тут ребята стоят... — Жуков кивнул на других сотрудников опергруппы. — Пусть сами расскажут!

— Когда мы с Денисом подошли сюда... Это было часа в два... Мы работали в зоне «А», нашли там кое-что. — Он показал глазами на пакет с бумагами. — Смотрим, а дверь приоткрыта. Думали, это вы уже приехали. Заходим, а тут полный разгром. Кто-то, видно, открыл дверь и что-то искал...

Орлов многозначительно посмотрел на Жукова:

— Мы же все вывезли?

Юра кивнул.

— Из засыпного сейфа все выгребли?

— Да, еще утром. Вместе же смотрели!

Злополучный сейф стоял в углу кабинета на том самом месте, куда его водрузили после успешной операции изъятия его из каптерки турецких рабочих. Поскольку дверь сейфа не закрывалась, злоумышленники легко могли убедиться, что он пуст.

— Получается, что они решились совершить налет на наш кабинет?

— Видно, для них это был последний шанс вернуть себе сейф! — подал голос Жуков. — Убедились, что никого нет, подобрали ключи. И открыли кабинет.

— Вот! Мы же просили дать охрану! Но не дали же! Глупость какая-то! Собираем по всему Белому дому ценнейшие документы, складываем их в кабинете, а кабинет этот никак не охраняется! Ну, не идиотство?! — Орлов возмущенно окинул взглядом всех, кто был в кабинете. Обращаясь к тем, кто первыми оказались здесь, спросил:

— А вы никого не заметили здесь или поблизости?

Те только покачали головой.

— И ничего не пропало?

— Это вам надо посмотреть, Андрей Петрович. Если только из вашего сейфа что-то пропало. Остальное все мы увезли. Слава Богу, вовремя!

Орлов внимательно перебрал бумаги, хранившиеся в сейфе. Графики дежурств, поэтажный план здания, перечень позывных радиостанций и различные телефонные справочники были на месте. Правда, было заметно, что все бумаги в сейфе кто-то основательно переворошил, видно, разыскивая важные документы. Откуда было знать злоумышленникам, что все документы были вывезены за несколько часов до их налета на кабинет № 447.

— Ничего себе! Что тут у вас за погром?! — на пороге появился Юра Спирын. — Вас нельзя оставить ни на минуту! Обязательно что-нибудь произойдет! Разбойный налет, да?

— Не до шуток, Юра! — Резко среагировал Андрей.

— Что-то сперли? Но у нас же здесь ничего нет! Мы все отвезли, как знали!

— Но они об этом не знали!

— Петрович, что пропало?

— Кое-что они все-таки забрали! — сказал Орлов, разложив на столе содержимое сейфа. — Нет списка сотрудников нашей опергруппы, а также описи документов, которые мы нашли в первые два дня. Ущерб небольшой, но... Наши фамилии и служебные телефоны... Это не очень здорово! Опись? Да черт с ней! Там ничего существенного нет. Как же правильно мы сделали, что все вывезли на Лубянку. Я как чувствовал, что что-то должно произойти!

— Да, брось, Петрович, сокрушаться! Списки опергруппы им ничего не дадут. Ну введут в базу данных ЦРУ!¹

¹ ЦРУ (сокр.) — Центральное разведывательное управление США.

Мы там, возможно, и так есть! Не бойсь! — подал голос Спирин.

— А почему они не взяли поэтажный план? Достаточно информативный документ!

— Да на фига им этот поэтажный план, если они ходят по всему дому? У них наверняка есть такие схемы, которые нам и не снились!

— Может быть, они сфотографировали его?

— Думаю, что у них на это не было времени. Они рассчитывали на молниеносный налет, пока тут никого нет. Забрали документы и исчезли. Так действуют командос! Их почерк!

— Надо доложить министру. Пусть даст команду установить у нас охрану. Так же нельзя!

Члены опергруппы еще некоторое время пообсуждали произошедшее событие, затем разошлись по своим участкам. Поиск документов в гигантском здании был продолжен.

28 октября 1993 года, четверг, вечер.

Москва. Рублево-Успенское шоссе. Частный дом

— Вы — полные уроды! Вам ничего нельзя доверить! Вы провалите любое дело! Еханный бабай, если бы вы были членами СА¹ в Германии, Гитлер приказал бы вас пустить в расход! — Григорий был вне себя от ярости. Он уже второй час распекал пятерых молодых людей, одетых все, как один, в черные рубашки и легкие куртки: — Вы — слюнтяи, вы недостойны быть членами нашей босвой организации! Просрать такие бабки!

Вся пятерка сидела, опустив головы. Лишь один из парней с массивным перстнем-печаткой на указательном

¹ СА (сокр.) — штурмовые отряды в гитлеровской Германии.

пальце руки время от времени пытался что-то вставить в непрекращающиеся тирады Григория.

— Гриша, но мы же не знали... — подал голос парень с перстнем.

— Не зна-а-ли! — передразнил его Григорий. — А что вы вообще знали? Что, пока вы все выясняли, гэбэшники очистили сейф! Что они накрыли наш «почтовый ящик» и выволокли все к себе? Что наш человек теперь под подозрением у чекистов! Его в любой момент скрутят!

Сидевший особняком Борис, высокий седовласый мужчина простецкого вида, не ввязывался в разговор, а только изредка бросал взгляд на Григория.

— Ну, скажи, Боря, какого хрена мы им платим? При чем заметить, очень большие бабки! Горбатиться за такие, знаешь сколько надо?

Человек, которого Григорий назвал Борисом, кивнул в знак согласия.

— Но, Григорий, мы сделали все, что могли! И заметить, третьего октября мы рисковали жизнью! Особенно «Зиг» и «Вальтер», — он кивнул на сидевших рядом с ним молодых людей. — Они ведь в ментовской форме были, ты знаешь! Их запросто могли замочить!

— Но не замочили ведь!

— Потому, что они действовали решительно и накололи всех! С нас все и началось! Я же докладывал тебе, Гриша!

— Докладывал.

— Если бы «Зиг» с «Вальтером» не грохнули тех ментов из Софринской бригады, ничего бы и не было. Ведь в Кремле сдрейфили и стали отводить своих от мэрии. Ну, чтобы не было столкновения с демонстрантами... А когда мы замочили этих, то менты сами стали шмалять по толпе. Вот тогда все и началось!

— Ладно, это я знаю. Там вы сработали ништяк! И за это получили кое-что. Но потом...

— Как получили? Эти копейки? Стоило жизнью рисковать!

— Я говорю, что вы расслабились... Где неделю гудели? В «Славянском»?

— Нет, в «России».

— Вот я и говорю, еханий бабай, вместо того чтобы...

— Гриша, нам надо было прочухаться после этого. Мы были на пределе! Когда я поднялся на пятнадцатый этаж, то обалдел! Мы не думали, что они пригонят танки и начнут стрелять по Белому дому!

— А чего вам думать? Вам самим стрелять надо было!

— Мы и стреляли! Только когда начался пожар, нашу группу отрезало от нижних этажей. Мы с «Вальтером», «Зигом» и «Берией» прорвались вниз по пожарной лестнице, а «Бисмарк» и «Махно» остались там...

— Не только они... «Бригадфюрер» наш погиб, лейтенант из Калуги... Настоящие бойцы движения! Они погибли за «русскую идею»...

— Я говорю о тех, кто из нашей группы...

— Хорошо, там вы сработали! А потом? У вас было несколько дней, пока там был бардак. Как вы его использовали? Шарили по столам и сейфам? А это на языке военного времени знаете, как называется?

— Как?

— Мародерство!

— Но не мы одни, Гриша. Думаешь, солдаты и менты там не поживились? Еще как! Потом после взятия всегда дают город на разграбление!

— Я говорю, что вы практически завалили дело, за которое нам обещали большие бабки!

— За бумаги эти?

— Бумаги! За эти бумаги наши друзья отвалили бы громадные деньги! А вы сопли жевали вместо того, чтобы работать! — В голосе Григория снова появились нотки раздражения. — Даже «почтовый ящик» провалили! А почему?

— Мы...

— А потому, что телились как беременные коровы! Как можно было упустить этот сейф, когда он уже был практически в наших руках!

— Ты думаешь, Гриша, с турками было легко? Они же ничего не понимают! Бухтят что-то! А их бригадир, зовут его Гюрхан, сука такая! От него ничего добиться нельзя. А ты говорил, что он будет помогать...

— А почему с кабинетом-то канителились?

— Ну, мы выждали, когда там никого не будет... А рядом с ними сидит Генпрокуратура! Мы боялись, что они нас заметят. И потом, Гриша, мы же не знали, что чекисты так быстро вскрыют этот сейф!

— Боялись! Я заплатил большие деньги, чтобы вас включили в бригаду отделочников, а вы, как бараны, шатались по дому, вместо того чтобы решать поставленную задачу!

— Гриша, я тебе говорил, что нам не надо поручать искать эти бумажки. Мы — боевики, нам воевать надо! С жидомасонами, с большевиками, с наркоманами и гомиками... Мы — боевой отряд, а не...

— Ладно, идите! На окружном совещании еще дадим оценку вашей работе. Даю вам три дня отдыха. Тридцать первого прибыть в наш военно-полевой лагерь! Будет работа! Коммуняк еще пощипаем. Скоро же седьмое ноября! Надо добить их, чтобы больше головы не могли поднять. Эта работа как раз для вас! Ясно?

— Гриша, это то, что нужно! А бумажки собирать нас больше не заставляй. Мы же боевики! — снова воскликнул парень по кличке «Зиг».

— А за бумажки эти, если бы вы не облажались, нам заплатили бы три миллиона баксов! — В голосе Григория чувствовалось явное сожаление.

— Да? Ничего себе! Что ж ты нам сразу не сказал?!

— А вы тогда бы достали эти документы?

— Не знаю. Может быть, придумали что-нибудь.

— Вот на совещании об этом и поговорим! — с угрозой пообещал Григорий. — Все, идите! Три дня отдыха и как штык! Ясно?

— Так точно! — Все встали и, сделав характерный жест вытянутой рукой, вышли из комнаты.

Борис в течение всего разговора не проронил ни слова. Каждый раз, когда Григорий бросал на него взгляд, он кивал или кривил губы.

— Вот, видишь, Боря, с таким сбродом разве можно сделать тонкую работу! Им только дай пострелять да попинать евреев и всяких там чурок! Но где я возьму других, у которые кроме кулаков будут еще и мозги?

— Гриша, нам твоих мозгов хватает! — усмехнулся Борис.

Григорий, принимая комплимент как должное, тем не менее возразил:

— Боря, пойми, наступает наше время! Сейчас самый удобный момент. Знаешь, какая будет везде чистка! Разгонят всех, кто был связан с этими депутатами, еханный бабай, всяких коммуняк... Наши люди должны не спасательные станции или железнодорожные депо охранять, а идти работать во власть! Мы тогда сможем ворочать такими делами! — Григорий потряс рукой над головой, видимо,

демонстрируя масштаб «дел», которыми могли бы заняться его люди. — Но для этого нужны не эти уроды, которые умеют только кулаками махать. Нам нужна молодежь с коммерческим опытом. Которые уже покрутились, поняли, что к чему, и умеют делать бабки.

— Гриша, бери моих ребят. Они за последний год столько бабок наварили! Головастые! Знаешь, что придумали? Создали фирму, которая направляет на работу в Америку. Напечатали в типографии специальную анкету, чтобы эти лохи не поняли сразу, что к чему... Тысяч тридцать, наверное. Ну, и стали продавать их через киоски «Союзпечати» или в ящики бросали, через конторы всякие распространяли. В общем, столько было желающих! Ты не представляешь! Все хотят в эту гребаную Америку усхать и вернуться оттуда с деньгами...

— И им поверили?

— Конечно, Гриша! Народ у нас доверчивый, особенно если что-то получить на халяву.

— За пару недель они собрали почти тридцать миллионов!

— Ну, это немного!

— Немного! — Борис ухмыльнулся. — Они еще два месяца морочили голову этим идиотам. Один мужик даже квартиру решил продать перед отъездом. Они ему и помогли!

— Что, обшаманили?

— Конечно, толкнули. А дело быстро прикрыли и слиняли. Фирмы-то и не было! Только звонарь один, да и то не их, а тетки одной. Ее то и загребли менты! А ребята мои на недельку сгоняли в Мюнхен, пивка попить.

— Мюнхен — это хорошо! Там движение национал-социалистов начиналось. Оттуда штурмовики пошли...

В пивных барах собирались. И фюрер там начинал. Мы, Боря, уважаем Гитлера за то, что он Германию поднял. И тоже с коммуняками, евреями и цыганами разобрался...

При этом Григорий в который раз взглянул на висящую на стене картину — замок среди гор и рыцарь, сжимающий щит с изображением креста, очень напоминающего свастику.

— А мне, Гриша, по барабану и ваш фюрер и все эти ваши разборки. У меня в этом деле свой интерес... Ну как, ребят возьмешь? Говорю тебе, башковитые!

— Присылай, потолкуем.

На этом разговор закончился. Борис через пять минут уехал в Москву на своем «Фольксваген-Пассате», а Григорий спустился в тренажерный зал, в который всего месяц назад пересоборудовали одно из подвальных помещений бывшего цековского особняка.

29 октября 1993 года, пятница, вечер.

Москва, Район Смоленской площади.

Старинный особняк

«...Ввиду этого обстоятельства полностью решить задачи, поставленные в рамках операции «Кюль», не удалось. Привлеченные для решения отдельных вопросов источники, а также наши агенты, столкнулись с трудностями непреодолимой силы... — Харрис нахмурился, затем перечеркнул пару слов, после чего продолжил: — ...столкнулись с мощной системой охраны, установленной на объекте. Передвижение по объекту, который был разбит на самостоятельные зоны (об этом я уже докладывал в сообщении от 23 октября), было крайне затруднено, а места сосредоточения предметов нашего интереса строго охранялись. Кроме того, на «объекте» продолжала работать прокуратура

и группа сотрудников МБ¹ численностью не менее 60-ти человек.

Задачи, возложенные вами на «Р-33», не были выполнены по причинам субъективного характера, прежде всего из-за отсутствия надлежащего уровня планирования и подготовки отдельных этапов операции. В связи с этим предлагаю «Р-33» отозвать в распоряжение Центра...»

Харрис слегка откинулся в кресле, вытянул в стороны руки, потянулся. Окно из кабинета выходило в сад. Деревья и кусты уже были подернуты желтизной, а землю между асфальтовыми дорожками усеивали опавшие листья.

«Начинается настоящая осень. Скоро заладят дожди, будет слякотно и сыро. А там — зима... Эта противная русская зима с обильными снегопадами и метелями. Не то что в Южной Калифорнии. У нас зимой температура редко понижается ниже десяти градусов! — Харрис встряхнул головой, стараясь вернуться к тексту записки, которую готовил для начальства. — Я же предупреждал Ричи, что не надо быть таким самонадеянным. Вот он и провалил все дело. Теперь шеф вряд ли его простит, хотя парень и поработал неплохо. Наши, конечно, не ожидали, что русские устроят такой фейерверк! Теперь, действительно, у них тут начнется такое...»

Что «начнется», Харрис предполагать не стал. Он и так знал, что массовые беспорядки с кровавым исходом, как правило, продолжают уже в виде поиска и наказания виновных. Так было не раз в истории. И Россия не казалась ему исключением. Более того, вся ее история только подтверждала это.

«Да, у них возникла какая-то своя, специфическая демократия, — размышлял Харрис, — совсем не похожая

¹ МБ (сокр.) — Министерство безопасности России.

на нашу. А то, что происходит в экономике, вообще неизвестно к чему приведет. Сегодня они отпустили цены на хлеб, завтра еще на что-нибудь. Народ будет возмущаться, а усмирить его некому! Да, спокойствия в этой стране не дожидаться!» — резюмировал он свои размышления и снова взялся за написание докладной записки, которая должна была уйти за океан по дипломатической почте уже этой ночью.

31 октября 1993 года, воскресенье, день.

Москва. Окрестности Дома Советов

С Набережной Тараса Шевченко Белый дом выглядел зловеще. Громадное белое здание наполовину было покрыто черной копотью. Пять полностью выгоревших верхних этажей производили удручающее впечатление. И только маленькая башенка наверху, с ободом и стрелками остановившихся часов, была не тронута пожаром и смотрелась очень странно на фоне закопченных стен фасада.

— Какой ужас! — Оля была поражена открывшейся картиной.

По телевизору все казалось не таким страшным. Репертуар телевизионных программ был насыщен американскими боевиками и триллерами, поэтому картины горящего здания казались продолжением вымышленных сюжетов. Здесь же воочию перед глазами предстала картина развернувшейся чуть более трех недель назад трагедии. Покрытый копотью Белый дом казался инородным телом в центре большого города. Тягостное ощущение усиливало отражение фасада в зеркальной глади Москвы-реки, повторяющей все детали опустошения в перевернутом виде.

— Я не представляла себе, что здесь такой... зловещий вид. — На Олю пейзаж на той стороне реки произвел удру-

чающее впечатление. — И ты там сейчас работаешь? — повернулась она к Андрею.

Тот только кивнул.

— Папа, а почему он только вверху сгорел? Его тушили, да? — продемонстрировал свой интерес Сережа. — Его пожарники тушили?

— Конечно, Сережа! Но пожар был слишком сильный, и полностью потушить дом не удалось.

Здесь Орлов, конечно, кривил душой. Сначала Белый дом никто и не думал тушить, так как время от времени возобновлялась перестрелка, даже после того, как осажденные сдались на милость победителя. По-настоящему пожарные машины начали свою работу только под утро, когда верхние этажи «стакана» выгорели почти полностью. Спасать надо было только нижнюю часть здания, в нескольких местах которой разгорался пожар. Свою работу пожарники продолжили до середины 5 октября, когда в целом удалось победить огонь по всему зданию бывшего Дома Советов. Но рассказывать все это сыну почему-то не хотелось.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Нас держали там еще около часа. Но почему-то трудно дышать было. Да что же воздуха-то не хватает! Не в шахте же я! Мы же не знали, что здание горит. Я, горный инженер, понимаю, что продукты горения тяжелее воздуха. Угарный газ уже начал осадок давать. А, учитывая, что вентиляция Дома Советов была так сделана, что она шла кверху, а пожар не давал этому... И все шло вниз... А потом когда я вышел и посмотрел... Боже ты мой! Он весь полыхает! Летят осколки, стекла лопаются, с грохотом падают обломки...» *(Из воспоминаний народного депутата, члена Верховного Совета И.А. Шашвиашвили.)*

На другой стороне реки у подножия Белого дома стояли бэтээры, грузовые автомашины, группы солдат в касках, сотрудники милиции и бойцы ОМОНа. Было видно, что по периметру сооружается бетонный забор — несколько мощных кранов устанавливали плиты, которые тут же закрепляли рабочие.

— Ну что, пошли через мост? — Андрей указал в сторону ступеней боковой лестницы Новоарбатского моста. Совсем недавно он проделал такой же путь, но тогда — под треск пулеметных очередей и лязг гусениц.

Когда они поднялись на мост, первым делом в глаза бросилась надпись на гранитном парапете, нанесенная не то мелом, не то куском штукатурки: «Ельцин — предатель».

— Пап, смотри! — Сережа первым среагировал на надпись. — А почему тут так написано? Он же президент!

Что мог ответить Андрей на вопрос сына. Начинать объяснять девятилетнему мальчику причины возникшего противостояния? Рассказывать о том, как политическое противоборство превратилось в вооруженную схватку, как взрослые люди, будто обезумев, стали кромсать друг друга как заклятые враги? Невозможно это объяснить, особенно, если сам до конца не понимаешь, почему все это произошло.

На мосту то и дело попадались люди с фотоаппаратами, поскольку открывающийся с него вид был настолько необычным, что каждый хотел запечатлеть образ растерзанного Белого дома. Это смахивало на то, как вокруг автомобиля, попавшего в аварию с человеческими жертвами, сосредотачивается масса людей, желающих поближе рассмотреть картину трагедии. Им жутко и страшно, но любопытство и подленькое чувство «Хорошо, что не со мной!» заставляет их подолгу смотреть на чужое горе. Белый дом, как жертва страшной государственной аварии, представлял такое же

бездыханное тело, разбитое параличом в самом центре большого города.

Непосредственно перед самым Белым домом проезжую часть пересекала колонна бойцов в шинелях, поверх которых были одеты бронжилеты, и касках. Они с интересом смотрели на прогуливающихся москвичей, совершенно не казались грозными защитниками власти, может быть, потому, что были без оружия и шли вразнобой, неровным строем.

Чуть поодаль переговаривались между собой два мальчишки-милиционера в черной форме, поразительно напоминающей форму полицаев, будто это не центр Москвы в начале девяностых, а белорусская деревня на оккупированной территории в 1942 году. Милиционеры были одеты добротно — куртки с меховым воротником, аккуратные фуражки с плоским верхом, яловые блестящие сапоги. У каждого по автомату с коротким прикладом, резиновая палка, пристегнутая к ремню. Они покуривали, посмеиваясь, переговаривались о чем-то своем.

На броне бэтэров, стоящих на газонах перед Белым домом, ребята в танковых шлемах и касках шутили, смеялись, что-то рассказывали друг другу. Ограждение из металлических заградительных барьеров должно было отсекал празднующих от территории вокруг Белого дома, но милиционеры смотрели сквозь пальцы на то, что пешеходы совершенно свободно проходят мимо, стараясь рассмотреть все поближе. Ведь еще немного, и все будет огорожено высоким бетонным забором, а само здание отремонтируют, и оно приобретет первозданный вид. И тогда уже мало кто вспомнит, как все тут выглядело в октябрьские дни 1993 года.

— Папа, а почему там привязана черная ленточка? — Все посмотрели, куда указала Нина. Действительно, на бетонном фонарном столбе, чуть ниже того места, где

был укреплен светофор, была привязана лента из черной шелковой ткани, похоже оторванной от большого куска материи.

— Может, знак или сигнал какой? — предположила Оля.

Андрей, разумеется, тоже не знал, что означает эта ленточка. Но, предположить было нетрудно. От этого у него даже холодок пробежал по спине, а в горле как-то неприятно засвербело.

— Может быть и знак, я не знаю.

Наверное, это прозвучало так двусмысленно, что Оля, странно взглянув на мужа, сказала детям:

— Пойдемте отсюда.

На газонах перед эстакадой, полукругом поднимающейся к зданию мэрии, шла интенсивная уборка: женщина в длиннополном пальто сметала метелкой мелкий мусор, другая, в куртке, собирала его в большой совок. Трава была грязно-серой, вытопанной, местами покрытая желтыми листьями.

Между раздвоенным стволом небольшого деревца застряла грязная, вся в бурых пятнах, шинель. Казалось, что это истощенный человек, пытаясь пролезть в узкую щель, попал в смертельный капкан.

Они прошли в сторону широкой многоярусной лестницы, спускающейся от главного входа. Здесь еще не успели установить бетонный забор. Работали автокраны с длинными и мощными стрелами, рабочие стружали и укладывали блоки и плиты, которые через некоторое время должны скрыть все происходящее от любопытных глаз. По краю газона были выставлены металлические барьеры, чтобы не дать возможности публике приблизиться к фасаду здания. За соблюдением порядка безразлично наблюдали несколько милиционеров.

У ограждения практически никого не было — москвичи, проживающие в близлежащих домах и натерпевшиеся в период событий, уже не проявляли особого интереса к тому, что происходило вокруг Белого дома, а большая часть горожан из других районов Москвы, а также приезжие, в основном безразлично скользили взглядом по потерявшим прежний облик достопримечательностям столицы.

ВОСПОМИНАНИЯ: «**Меня тогда поразило, как быстро москвичи забыли все, что произошло, как быстро привыкли к обугленному колоссу на месте белоснежного здания, уже не замечая его и не удивляясь ничему. Более того, общаясь с друзьями и родственниками, я вдруг понял, что никто из них не только не понял сути происходивших событий, но и толком не знает, что произошло. Обычно говорили: «Столкнулись два барана, и никто не хотел уступить!» или «С жиру бесятся! Не поделили деньги!».** Правда, справедливости ради надо сказать, что большинство все-таки одобряли наведение порядка и усмирение «этих болтунов-депутатов». Кто-то ругал Ельцина за стрельбу в Москве, но их было меньшинство. Большинство все-таки поддерживало его решительность в подавлении «фашистов и хулиганов». *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

Мимо по набережной буднично проезжали машины и автобусы, несмотря на выходной, спешили по своим делам пешеходы, которым не было никакого дела до того, что происходило здесь всего несколько дней назад и какие драматические сюжеты разворачивались внутри обезображенного здания. И лишь, наверное, один Андрей реально ощущал на себе трагизм происходящего, поскольку все

еще не мог избавиться от наваждения. Ему продолжали мерещиться горящие машины, треск выстрелов, улюлюкающая толпа и обугленные коридоры высотного здания в центре Москвы.

— Смотрите, цветы! — Сережа указал на пожухлую траву за ограждением. Действительно, вдоль металлических барьеров на мятой, но уже очищенной от мусора траве в беспорядке лежали букетики цветов, а то и просто отдельные гвоздики. Было件нятно, что, не имея возможности положить, цветы просто персбросили через барьер.

На этот раз Андрею никто не задал вопроса — ни Оля, ни дети. Но он все равно ответил, только очень тихо, как будто разговаривая сам с собой:

— Здесь погибли люди.

Между тем на площадке нижней части здания было видно какое-то движение. Вдоль выбитых окон ходили люди, время от времени останавливаясь и осматривая повреждения фасада. От сильного пожара в одном из кабинетов нижнего этажа «стакана» метров на десять вверх тянулись пятна копоти, дополняя картину разорения.

День был теплый, солнечный, такой же, как тогда, 4 октября. Странно, но деревья лишь слегка тронула осень, многие стояли еще зеленые, чуть подернутые грязно-рыжей пеленой. А вечнозеленые ели, обрамляющие лестницу перед Белым домом, вообще диссонировали с черно-белыми красками, доминирующими вокруг.

Орлов, вытацивший семью на эту странную прогулку, решил обогнуть квартал жилых домов на набережной, повернуть направо на улицу Николаева и по Рочдельской выйти с другой стороны Белого дома к зданию мэрии.

Весь тротуар и газоны вдоль дома сталинской постройки были усыпаны осколками стекол, обломками штукатурки,

неизвестно откуда взявшимися здесь камнями и кирпичами. Кое-где хаотически стояли металлические барьеры, по существу, уже не отвечающие своему предназначению. Время от времени попадались скучающие милиционеры, неизвестно зачем несущие здесь свою вахту.

— Папа, а почему они стали стрелять? — вдруг спросил отца Сережа, которому надоело молча смотреть по сторонам. — Они что, бандиты?

— Кто, Сережа?

— Ну, эти, которые засели в Белом доме.

Это был для Орлова довольно трудный вопрос. Объяснить девятилетнему сыну, почему в центре Москвы одни люди стали убивать других, а правительственное здание, которое они не раз видели из окна вагона метро, проезжая через метромост Филевской линии, было превращено в гигантскую руину, было сложно, если не сказать невозможно. Тем более что Андрей сам еще никак не мог для себя разобраться, что же это было? Бесцеремонное попрание Конституции или разгром мятежников, пытавшихся узурпировать власть, гнусная и продуманная провокация или героическая защита интересов страны от преступных посягательств.

— Понимаешь, Сережа, — начал было Андрей, но тут же осекся, почувствовав фальшь, очень напоминающую ответ главного героя фильма «Адьютант его превосходительства» на вопрос мальчика: «Павел Андреевич, а вы шпион?».

— Нет, Сережа, эти люди не были бандитами.

— Тогда бандиты — это те, кто стрелял по Белому дому? — прямодушно продолжал допытываться сын.

— Нет, Сергей, они тоже не бандиты. Просто произошло то, что бывает, когда люди не хотят понять друг друга. Одни говорят: хорошо — это, а другие — нет, говорят, хорошо — то. И не могут договориться между собой.

— А зачем же тогда убивать? И дом сжигать?

— «В логике ему не откажешь!» — подумал Андрей, и продолжил пока малоуспешную попытку объяснить сыну суть произошедшего в начале октября: — Эти люди обвиняли друг друга в том, что нарушили закон. И стали требовать прекратить это. У тех и других было много оружия...

— А какое оружие? — заинтересованно спросил мальчик. Это ему казалось гораздо более интересным, чем рассказ отца о том, кто там был прав и кто виноват.

— В Белом доме была милиция, а у нее автоматы. Кроме того, туда на помощь депутатам пришли разные люди, которые поддерживали их. Они были тоже вооружены. А у милиции и военных, которые окружили Белый дом...

— Как это: милиция против милиции? — прервал отца Сергей: — Не понимаю!

— Сережа, я же говорю тебе, что и с той, и с другой стороны люди выступали за соблюдение закона, но каждый понимал это по-своему. На стороне Верховного Совета, который находился в Белом доме, были милицейские части, которые и до этого его охраняли, а на стороне президента были воинские части и милицейские подразделения...

— И они убивали друг друга? — В округлившись глазах дочери Андрей прочитал удивление, недоумение и даже страх: — Почему? Зачем?

Что мог ответить на это Андрей? Как объяснить, почему политическое противостояние привело к кровопролитию? Почему взрослые дяди, облеченные властью, сцепились в смертельной схватке, стали применять самые «убедительные» аргументы в споре — автоматы, пулеметы и танки? Как после этого учить детей уважению к взрослым, воспитывать у них веру в торжество справедливости и уверенность в том, что родное государство защитит их от произвола?!

— Почему вы спрашиваете папу? Он что, участвовал в этом? — попыталась остановить недоуменные вопросы детей Оля.

— Но ведь папа там работает! — возразил Сергей и, обращаясь к отцу, спросил: — А ты на чьей стороне был?

— «Час от часу не легче! — горько усмехнулся про себя Орлов. — Хуже всего вопросы в лоб! Действительно, на чьей же стороне я? По роду работы и службы, естественно, на стороне президента, который решил навести конституционный порядок! Как офицер органов безопасности и сотрудник Администрации Президента я не мог быть на стороне парламента. Но почему же меня так коробили слова и поступки тех, кто не хотел слышать никаких возражений относительно курса «реформ», кто не допускал иного, чем свое, мнения по дальнейшим путям развития страны? Почему я никак не мог в душе согласиться с разгоном Верховного Совета? Почему у меня вызвали ужас события 3—4 октября, когда с той и другой стороны слетел налет респектабельности и перед всем миром предстали страшные инструменты взаимного уничтожения — озверевшие толпы хулиганов и опьяненные безнаказанностью люди в униформе, подлые провокаторы, стреляющие из-за угла, и тяжелые танковые орудия, палящие прямой наводкой по зданию парламента, как будто это было сражение на Курской дуге?!»

— Ты за кого, папа? — повторил вопрос Сережа.

— Ни за кого, Сережа! — серьезно ответил Андрей. — Я думаю, что никто из них не может назвать себя правым. Потому что они, люди, представлявшие власть, не должны были допустить того, что произошло. А я... — Андрей сделал паузу, будто собираясь с духом, после чего продолжил: — Я делал все, что мог... Кое-что получилось, но...

— Мама, смотри! — Сережа прервал тираду Андрея, указывая в сторону дома. — Видишь, витрина! И телефон...

Большая витрина продуктового магазина была вся испещрена пулевыми отверстиями, чудом не разлетевшись на мельчайшие осколки. Она казалась причудливым кружевом, образованным мелкими трещинками, расходящимися от круглых дырочек. Да и сама неоновая вывеска «Продукты» лишилась нескольких букв, расколовшихся на отдельные элементы и обнаживших свои электрические внутренности.

— Осторожно, Сережа! Не подходи туда! Можно поскользнуться и порезаться! — Оля указала на тротуар перед витриной, который был усеян осколками стекла. Но куда там! Сергей уже шел по опасному месту. Из-под ног его раздавался противный скрежет, что, наверное, очень нравилось мальчику, поскольку он старался сильнее наступить на следующий осколок. — Я кому сказала, Сережа! — крикнула Оля.

— Ладно, пусть посмотрит! — успокаивая жену, сказал Андрей. — Да не порежется он! Не волнуйся!

Сергей тем временем приблизился к таксофону, висевшему на стене в своего рода алюминиевом футляре, стекла которого были полностью выбиты. Телефонная трубка болталась на проводе, сам аппарат был разбит каким-то тяжелым предметом. Даже металлические рейки, обрамлявшие окошки, были с силой вывернуты наружу, а посередине зияло пулевое отверстие с рваными краями.

— Как будто, немцы прошли! — тяжело вздохнула Оля.

Действительно, все вокруг было растерзано, опустошено, разгромлено — и торговая палатка, простреленная во многих местах, и детская площадка с опрокинутой полусферой из металлических труб, и парковая скамейка с выломанными

деревянными рейками. Газоны были замусорены, кое-где виднелись черные следы — то ли костров, то ли пожаров. Деревья были изуродованы следами от пуль. Особенно плачевно выглядела молодая липа, ствол который на высоте полтора метров от земли был буквально подрезан пулеметной очередью, оставившей глубокий шрам на коре.

Они прошли совсем немного в сторону от Нового Арбата, а здесь было уже не просто пусто, — пустынно. Странно, но им навстречу перестали попадаться прохожие, не было даже милиционеров или солдат внутренних войск. Даже автомашин, казалось, стало гораздо меньше. Запустение и следы разгрома действовали на всех угнетающе. Даже Сережа, постоянно задающий каверзные вопросы и стремящийся все потрогать и пощупать, как-то приумолк. Или ему стало уже неинтересно бродить среди пустынных стен и разбитых окон.

— Сережа, ты что делаешь! — раздался резкий окрик Оли. Андрей, погрузившийся на минутку в свои мысли, очнулся и посмотрел на сына. Тот, насобирав незаметно для всех мелкие камешки и осколки, стал исподтишка бросать их в разбитые окна и витрины.

— Сергей, прекрати! — строго прикрикнул на сына Андрей, присоединившись к Оле. — Сейчас же прекрати! Ты соображаешь, что делаешь?

— А что? — лукаво ответил тот. — Они же все равно разбиты!

Глядя на сына, Орлов подумал о том, что в глубине человеческой природы, возможно, скрыты какие-то низменные порывы, которые взрослым чаще всего удается не проявлять до поры до времени, а детям, не обремененным условностями, сделать это не получается. Вот и Сергей, видя следы недавнего погрома, готов был внести свою лепту. Как ведь, наверное, здорово безнаказанно крошить то, что еще вчера

было недоступным! Не исключено, что инстинкт разрушения скрыт в каждом человеке, и только в экстремальных условиях он проявляется в полной мере.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Был момент, когда я даже пожалел, что повел семью на эту странную прогулку. Еще не выветрилась гарь от пожаров, еще были разбиты стекла в окружающих Дом Советов зданиях, а на тротуарах еще заметны были следы от баррикад и ночных костров. Я видел, что на детей все это производит странное впечатление, а по их вопросам можно было понять, что они, по существу, не могут еще осмыслить, что же за события произошли на этом месте всего около месяца назад. Да что, дети! Многие взрослые еще не понимали этого, считая произошедшее, наверное, столкновением милиции с хулиганствующими молодчиками, которое потребовалось прекращать с помощью танков и бронетранспортеров...» *(Из воспоминаний А.П. Орлова.)*

Свернув за угол дома, они оказались на улице Николаева, которая связывала Краснопресненскую набережную с Рочдельской улицей, проходящей позади Белого дома. Здесь тоже было пусто. Даже машины не заезжали сюда, поскольку выезд с Рочдельской был закрыт.

Поравнявшись с высокой полукруглой аркой, Андрей бросил на нее взгляд и оторопел. Открывшаяся перед его глазами картина была достойна полотна художника, специализирующегося на живописных античных развалинах. В обрамлении арки, среди крон деревьев проглядывал обугленный остов Дома Советов с черными дырами окон, острыми зубьями верхней части «стакана» и маленькой башенкой наверху, совершенно нетронутой пожаром. Листва

деревьев слегка колыхалась на ветру и казалась на фоне обожженной руины яркой и красочной. Увидев все это, Андрей даже замер на мгновение. Он хотел было обратить внимание жены на открывшийся пейзаж, но не стал этого делать, потому, что осознал: она не поймет его чувств и вряд ли сможет разделить его переживания по этому поводу. В отличие от Андрея она была менее сентиментальна.

Уже на подходе к Рочдельской улице Андрей обратил внимание на невысокий покрытый коричневой плиткой кирпичный бортик, обрамляющий палисадник перед угловым домом. Дорога слегка поднималась вверх, поэтому бортик постепенно сходил на нет, превращаясь лишь в каменную окантовку. Но не это привлекло внимание Орлова, а опять зловещие следы прошедших событий. Вся внешняя сторона бортика была испещрена выбоинами, причем следующими одна за другой на равном расстоянии. Ясно, что здесь поработал крупнокалиберный пулемет. Было такое впечатление, что пулемет бил по кому-то, кто пытался спрятаться за каменным укрытием. Но видно безуспешно! От прямого попадания плитка разлеталась на куски, не оставляя шансов остаться в живых тому, кто использовал бортик как укрытие. То ли в подтверждение этого, то ли случайно, но на земле сохранились отвратительные бурые пятна. Может быть, это солярка, а может быть, и что-то другое.

— Вот здорово! — воскликнул Сергей, увидев следы от пулеметной очереди, — Как раздолбили, видишь, папа? Мама, Нина, видите? Как в Калининграде! — Сережу явно возбудило увиденное. Конечно, до сих пор со следами войны он встречался только в кино да в Калининградской области, куда семья в течение нескольких лет выезжала на отдых. Там были развалины замков и фортов, вражеские доты и разрушенные кирхи, немецкие каски и ржавые гильзы от патронов.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Еще мальчишкой я ездил со своим школьным товарищем в Калининград, в прошлом немецкий город, который после войны со всей прилегающей территорией достался нам по решению Потсдамской конференции. В шестидесятые годы город представлял собой громадные пустыри, развалины и стандартные пятиэтажки. Но меня, конечно, интересовали руины древнего замка тевтонских рыцарей, подземные бетонные бункеры и катакомбы фортов. Уже тогда я облазил все эти «злачные» места. Потом, гораздо позже, я таскал по еще остающимся развалинам и укреплениям Олю и детей, которые безропотно спускались со мной в древние подземелья, взбирались на брустверы и капониры фортов... Может быть поэтому, увиденное в Белом доме и вокруг него вызывало у меня и Сергея ассоциации с Калининградской областью...»
(Из воспоминаний А.П. Орлова.)

Однажды, когда они все вместе бродили в лесу поблизости от Бальги, бывшего замка тевтонских рыцарей, что в двадцати километрах от Калининграда, четырехлетний Сережа наткнулся в лесу на немецкую каску, которую непременно хотел взять с собой. Все подшучивали над ним и безуспешно отговаривали его тащить каску. Все бы еще ничего, но когда он протянул отцу зажатый в руке капсюль-детонатор, у Андрея похолодело внутри. Он с максимальной осторожностью взял у ребенка опасную игрушку, отнес ее подальше и выбросил в протекающий рядом ручей. Теперь вот уже повзрослевший Сережа с нескрываемым восторгом рассматривал следы эпизода гражданской войны, пронесшейся вихрем по московским улицам и переулкам.

Они еще долго ходили по окрестностям Дома Советов, прошли мимо домов с опаленными боем стенами, сгоревшими квартирами и балконами, вдоль ограды скверика, в котором расположились солдаты, обогнули стадион, про который ходили страшные слухи, и вышли, наконец, к Конюшковской улице. Вся прилегающая к ней местность еще хранила следы недавних баталлий — повсюду были вытоптаны газоны, лежали бесформенными кучами сломанные железные барьеры, разбиты дорожные знаки и светофоры. Следы от костров перемежались обгоревшими обломками частей автомашин, металлическими трубами, горами арматуры и листового железа, кабельными катушками, смятыми мусорными баками и другими остатками баррикад, кучами тряпья.

Здесь уже было достаточно оживленно — много прохожих, среди которых семейные пары с детьми, мальчишки на велосипедах, старушка с маленькой собачкой на поводке, обнимающаяся юная парочка. Поскольку проход к Белому дому и мэрии оказался перекрыт солдатами, стоящими позади металлических барьеров и спутанных колец армированной проволоки с угловатыми пластинами-шипами, именуемой «спиралью Бруно», вся публика концентрировалась на свободном пространстве.

Каски на головах у солдат, бронежилеты, одетые поверх пинелей, и автоматы за спиной создавали ощущение передышки перед боем. Позади оцепления виднелись бэтээры с расчехленными пулеметами, экипажи которых сидели на броне своих машин, курили, жевали, разговаривали о чем-то. Ну, прямо как солдаты перед боем!

С этой точки Белый дом выглядел как поверженная неприятельская крепость, только что взятая нашими солдатами. Выгоревшие верхние этажи нижней части здания у двадцатого подъезда, черные шлейфы сажи на стенах

«стакана», забаррикадированный Горбатый мост — все это придавало картине трагический вид. Его эмоционально усиливала скульптура, посвященная участникам баррикадных боев на Красной Пресне в 1905 году. На высоком гранитном постаменте — три фигуры: девушка с развевающимся флагом, опустившийся на одно колено мужчина с оружием и упавший на землю парень с камнем в руке.

Орлов знал из истории, что именно в этом месте в начале XX века развернулись ожесточенные бои рабочих с полицией, в результате чего погибло немало людей. Скульптура на фоне сожженного здания выглядела символично.

«Спустя почти девяносто лет все повторилось снова, только еще в более диком, противоречащем здравому смыслу виде. Неужели Россия обречена на периодическое повторение трагедий общенационального масштаба?» — думал Орлов.

— Папа, а это что? — прервал размышления Андрея сын. — Смотри!

Сергей указывал на кучку мусора рядом с заградительным барьером. Андрей сначала даже не обратил внимания на то, куда смотрел Сережа, но приглядевшись, понял, о чем идет речь. На мостовой среди окурков и смятых пачек сигарет, кусков асфальта и мелких камней лежали расколотые бутылки, горлышки которых были заткнуты промасленными тряпками в виде фитиля. «Бутылки с зажигательной смесью!» — сразу понял Орлов. Разумеется, он знал о них из книг и кинофильмов, но никогда не видел воочию. Это казалось безумным, но теперь он видел их в самом центре Москвы, свободно лежащими на мостовой. Правда, бутылки были разбиты до того, как кто-то намеревался их использовать, или после того, как все закончилось и окрестности Дома Советов заняли армейские подразделения.

— Зачем эти бутылки? — сын с удивлением, по-видимому, тоже догадываясь, смотрел на Андрея. Теперь уже и жена с дочерью тоже уставились на то, лежало у них под ногами.

— Коктейль Молотова! — услышал Орлов чей-то голос с прибалтийским акцентом. — Эти бандиты хотели бросать его на танки!

Обернувшись, Орлов увидел седого господина в светлом плаще, который тоже рассматривал находку. Он подошел так тихо, что Андрей даже не заметил этого.

— Эти бутылки русские солдаты бросали на танки. Еще в войну Советов с Финляндией!

Слух Орлова резануло не только безосновательное упоминание имени советского наркома иностранных дел, но и слово «Советы», которым его страну обозначали преимущественно недруги.

— Что вы говорите! При чем тут Молотов? Это — бутылки с зажигательной смесью! А термин «коктейль Молотова» придуман Геббельсом!

— Это не так! — ответил незнакомец. — Мы, финны, на себе испытали этот ваш «коктейль»! И название придумали мы. Теперь вы сами убиваете друг друга! Но, слава Богу, ваш Ельцин остановил этих бандитов. Он — смелый человек! Теперь коммунистам конец!

Орлову совершенно не хотелось полемизировать с этим финном, тем более чтобы слушали это дети. Но и оставить без ответа выпады иностранца он не желал. Выручила жена. Оля сразу почувствовала настроение мужа и тихо предложила:

— Пошли, Андрюша. Не связывайся.

«Действительно, что я буду метать бисер перед... Злобный человек, которому нет дела до нашей трагедии. Наоборот, он радуется тому, что у нас произошло! Наверное,

бывший финский фашист. Стрелял по нашим солдатам с линии Маннергейма! — пронеслось в голове Орлова, прежде чем до него дошли слова жены.

— Пошли, ребята! — Андрей слегка подтолкнул Сережу, продолжающего с интересом рассматривать остатки подручных средств ближнего боя.

Через некоторое время они уже шли в сторону станции метро «Баррикадная». Справа за высоким забором из красно-коричневого кирпича возвышались здания американского посольства, в том числе громадный куб недостроенного корпуса. Это было именно то здание, в котором советская контрразведка умудрилась смонтировать мощнейшую систему прослушивания. Как известно, два года назад ее сдал американской разведке Бакатин, тогдашний руководитель КГБ, «калиф на час», демонстрируя открытость и миролюбие новой России. Совершив беспрецедентный в истории акт передачи противнику ценнейших сведений, он навлек на себя проклятия со стороны сотрудников органов безопасности, стал символом предательства в глазах чекистов. Впрочем, Орлов считал, что и их американские коллеги, хотя и с удовольствием воспользовались разглашаемой информацией, не могли с уважением относиться к такому поступку.

Выйдя на Садовое кольцо, семья направилась в сторону станции метро «Смоленская». Даже неспешным шагом дойти до нее было можно минут за двадцать.

* * *

Поезд Филевской линии метро с ревом вырвался из туннеля и через мгновение уже ехал по мосту через Москву-реку. Несмотря на воскресенье, в вагоне было немного народа. Оля с Ниной сели на свободное место, а Андрей

с сыном встали у двери с предостерегающей надписью на стекле: «Не прислоняться». Отсюда было отлично видно весь Дом Советов. Называть его Белым домом можно было лишь с большой натяжкой — черный остов верхней части «стакана» придавал всему сооружению слишком зловещий вид.

Андрей окинул взглядом вагон, лица пассажиров, сидящих на мягких сиденьях. Кто-то читал под стук колес книгу или газету, кто-то держал на коленях сумку с покупками, кто-то просто, задумавшись о чем-то своем, смотрел в одну точку. И никто, никто не бросил даже взгляда в ту сторону, где стоял Дом Советов. Может быть, все уже потеряли интерес к событию трехнедельной давности или их захлестнули повседневные заботы и проблемы. А, может быть, они плюнули на все это, не доверяя никому: «Все вы одним миром мазаны!» Во всяком случае, в этом вагоне мчащегося к туннелю поезда никто, кроме Андрея, не обратил внимание на здание, остающееся на том берегу реки. Кроме Андрея, потому что у него еще свежи были воспоминания о недавних событиях, а завтра он должен был снова идти в темные лабиринты Дома Советов и выполнять поставленные перед его опергруппой задачи. Через несколько секунд поезд ворвался в тоннель и с грохотом помчался в сторону «Молодежной».

6 ноября 1993 года, суббота, вечер.

Москва. Старая площадь.

Администрация Президента.

6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет № 763

«Все-таки без бумажной работы в нашем деле не обойтись, — закончив писать докладную записку, подумал Орлов. — Вот, пожалуй, и все! Теперь можно подводить

итоги». — Он встал, подошел к окну. В полумраке с седьмого этажа были едва различимы силуэт корпуса вычислительного центра и серое здание, в котором размещался аппарат Правительства. Был уже поздний вечер, светилось только несколько окон, в которых, по-видимому, размещались дежурные службы или работал какой-нибудь чрезвычайно ответственный сотрудник.

Андрей достал последний лист справки из матричного принтера, издающего при печати противный скрежет, и начал ее читать.

ДОКУМЕНТ: «...Указанная работа осуществлялась в условиях проведения в здании ремонтно-восстановительных работ, выполняемых многочисленными строительными и иными организациями, в том числе зарубежными. Принятие решения о предельно сжатых сроках реконструкции побудило все принимающие в работах инстанции определить в качестве главной задачи — немедленную зачистку и ремонт помещений, пренебрегая интересами сохранности служебных документов и материальных ценностей.

...В здании работали свыше 700 специалистов турецких строительных фирм, военнотружущие военнотружущих частей, десятки подрядных и субподрядных организаций, действовала следственная группа Генеральной прокуратуры, вели отбор документальных материалов работники архивных служб...

В течение всего периода работы группы в здании продолжали иметь место факты... перемещения металлических шкафов и сейфов, бесконтрольного вывоза транспортными средствами вместе с мусором значительного количества документов и материалов. Обратил

на себя внимание особый интерес, который проявляли турецкие рабочие к документальным материалам...» (Из «Справки о результатах работы по розыску документов и материалов в здании бывшего Верховного Совета Российской Федерации» от 6 ноября 1993 года.)

Орлов усмехнулся: «особый интерес, который проявляли турецкие рабочие!»! В эту скупую строчку уложилась та самая главная часть работы, которую решала опергруппа Орлова в последние дни октября. Андрей уже понял, что на фоне происходящих событий скромные усилия горстки сотрудников министерства безопасности и Администрации Президента, скорее всего, останутся незамеченными. От этого становилось немного обидно за тех ребят, которые вместе с ним целыми днями лазали по опустошенному зданию, преодолевая завалы и обрушения, скрупулезно обследуя каждый кабинет, каждое помещение, по крупницам собирая то, что является достоянием государства, вдруг оказавшимся брошенным среди хлама и обломков. Однако было главное, что приносило удовлетворение и даже какое-то спокойствие: опергруппа задачу выполнила.

Орлов отчетливо вспомнил, как всего несколько дней назад они оказались в помещениях «стакана», принявших на себя танковые снаряды. Масштабы разрушения были ужасающими. Мало того, что оказались буквально вывороченными наружу громадные окна, полностью обрушились стеновые перегородки, рухнули потолки, а все содержимое превратилось в груды сгоревших обломков. Членам опергруппы пришлось перелезть через каменные завалы, переплетенные металлической арматурой и торчащими повсюду трубами, разыскивая места, где хоть что-нибудь могло уцелеть от взрывов. Но единственное, что они нахо-

дили, так это изуродованные, почти расплющенные сейфы, даже толстые стенки которых не выдерживали высокой температуры. Разумеется, в них оказывались кучки золы или обугленные брикеты, бывшие когда-то документами, которые рассыпались в пыль, стоило только дотронуться до них.

Потом, когда они осматривали одно из помещений пятью этажами ниже, Андрей обратил внимание на небольшую брошюру, валяющуюся на полу чуть в стороне от большой кучи мусора и обломков мебели. Она лежала вверх тыльной стороной, на которой отчетливо было видно пулевое отверстие.

«Надо же, попали прямо в середину книги! — подумал Орлов. — Специально будешь целиться — не попадешь!»

Подняв брошюру с пола и стряхнув пыль, смешанную с пеплом, Андрей повернул ее к себе лицом и прочитал название: «Проект Конституции Российской Федерации Подготовлен Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации».

* * *

«А ведь завтра 7 ноября! — случайно бросив взгляд на настенный календарь, подумал Андрей. Сколько он себя помнил, это был большой праздник. В детстве они с отцом ходили вечером смотреть иллюминацию — непривычно яркое освещение центра Москвы, особенно Центральный телеграф, где висели в обрамлении лампочек портреты членов Политбюро и ярко светился разноцветный герб СССР. Из окна семнадцатого этажа высотного дома на Котельнической набережной, где жили родственники Орловых, открывался великолепный вид на Кремль, набережные и мосты Москвы-реки. Праздничный салют поражал воображение,

приводил всех в восхищение и особое состояние торжественности. 2 ноября 1993 года московское правительство, опасаясь массовых беспорядков, запретило проведение праздничных мероприятий в этот день, разрешив коммунистам лишь возложение венков к Мавзолею Ленина.

13 ноября 1993 года, суббота, день.

Москва. Лубянка.

Здание министерства безопасности

Конференц-зал был полон. Ведь не часто в министерство приходили столь высокие чиновники, особенно в это сложное и противоречивое время.

Всем памятно было Всероссийское совещание, состоявшееся летом 1991 когда, когда Ельцин впервые вошел в здание Комитета госбезопасности. Тогда, сидя рядом с Председателем КГБ, он еще не знал, что через пару месяцев случится в схватке с ГКЧП, одной из ведущих фигур которого был Крючков. Тогда эта схватка, получившая название «провал августовского путча», привела к восхождению Ельцина на политический олимп, падению Горбачева и развалу СССР. В результате этих событий чуть было не упразднили органы безопасности как «опору тоталитарного режима». Но все ограничилось реорганизациями, в ходе которых спецслужбу раскассировали на несколько частей, пытались объединить с милицией, несколько раз переименовывали и в конце концов остановились на министерстве безопасности.

Теперь вместо президента перед чекистами должен был выступить руководитель его Администрации — Сергей Александрович Филатов, человек исключительно влиятельный и сыгравший не последнюю роль в подавлении «мятежного парламента». То ли Ельцин не хотел снова оказаться

в стенах учреждения, которому не доверял и с давних пор которое считал виновником своих злоключений, то ли у него были более важные дела, но на Лубянку приехал Филатов. С октябрьских событий прошло уже больше месяца, но эхо выстрелов танковых пушек по Дому Советов еще звучало повсюду. Не исключением были и чекисты, которые снова ощутили себя заложниками ситуации.

Орлову, как и большинству его коллег по службе в министерстве безопасности, хотелось знать, каковы перспективы выхода страны из кризиса, какую роль отводит органам безопасности верховная власть и на что теперь должны ориентироваться чекисты, которые всегда действовали в русле установок руководства страны, будь то Политбюро ЦК КПСС, Верховный Совет или президент России.

Возникшее в результате противостояния президента и парламента двоевластие ставило сотрудников органов безопасности в сложное положение. Подчиняясь указам и распоряжениям главы государства, они вынуждены были игнорировать распоряжения, исходящие от Верховного Совета и сформированного им нового центра власти. Осознавая пагубность происходящего и всю зыбкость обстановки, сотрудники министерства безопасности выполняли свой долг, зачастую руководствуясь собственным пониманием, как должен поступать тот или иной человек в экстремальной ситуации. Главная задача — не допустить кровопролития, максимально снизить напряжение в обществе, удерживать конфронтующие силы от самоубийственной схватки. Каждый сотрудник на своем месте обязан был сделать для этого все возможное.

Орлов, который был в числе находящихся в конференц-зале главного здания министерства безопасности, осознал, что лучше, чем его коллеги, понимает суть развития

событий, подоплеку выплеснувшихся на улицы Москвы массовых беспорядков, скрытые от глаз общества противоречия и совершаемые сильными мира сего поступки. Конечно, это объяснялось не его особой проницательностью, а доступом в высокие кабинеты и кремлевские коридоры власти.

— Андрей Петрович, ты чего не со своим шефом-то? — с явной издевкой спросил кто-то из группы сотрудников, толпившихся в фойе перед входом в зал.

— Андрей, что он скажет? Нас не разгонят? — подал голос другой.

Орлов отшучивался, хотя понимал, работа его в Администрации Президента воспринимается многими как приближенность к власти, возможность воспользоваться ее благами, решить с помощью своего кресла насущные жизненные проблемы. Как было объяснить им, защищенным стенами корпоративной поддержки, что ему очень непросто решать поставленные перед ним задачи, нередко не ощущая такой опоры. А «приближенность к власти», которая действительно имела место, оборачивалась чрезвычайной ответственностью не только за совершаемые поступки, но и произнесенные слова. Достаточно было вспомнить тот критический момент, когда днем 3 октября возбужденная толпа приближалась к Дому Советов, где ее ожидало милицейское оцепление. У тех и других было оружие. Если бы оцепление не было снято в самый последний момент, нетрудно представить, что бы тогда произошло. Возможно, события приобрели бы еще более страшный оборот. Убитые исчислялись бы не сотнями, а тысячами, не исключено, десятками тысяч. А для России это могло означать только одно — начало кровопролитной гражданской войны. Сколько в ней было бы жертв, невозможно даже

предполагать. Ведь в той, прошлой Гражданской, погибло, по самым приблизительным оценкам, десять с половиной миллионов человек!

Тем временем за столом президиума на сцене конференц-зала появились Голушко и Филатов. Сергей Александрович выглядел хмурым и усталым. Но благодаря уже укоренившейся привычке человека, который часто бывает у всех на виду, он держался уверенно, о чем-то оживленно разговаривал с Голушко, иногда даже улыбался. Николай Михайлович, наоборот, выглядел скованным и настороженным. Когда он улыбался в ответ Филатову, чувствовалась какая-то натянутость, если не сказать больше — отчужденность.

Орлов сидел в центре, зала и Филатов, разумеется, не мог заметить его среди сотен сотрудников центрального аппарата, устремивших свои взоры на сцену.

— Уважаемые товарищи! — начал Филатов с обращения, которое все реже и реже звучало в новой демократической России. Орлов понял, что Сергей Александрович, который уже давно исключил из своего лексикона слово «товарищ», сделал над собой определенное усилие. Но в военной среде, будь то армия или спецслужба, слово «товарищ» оставалось единственным обращением, если, конечно, не считать обращение по званию. Для Орлова это слово было дорогим и близким, и он нередко обращался так даже там, где оно уже давно стало не просто неупотребительным, а ругательным.

Филатов между тем продолжал:

— Произошедшие месяц назад события стали серьезным испытанием для новой российской государственности, проверкой, насколько наше общество способно противостоять силам, стремящимся повернуть развитие нашей страны вспять...

Андрей достал рабочий блокнот и стал тезисно записывать, что говорил Сергей Александрович. Привычка конспектировать лекции у него укоренилась с университетской скамьи, когда он умудрялся в сжатой форме, но достаточно близко к тексту, зафиксировать то, что говорил преподаватель.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Почему президент предпринял эти шаги?»

...Россия — неподготовленная (орг., мор.) пошла на реформы

(жизнь вынудила!)

- тактика реформ была встречена неоднозначно начиная с VI съезда стало очевидным — углубление раскола

+ амбиции некоторых руководителей (к-е находят в Лефорг. тюрьме)

- правовое поле сужалось

в любом случае — президент нарушал Конституцию

(бюджет — вел к гиперинфляции) СМИ — отдавались в руки оппозиции...» *(Из записей в рабочем блокноте А.П. Орлова, 13 ноября 1993 года.)*

Да, здесь Филатов был достаточно откровенен. К декабрю инфляция достигла невиданных ранее размеров. Доллар дорожал почти ежедневно. Если в начале года курс был 414 рублей за доллар, в середине года — чуть больше тысячи, то к декабрю 1993 года — 1229 рублей. По сравнению с советским временем доллар вырос в двадцать пять раз!

А цены! Каждая семья, каждый человек, за исключением тех, кто гужевался на разграблении государственного имуще-

ства, растаскивании собственности предприятий и многочисленных аферах, испытывал настоящий страх перед будущим, которое казалось беспросветным, сулящим большие беды. Хлеб, который всегда стоил копейки, вдруг стал стоить почти пятьсот рублей, сахар приблизился к восьмистам рублей за килограмм, а масло взлетело в цене почти до трех тысяч рублей, превратившись в недоступное для простого человека лакомство! Если даже в самые трудные времена упадка советской экономики колбаса по цене была доступна каждому, надо было только ехать в столицу или другой большой город, чтобы купить ее, то к декабрю девяносто третьего она могла быть по карману только бандиту с большой дороги или разжиревшему в результате махинаций с собственностью «новому русскому». Цена вареной колбасы в день, когда чекисты внимали выступлению руководителя президентской администрации, достигла трех с половиной тысяч рублей! Недоступные для российского офицера деньги!

Филатов, время от времени поглядывая в зал, продолжал объяснять сотрудникам органов безопасности, что единственным выходом из возникшей между президентом и Верховным Советом конфронтации был роспуск парламента, который никак не соглашался на разработку и принятие новой Конституции.

— Референдум показал, что расстановка сил в стране явно в пользу Президента Российской Федерации. Он пользуется полной поддержкой граждан России. Но в июле — августе надежды на мирный переход к новой системе власти были разрушены. Люди ждали новую Конституцию, а система Советов была тормозом на пути демократических преобразований...

Филатов говорил достаточно эмоционально, акцентируя внимание притихшей аудитории на том, что все действия

Ельцины были мотивированы исключительно заботой о народе, который уже не хотел возвращения в постылые советские времена.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «...Начался процесс блокирования и атаки (к импичменту)

• президент принял решение (единственно правильное!)

21.IX — Указ — возможность плавного перехода (мирное реформирование)

• это был широко запланированный заговор (через все возможности)

• события 3/4 числа — политики не справились с задачей

(вместо них — ВС¹)

...процессы приобрели опасный характер (безумие!)

...» *(Из записей в рабочем блокноте А.П. Орлова, 13 ноября 1993 года.)*

Было видно, что Филатов стремился убедить присутствующих в том, что октябрьские события были вынужденной мерой, что без этого не удалось бы сконструировать новое, более совершенное устройство российского общества. В противном случае страну ждал хаос и падение в пропасть.

ИНТЕРВЬЮ: «Корреспондент: Как вы считаете, на ваш взгляд, вы сделали все в последние сутки-двое, что было в ваших силах?

Филатов: Мы старались сделать все. Конечно, не все, если такие потери. Конечно, может быть, где-то

¹ ВС (сокр.) — Вооруженные силы.

были и промашки, но я должен сказать, что наши меры были вынужденные. Нас каждый раз вынуждали делать какой-то шаг...» *(Из интервью С.А. Филатова. 5 октября 1993 года.)*

Временами Сергей Александрович казался достаточно убедительным, особенно когда рассказывал о том, как будет работать новое Федеральное собрание, совсем не так, как Верховный Совет, концентрируя свое внимание на законотворчестве, а не на политическом противостоянии. Он живописал становление новой партийной системы, благодаря которой пять-шесть партий, сформировавших фракции Государственной думы, будут представлять интересы большинства социальных групп российского общества.

Когда Филатов высказывал осторожные прогнозы относительно результатов намеченных на 12 декабря выборов, зал отозвался легким шорохом: сотрудники органов безопасности всегда довольно скептически относились к прогнозам подобного рода.

— По нашим предварительным оценкам, президенту обеспечена поддержка 55% избирателей, примерно 20—25% составляют противники реформ. Ну, а остальные — это те, кто еще не определился...

В завершение своего выступления, перед тем как пожелать успехов всем «в нелегком труде», Филатов неожиданно сказал:

— Я с большим уважением отношусь к людям, работающим в министерстве безопасности...

Орлов, конечно, понимал, что Сергей Александрович сказал это, учитывая настроения сотрудников органов безопасности, в некотором роде компенсируя отсутствие подобных заявлений со стороны Ельцина. Вместе с тем,

Андрею хотелось думать, что сказанное Филатовым относится и к нему, поскольку он был одним из тех сотрудников, с кем руководитель Администрации Президента находился в самом плотном контакте.

После выступления вопросов у присутствующих в конференц-зале было немного. В основном они касались законодательного урегулирования деятельности органов безопасности, в том числе судебных санкций на осуществление оперативных мероприятий. Филатов отвечал в общем виде, стараясь не сказать ни «да» ни «нет». На вопрос же о том, сохранится ли раздробленность служб безопасности в нашей стране, в то время как в СССР был один КГБ, Филатов также ответил уклончиво:

— Мы находимся в переходном периоде. Пока существуют элементы подозрения, в том числе и в высших эшелонах власти, существование нескольких структур безопасности можно считать оправданным...

На этом встреча руководителя Администрации Президента с сотрудниками министерства безопасности закончилась. Голушко лишь кратко поблагодарил Филатова, заверив, что органы безопасности являются надежной опорой Президента Российской Федерации.

Вышедшие из конференц-зала сотрудники тихо переговаривались между собой, кто-то шутил, обыгрывая слова Филатова о недоверии в «высших эшелонах» к чекистам. А Орлову пришло на ум высказывание древнеримского философа Сенеки, которое он запомнил еще со студенческой скамьи: «Подозрения дают право быть вероломным». Органы безопасности с начала девяностых годов не раз испытали на себе справедливость этого высказывания. Разделение КГБ СССР на несколько служб после августовского путча, снятие с должности руководителя российского

Агентства федеральной безопасности Иваненко, верой и правдой служившего новой демократической власти, попытка объединения органов безопасности и внутренних дел в единую структуру с карикатурным названием «МБВД»¹, назначение главным чекистским начальником министра внутренних дел Баранникова — вот далеко не полный перечень высочайших решений, вызванных подозрением.

— Андрей Петрович, не ты писал доклад Филатову? — спросил начальник одного из управлений, когда Орлов уже выходил в коридор.

— Он, а кто же еще может так навести тень на плетень! — ответил кто-то за Орлова.

Андрей промолчал. С того момента, как он был прикомандирован к Администрации Президента, прошло всего лишь семь месяцев. Но за это время положение его изменилось кардинальным образом. Оказавшись на Старой площади, он вдруг впервые ощутил холодок настороженности со стороны его новых коллег, что, возможно, объяснялось традиционным отношением к сотрудникам органов безопасности. Некоторые, наверное, считали, что от Орлова надо держаться подальше, не откровенничать и не сближаться с ним. Словом, перейдя на новую ответственную работу, Андрей понимал, что еще долго, а может быть, никогда не сможет стать своим для окружающих его сотрудников.

С другой стороны, он заметил постепенно возникающее отчуждение между ним и товарищами по службе в министерстве безопасности. Многие считали, что он — «отре-

¹ МБВД (сокр.) — Министерство безопасности и внутренних дел — структура, образованная на основании Указа Президента России путем объединения Агентства федеральной безопасности и Министерства внутренних дел; просуществовала несколько недель.

занный ломоть», человек, интересы которого неразрывно связаны с теми самыми «высшими эшелонами власти», что, находясь там, он пользуется всеми привилегиями номенклатуры и далек от повседневных забот и тягот, которые окружали простого офицера в это тяжелое время.

О реальном положении, а главное о конкретном содержании работы Орлова практически никто даже и не подозревал, поскольку круг его служебного общения был достаточно узким и ограничивался руководителем Администрации Президента Филатовым, министром безопасности Голушко и его первым заместителем Степашиным, а также несколькими руководителями подразделений на Старой площади и Лубянке. Известная ему давно фраза «чужой среди своих» приобретала для Андрея вполне реальные очертания, нередко приводила его в состояние подавленности и ощущения одиночества. Но динамика происходящих событий не давала ему возможности надолго погружаться в собственные переживания. Новые задания и поручения заставляли Орлова, невзирая ни на что, активно включаться в работу, оставляющую для общения с женой и детьми лишь малую толику свободного времени.

16 декабря 1993 года, четверг, день.

Москва. Старая площадь.

Администрация Президента.

6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет № 735

— Андрей, я тебя позвал, чтобы сообщить приятное известие. — Начальник Управления кадров вышел из-за стола и, держа в руке папку, подошел к Орлову. Лицо Дмитрия Дмитриевича было торжественным и одновременно лукавым. Его выдавали глаза, чуть насмешливые и ироничные. Обращаясь к Орлову, которого он был выше на целую голову, так, что Андрею приходилось смотреть на него

снизу вверх, продолжил: — Сергей Александрович Филатов сегодня подписал распоряжение о поощрении группы сотрудников, которые работали в Белом доме. Держи! — Он протянул Орлову папку. Орлов быстро пробежал глазами текст распоряжения.

ДОКУМЕНТ: «За активное участие в выполнении специального задания руководства Администрации Президента Российской Федерации премировать в размере месячного оклада:

Кондюкова Валерия Александровича, специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента Российской Федерации;

Рабкина Анатолия Владимировича, зав. сектором Управления кадров Администрации Президента Российской Федерации;

Рубанова Николая Николаевича, консультанта Управления делопроизводства Администрации Президента Российской Федерации;

Орлова Андрея Петровича, первого зам. начальника отдела Управления кадров Администрации Президента Российской Федерации.

Руководитель Администрации

Президента Российской Федерации С. Филатов».

(Распоряжение Администрации Президента Российской Федерации от 16 декабря 1993 года, № 1488.)

— Поздравляю, — Румянцев крепко пожал руку Орлову. — Можешь взять себе, это — копия.

— Спасибо, Дмитрий Дмитриевич. — Орлов закрыл папку и улыбнулся: — Спасибо за высокую оценку нашей работы.

Сказав это, Андрей почувствовал некоторую неловкость. Он никак не хотел показывать своего разочарования такой неадекватной оценкой двухмесячной работы его группы, прямо скажем, в чрезвычайно сложных условиях. Работы, в результате которой удалось спасти большую часть документов, не допустить утечки важнейших сведений и не дать возможности злоумышленникам завладеть наиболее ценными из них. Впрочем, Дим Димыч, как за глаза называли Румянцева, этого не мог знать, поскольку Орлов докладывал всю информацию только Филатову и Голушко. И тем не менее Румянцев дал понять, что тоже не считает поощрение достаточным.

— Конечно, Андрей, президент мог бы... — Румянцев оборвал фразу на полуслове, подбирая подходящие слова. Но Орлов упрямился:

— Дмитрий Дмитриевич, и на том спасибо. Главное — решили поставленную задачу, а награда... Да, Бог с ней!

— Вот именно, Андрей. Поздравь от меня ребят. А тех, которые из министерства безопасности?

— Я доложил уже Голушко рапортом. Их обещают поощрить там.

— Ну и хорошо! Вы сделали большое дело, и совсем неважно, что об этом никто знает. Вы же сами знаете! Ладно, иди. Еще раз поздравляю.

Орлов вышел из кабинета начальника Управления кадров со смешанным чувством радости и горечи. Он понимал, что члены опергруппы рассчитывают на существенное поощрение, зная, что и за гораздо меньшие заслуги даются высокие награды.

Зайдя в свой кабинет, Андрей еще раз перечитал распоряжение и только тут обратил внимание на его номер — 1488.

«Странно, — подумал он, — почти как номер указа президента — 1400, с чего собственно и началось резкое обострение событий, приведшее к октябрьской трагедии. А, может быть, получать награду за все это не так уж и почетно? Мы всего лишь устраняли частичку тяжелых последствий этих страшных дней. Разве за это нас надо благодарить?»

От этих мыслей Орлову стало легко. Сидевшее внутри чувство разочарования постепенно вытеснилось осознанием того, что он и его команда всего лишь выполняли свой долг и рассчитывать на награды и поощрения не только неуместно, но и недостойно.

Страна мучительно приходила в себя от потрясений. Четыре дня назад состоялись выборы в Федеральное собрание и референдум о принятии новой Конституции, которые, впрочем, принесли новые неожиданности. Вместо прогнозируемой победы блока «Вся Россия» на первом месте оказалась ЛДПР, а на третьем — КПРФ. Расклад предпочтений общества в отношении Конституции оказался более успешным — за нее проголосовало почти 60% граждан. Но 40% проголосовали против!

За две недели до выборов Ельцин подписал указ, учреждающий новый герб страны — двуглавый орел, который спустился с неба на здание российской государственности по прошествии семидесяти шести лет после падения Российской империи. Накануне выборов, 11 декабря Президент России подписал аж два указа — о новом гимне России, для которого была выбрана красивая мелодия «Патриотической песни» Глинки, и о государственном флаге, которым стал бело-сине-красный триколор.

Об этом громогласно сообщали все средства массовой информации. Но об одном предстоящем событии не знал

практически никто, в том числе Орлов, хотя это событие должно было коснуться непосредственно каждого сотрудника органов безопасности.

21 декабря Ельцин подпишет указ об упразднении Министерства безопасности и создании Федеральной службы контрразведки, сокращенно — ФСК. За последние два года это будет уже шестая реорганизация спецслужбы.

ДОКУМЕНТ: «Об упразднении Министерства безопасности Российской Федерации и создании Федеральной службы контрразведки Российской Федерации»

«Система органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ-МБ оказалась неререформируемой. Предпринимаемые в последние годы попытки реорганизации носили в основном внешний, косметический характер. К настоящему времени стратегическая концепция обеспечения государственной безопасности Российской Федерации у Министерства безопасности Российской Федерации отсутствует. Контрразведывательная работа ослаблена. Система политического сыска законсервирована и легко может быть воссоздана.

На фоне происходящих в России демократических, конституционных преобразований существующая система обеспечения безопасности Российской Федерации изжила себя, неэффективна, обременительна для государственного бюджета, является сдерживающим фактором проведения политических и экономических реформ.

С целью создания надежной системы государственной безопасности Российской Федерации постановляю:

1. Упразднить Министерство безопасности Российской Федерации.

2. Создать Федеральную службу контрразведки Российской Федерации.

3. Установить, что Федеральную службу контрразведки Российской Федерации возглавляет Директор в ранге министра Российской Федерации и что он подчинен непосредственно Президенту Российской Федерации.

4. Назначить Голушко Н.М. Директором Федеральной службы контрразведки Российской Федерации.

5. Директору Федеральной службы контрразведки Российской Федерации Голушко Н.М. в двухнедельный срок разработать и представить на утверждение Президенту Российской Федерации Положение о Федеральной службе контрразведки Российской Федерации». (Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 21 декабря 1993 года № 2233.)

31 декабря 1993 года, пятница, ночь.

Москва. Крылатские Холмы. Квартира Орловых

— Оля, давай скорее! Ребята, за стол! Пять минут осталось! — торопил жену и детей Андрей.

На часах было без двадцати двенадцать. До начала Нового года оставалось совсем немного. Семья Орловых по традиции встречала его дома. Три часа назад к ним присхал дедушка — Новый год они всегда встречали вместе. Отец Андрея жил один на другом конце Москвы в их старой квартире на Сиреневом бульваре. Пятнадцать лет назад умерла мама, и отец остался в двухкомнатной квартире вместе с бабушкой, маминой мамой. Через некоторое время Андрей и Оля взяли бабушку к себе в Крылатское, где она через два года умерла в возрасте девяносто одного года.

В центре комнаты, как раз напротив телевизора, был накрыт стол. Позади, на фисгармонии, возвышалась елка, поблескивающая расписными шариками, зверюшками, сказочными фигурками и остроконечным золотистым шпилем. Электрических гирлянд и переливающихся бус на елке не было, отчего она выглядела довольно скромно. В то же время в комнате и холле были развешаны серебристые гирлянды, придающие квартире праздничный вид.

Рядом с письменным столом на небольшой тумбе у окна был виден корпус и монитор 286-го компьютера, гордость Орлова, совсем недавно появившаяся в доме. Уже довольно давно пользовавшийся достижениями компьютерной техники, Андрей только месяц назад смог позволить себе приобрести собственный ПК, да еще с довольно быстрым по тому времени однопроходным принтером.

Оля, все еще позвякивающая посудой на кухне, источающей аппетитные запахи запеченной в духовке буженины и жареной картошки, выглядела на редкость привлекательно — темно-коричневое переливающееся платье, обтягивающее ее стройную фигуру, черные босоножки, пышные волнистые волосы. Каждый раз, когда она появлялась в комнате с тарелками или каким-нибудь блюдом, на ее лице появлялась лукавая улыбка, заставляющая Андрея в какой уже раз восхищаться женой. Она, зная это, иногда незаметно для окружающих подмигивала ему, будто подтверждала, что у них с Андреем есть тайна, известная только им обоим.

Папа Андрея, уже пожилой мужчина с остатками седых волос на висках в прошлом офицер и участник войны, расположился на диване. Несмотря на свои семьдесят три года, он держался довольно бодро, постоянно расспрашивал о чем-то детей, пытался шутить. Правда, с

некоторых пор у него были частые приступы головной боли, от чего он иногда хватался руками за голову и сильно морщился.

Нина, которой ровно через три месяца должно было исполниться четырнадцать лет, все время подготовки новогоднего застолья помогала маме, а теперь послушно заняла место за столом, тихо переговариваясь о чем-то с дедушкой. Она вообще была довольно покладистой девочкой, старающейся все делать аккуратно и четко, очень упорной, если не сказать упрямой, в достижении какой-либо цели. Но одновременно с этим она всегда была замкнутым ребенком, не открывающим свои чувства даже самым близким людям, часто задумывалась о чем-то своем, не допуская внутрь своих переживаний никого, даже маму, с которой у нее были доверительные отношения. В своей легкой белой блузке она уже не казалась девочкой-подростком, а все больше и больше походила на юную «девушку с характером», как можно было бы ее назвать по одноименному и довольно старому кинофильму.

Сережа, который был на четыре года младше сестры, наоборот, отличался легким характером и веселым нравом. Он быстро отходил от всяких обид, с готовностью соглашался на разные странные предложения, которые делал папа, например, пойти воскресным утром в близлежащий лес и позавтракать там взятыми из дома бутербродами и чаем в термосе. В эти предновогодние минуты он фланировал по квартире, пытаясь догадаться, что принес Дед Мороз в большом пестро-зеленом мешке с надписью: «С Новым годом!», который висел в холле. Проходя мимо, Сережа каждый раз дотрагивался до мешка, на ощупь, проверяя, что же все-таки лежит в нем. В своем бежевом свитере с коричневым узорным рисунком, из-под ворота которого

виднелась белая рубашка, он не уступал остальным и тоже выглядел празднично.

На столе уже стояла бутылка шампанского, две вазы с яблоками, мандаринами, бананами, хурмой и грушами, а также тарелка с бужениной и копченой колбасой. Особую торжественность новогоднему столу придавала ананасовая шишка с пучком жестких зеленых листьев. Все это изобилие лишний раз подтверждало уже давно известную поговорку: «В магазинах — ничего, а на столе у каждого в доме — все».

Андрей зажег свечи на миниатюрной жестяной елочке с вертушкой, которая под воздействием тепла сразу начала вертеться, издавая мелодичный звон. По всему чувствовалось приближение Нового года. Наконец, все собрались за столом, как всегда ожидая выступления президента, а затем боя курантов на Спасской башне.

Всего лишь несколько минут назад закончился фильм «С легким паром!», который уже несколько лет подряд большинство жителей страны традиционно смотрели в капун Нового года. В ушах, казалось, еще звучали слова несчастного Ипполита: «Потрите мне спинку, пожалуйста!» По телевизору звучала торжественная мелодия. Наконец, на фоне российского флага, развевающегося над куполом здания Сената, который теперь именовался первым корпусом Кремля, появилась заставка «Новогоднее телевизионное поздравление Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина».

Еще немного, и на телевизионном экране появился президент. Ельцин был одет в темный костюм, белую рубашку и пестрый галстук. Как всегда, его седые волосы были тщательно уложены, речь размеренная и неторопливая. Позади Бориса Николаевича был какой-то странный занавес светло-салатового цвета и низкая подставка с гнутыми ножками,

на которой виднелось что-то вроде икебаны из словых веток и цветов. Ельцин старался говорить проникновенно, с чувством. В какой-то степени это у него получалось, но все равно ощущалось в его голосе едва заметное напряжение.

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «Дорогие друзья! Скоро часы на Спасской башне Кремля пробьют полночь, и мы проводим 1993 год. Каким бы он ни был, он останется в нашей памяти, он останется в истории. В этот непростой год гражданская война чуть было не опалила наши дома, не переступила порог нашего Отечества. Надеюсь, что из горьких событий извлекут уроки и политики и граждане страны...» *(Новогоднее телевизионное поздравление Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина 31 декабря 1993 года.)*

Андрей ожидал, что президент каким-то образом упомянет трагические события октября, может быть, вскользь. Но то, что он скажет о них именно так, назвав «горькими», пожалуй, не ожидал. И то, что из них должны извлечь «уроки и политики и граждане», звучало как-то по-новому. Это не очень укладывалось в логику заявлений и действий Ельцина в последние месяцы. Ультиматумы, нежелание идти на компромиссы, откровенная ненависть к тем, кто посмел отстаивать иную, чем его, позицию, и, наконец, отказ от любого разговора на тему амнистии находящихся в Лефортовской тюрьме «мятежников» — все это явно противоречило ноткам сожаления, появившимся в новогодней речи президента.

— Я думаю, другого варианта нет! — вдруг сказал Андрей. — Признать, что это была всеобщая трагедия и общенародное горе, выпустить всех и начать с чистого листа!

Все посмотрели на него удивленно: Сергей и Нина, совершенно не понимая, о чем вдруг заговорил отец, а папа, погруженный больше в свои мысли, среагировал на сказанное Андреем, как на что-то не имеющее отношения к речи президента. И только жена, которая, несмотря на то, что была далека от политики, поняла Андрея с полуслова:

— Амнистия?

Муж кивнул. Ельцин между тем продолжал свою поздравительную речь.

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...В уходящем году были и важные обретения — вступила в силу новая Конституция России, принятая всенародным голосованием. Она дает твердые основы для строительства демократического государства и свободного общества. Мы провели честные и свободные выборы, и я надеюсь, что люди, которые избраны в Федеральное собрание, будут всегда слышать свой народ, думать о благе России.

Сейчас, в разгар зимы, мы уверенно можем сказать: Россия с хлебом, с основными продуктами, и в наших домах будет тепло...»

«Да, — думал Андрей, — в России есть хлеб и основные продукты. Невелико достижение двух лет демократии! Или тоже спишем на Верховный Совет, который «ставил палки в колеса»? В Союзе многое было в дефиците, но что-то я не помню, чтобы были перебои с хлебом! На мой памяти ничего, подобного голоду тридцатых годов или в блокадном Ленинграде, не было. А ведь мы жили не только в Москве! И в Иркутске, и в Чите, и в Песчорах, даже в забайкальской степи!»

— Папа, а когда будет Новый год? — Нетерпение Сережи можно было понять. Весь новогодний ритуал сводился у него к получению подарков, которые ждали своего часа в мешке.

— Подожди немножко! — ответила за Андрея Оля. — Сейчас президент закончит выступать и будут бить куранты. Нетерпеливый какой!

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...В Содружестве Независимых Государств мы, наконец, вплотную подошли к пониманию того, что нам нужно быть вместе. Мы настолько неразрывно связаны историей, экономикой и единой судьбой, что жить врозь нам просто не дано. Да и наши народы этого не позволят...»

«Да, хорошие слова! Очень похоже на то, как говорил в свое время Горбачев. — Андрей помнил телевизионный репортаж из Литвы, куда Горбачев отправился в конце восьмидесятых. Он встречался с людьми в каком-то маленьком городке или сельском поселке, расспрашивал их о жизни. Правда, уже тогда Орлов заметил, что Михаилу Сергеевичу было совсем не важно, что ему отвечают жители. Для него было главным привлечь внимание к себе, сладкими речами буквально ввести в транс окружающих, которые с неимоверной радостью будут говорить, какой у нас Генеральный секретарь. Даже Бразаускас, первый секретарь ЦК Компартии Литвы, реально осознающий пагубность перестройки для целостности страны, скептически смотрел в будущее. А Горбачев тогда все долдонил: «Ну, куда же мы друг от друга. Мы обречены быть вместе!» — Болтун, потерявший ощущение реальности! Вот и Борис Николаевич туда же! «Наши народы этого

не позволят!» Еще как позволят! Союз развалился! Даже те, кого в принципе невозможно отделить от понятия русский — украинцы и белорусы, — и те теперь будут жить в отдельном государстве...» — такие горькие мысли проносились в голове у Андрея.

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Дорогие друзья! Сейчас по давней традиции большинство из вас дома, в кругу семьи, с детьми, родными и близкими. Многие встречают праздник с друзьями. Я желаю вам радости от общения друг с другом. Пусть друзья будут с вами не только в минуты радости, но и в трудные моменты. Так заведено в России, и хорошо, что эта традиция жива.

Не все встречают Новый год за праздничным столом. Давайте вспомним о них в эту новогоднюю ночь. Давайте вспомним о тех, кто охраняет наш покой, о тех, кто обеспечивает нормальную жизнь страны. И, конечно, о тех, благодаря кому всю ночь светятся экраны телевизоров и звучит радио.

В эту новогоднюю ночь особо хочу обратиться ко всем россиянам, которые сейчас вне пределов России. Дорогие соотечественники! Вы не отделимы от нас, а мы от вас. Мы были и будем вместе. Опираясь на закон и солидарность, мы защищали и будем защищать ваши и наши общие интересы. В новом 1994 году мы будем делать это с большей энергией и большей решимостью.

Желаю всем вам, дорогие россияне, чтобы наступающий год был прежде всего мирным. Сохранить мир в России — моя главная задача и как президента. Но я знаю, что без вашей поддержки сделать это будет невероятно трудно. Рассчитываю на вас в этом самом важном деле.

Желаю, чтобы Новый год принес в ваши семьи больше добра и спокойствия. Мы должны стать ближе друг к другу. Только вместе мы сможем победить нужду. Только вместе сможем защитить наш покой. Только вместе откроем будущее для наших детей.

Пусть наступающий 1994 год будет годом объединения, годом согласия, годом разума...»

— Тишка пришел! — Нина увидела кота, входящего в комнату. Он шел тихо, слегка поцокивая когтями, как маленькая лошадка. Тишка, большой серый кот тигрово-серебристой окраски, был всеобщим любимцем. Сам он больше всех любил Олю, откликался на ее зов, с удовольствием ложился рядом, а иногда даже, когда она спала, взбирался на грудь. По характеру он был добрым и спокойным котиком, мог с азартом поиграть с Андреем или Сережей, с удовольствием гулял на улице. В воскресные дни, когда Андрей не ходил на работу, они всей семьей шли гулять на Крылатские Холмы. Тишку вынимали из сумки и на поводке выгуливали, как собачку. Он нисколько не пугался, не пытался вырваться и безошибочно, только по одним ему известным признакам, находил дорогу домой.

Проснувшись от необычного шума в столь поздний час, кот с заметным удивлением смотрел на праздничное застолье. Он, как бы спрашивал: «Что это вы собрались в то время, когда надо спать?»

— Тоже хочет встретить Новый год! — пошутил дедушка.

Тишка сел посередине комнаты между столом и телевизором и посмотрел на Андрея.

— Пойду, принесу ему табуретку. Пусть посидит вместе с нами.

Типка сразу вспрыгнул на табурет. Теперь, уж, точно, вся семья была в сборе! А президент уже завершал свою новогоднюю речь.

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Желаю вам, дорогие соотечественники, чтобы в наступающем 1994 году достаток пришел в каждую семью. Как президент не пожалею усилий для этого. Пусть в наступающем году исполнятся ваши заветные мечты, воплотятся в жизнь идеи, которые до сих пор не удалось осуществить. Пусть тот, кто молод, встретит свою первую любовь, которая станет долгой и счастливой. А людям моего поколения желаю хороших и любящих детей и внуков. Будем радоваться их успехам. И пусть наши встречи с детьми происходят как можно чаще...»

— Ребята, сейчас будут бить куранты. Каждый должен задумать, что хочет, чтобы сбылось в наступающем году! — торжественно, даже немного с пафосом, произнес Андрей.

— Я хочу, чтобы... — начал, было, Сережа.

— Нет, не надо вслух! — Оля остановила сына. — Каждый думает про себя. Только тогда сбудется!

«Действительно, чего я хочу в новом году? Чего мне не хватает? — задавал себе вопросы Андрей. — Какое мое заветное желание? У меня все есть. — Он посмотрел на жену, на детей, на отца и с удивлением понял, что, как ни странно, доволен своей жизнью. — И все-таки надо что-то загадать! Хорошо! Хочу, чтобы в новом году мы с Олей чаще бывали вместе, чтобы Нина и Сережа не цапались друг с другом и нашли свой интерес в учебе, чтобы у папы перестала болеть голова, чтобы... — Андрей на мгновение

задумался. — Чтобы следующим летом нам всем вместе съездить в Хибины!»

Но загадывал желание не только Андрей. По выражению лица каждого из сидящих за столом, разумеется, кроме Тишки, была видна напряженная работа мысли.

Оля пожелала, чтобы в новом году Андрей чаще бывал дома и чтобы не было стрессов в его работе, как в этом году. Нина задумала научиться гребле на байдарке, что казалось ей очень заманчивым и интересным. Сережа загадал желание, чтобы в новом году ему купили большого робота-трансформера. Дедушка всего лишь делал вид, что загадал желание, а сам думал о том, как хорошо, что на старости лет он отмечает новогодний праздник не один в своей квартире, а вместе с сыном, его женой и внуками. Что еще нужно человеку для счастья?

Когда Ельцин уже заканчивал свою речь, Андрей стал открывать бутылку шампанского. Нина по традиции морщилась и как-то вся сжималась. С раннего детства она боялась, когда папа на Новый год открывал шампанское. Она даже с криком пряталась под стол, и только когда пробка вылетала из бутылки, а пенистый напиток заполнял фужеры, вылезала из-под него.

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Дорогие друзья! До встречи Нового года остается несколько секунд. Еще раз поздравляю вас с Новым годом. Счастья вам, здоровья и благополучия!»

С последними словами президента на экране появилось изображение Кремля, затем крупным планом часы на Спасской башне. После небольшого перезвона забили куранты. Андрей стал разливать шампанское. Все встали,

и с последним ударом зазвучал мелодичный звон бокалов. Раздались звуки нового гимна России, недавно утвержденного указом Ельцина.

— С Новым годом, ребята! — Андрей первым поздравил всех.

— Счастья и добро пусть будет в нашем доме! — поддержала его Оля.

— Нина, Сережа, счастья вам в Новом году! — дополнил дедушка.

Нина, слегка поморщившись, выпила полбокала шампанского, Сережа наоборот — допил свой бокал до последней капли.

По телевизору сразу начался праздничный концерт. Лайма Вайкуле вместе с толстяком Крыловым пела про «дево- дево- девочку, которая сразу прибежала бы ко мне», кто-то пел: «Милая моя, солнышко лесное», кто-то танцевал, кто-то шутил... В общем, ночное новогоднее веселье шло полным ходом.

Андрей, как бы незаметно вышел из комнаты, несколько раз нажал на звонок у входной двери, затем, подхватив два меша с подарками, снова вошел в комнату.

— Вот, Дед Мороз передал нам подарки!

Все встретили эту весть радостными возгласами, как будто удивлялись этому сказочному посланию. В семье Орловых уже давно, еще когда сам Андрей был ребенком, было заведено выставлять пустой мешок для подарков, куда каждый складывал свой подарок, как правило завернутый в бумагу. На свертках стояло: «Папе от Снегурочки», «Сереже от Деда Мороза», «Нине», «Оле» или «Маме» и «Дедушке». В этом таинстве участвовал каждый член семьи, независимо друг от друга, в том числе дети, которые клали в мешок рисунки, открытки или еще что-нибудь доступное для них.

Вот и сейчас появившиеся два мешка вызвали всеобщий восторг.

Доставать подарки доверили Сереже, который вынимал их, читал, кому подписан, и передавал адресату. Так в течение получаса они все вместе занимались разбором мешков и рассматриванием подарков. Все это сопровождалось радостными возгласами и демонстрацией перед всеми полученного от Деда Мороза.

Папа и мама получили рисунки с изображениями двух уток, плывущих по пруду с камышами, и уморительного щенка из какого-то мультфильма; Нина — перекидной календарь на 1994 год, дезодорант «Сантана», миниатюрный калькулятор на солнечных батареях, пестрые тапочки и «Библию в иллюстрациях»; Оля — ситечко для чая, колготки, фен и расписную чашку с блюдцем; Андрей — пару галстуков и одесолон; бабушка — теплый шарф. Но больше всех повезло Сереже. Помимо спортивного костюма и кепки, рыболовных снастей и четырех детских красочных книг, Дед Мороз принес ему... робота-трансформера, как раз то, о чем он мечтал под звон кремлевских курантов. Бывает же так — только задумаешь, и это тут же сбывается! Чаще всего так бывает в детстве.

Они еще долго рассматривали подарки и, только когда часы показывали половину второго, решили идти спать. Тишка все это время ворошил кучу бумажной упаковки от подарков, которая образовалась на полу. Потом, не дождавшись, видимо, подарка, ушел на кухню и залез в свою любимую коробку из-под бананов. Сережа и Нина скоро тоже улеглись и погасили свет у себя в комнате, бабушке постелили на диване в большой комнате, где стояла елка и работал телевизор. Через некоторое время там тоже погас свет и наступила тишина. После бурных поздравлений, наконец, все угомонились.

Скоро легли и Андрей с Олей. Несмотря на то что была глубокая ночь, на стенах в спальне играли отблески света. Большинство окон в их доме-башне еще светились. С улицы доносились веселые крики и пение. Народ праздновал Новый год.

— Ты не спишь? — спросила жена.

— Нет.

— О чем думаешь?

Андрей немного помолчал, потом ответил:

— Думаю, какой страшный год мы пережили! Ты знаешь, вот мы сейчас с ребятами разбирали подарки, радовались, поздравляли друг друга, смотрели концерт по телевизору... И вроде бы все хорошо! А у меня перед глазами все стоят те ужасные картины... Ревущая толпа на Смоленской площади, гогочущая и улюлюкающая публика у Белого дома в то время, как по нему стреляют танки, пулеметные очереди в центре Москвы, обезображенное здание парламента, выгоревшие кабинеты «стакана»...

— Какого стакана? — не поняла Оля.

— Так называют центральную часть Белого дома, возвышающуюся над основной, нижней частью... Не знаю, может быть, это такой термин, или кто-то придумал...

— Это ужасно!

— Что ужасно, Оля?

— Ужасно, что ты думаешь об этом и опять представляешь все, как было. Андрюша, так нельзя! Надо жить будущим. Все, прошлый 93-й год ушел. Забудь о нем! Сегодня уже первое января! Надо жить дальше!

— Да, ты права! Я постараюсь. Но думаю, этот год будет тоже нелегким.

— Поживем — увидим.

Андрей обнял жену, притянул к себе и совсем тихо сказал:

— Главное — у меня есть ты, ребята, ну и папа, конечно. Это важнее всего!

С улицы снова донеслись голоса. Нестройный хор выводил: «...И вот она нарядная на праздник к нам пришла, и много-много радостей детишкам принесла...». За окном продолжалось праздничное ликование.

* * *

Не только Москва, но и вся большая страна, все люди на Земле вступали в новый 1994-й год. Что он сулил миру, стране, семье Орловых? Этого тогда не мог знать никто.

Никто в нашей большой стране не мог знать, что вскоре будет объявлена амнистия участников октябрьских событий 1993 года и путча августа 1991 года; что Хасбулатов и Ручкой вместе со своими соратниками вскоре будут выпущены из Лефортовского следственного изолятора, а Генеральный прокурор Казанник подаст в отставку в ответ на упреки Ельцина; что министр безопасности Голушко будет уволен со своего поста, а его место займет Степашин; что в Балтийском море затонет паром «Эстония» с девятьюстами пассажирами на борту; что начнется крупнейшая в мире афера с продажей акций «МММ», которую организует Мавроди; что 11 октября наступит «черный вторник», превращающий российский рубль в пустую бумажку; что в конце года развернутся военные действия в Чечне, которые потом получат название первой чеченской войны...

Не могли еще тогда знать Андрей с Олей, что им все-таки удастся съездить летом всей семьей на Кольский полуостров, подняться на перевалы Хибинских гор, побывать у пограничников на полуострове Рыбачий и хребте Муста-

тунгури; что дочь Нина станет ходить в секцию на Гребном канале и довольно быстро овладеет приемами гребли, а Сережа пригласит на свой десятый день рождения понравившуюся ему девочку из класса; что дедушка закончит, наконец, работу во Дворце пионеров на 5-й Парковой и окончательно станет пенсионером; что Андрей оборудует на лоджии шкафы для хранения продуктов, будет назначен заместителем начальника Управления федеральной государственной службы Президента Российской Федерации и первый раз в составе делегации побывает во Франции.

1993 год навсегда ушел в прошлое, став страницей истории, а новый 1994-й только вступал в свои права. С наступлением утра жизнь пойдет своим чередом, не останавливаясь ни на минуту, дни побегут вереницей, мелькая как стеклышки в калейдоскопе. Нам бы остановиться на миг, посмотреть вокруг себя и понять, куда несет нас стремительное время. Но куда там! Спешим, зачастую не замечая, как проходим мимо чего-то очень важного для нас. Ясно лишь одно — идти вперед, не помня того, что было раньше, нельзя. Иначе мы будем совершать те же ошибки, что в прошлом совершали не только наши предшественники, но и мы сами.

Научно-популярное издание

Гриф секретности снят

Орлов Андрей

ОСЕНЬ 93-го

Черные стены Белого дома

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *Р.В. Зайнуллина*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.10.2013. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 9. Тираж 2000 экз. Заказ № 1949.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

c-mail: printing@r-d-p.ru www.printing.r-d-p.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ СЕКРЕТНОСТЬ СНИЖАЕТСЯ

В книге рассказывается о малоизвестных эпизодах, связанных с трагическими событиями октября 1993 года, когда политическое противостояние между двумя ветвями власти привело к кровавым столкновениям в самом центре столицы.

Автор повествует о работе опергруппы сотрудников Министерства безопасности РФ и Администрации Президента, которые, решая поставленные перед ними сложные задачи, сделали все для того, чтобы предотвратить ущерб национальной безопасности нашей страны, не дать праворадикальным элементам и представителям иностранных спецслужб воспользоваться обстановкой в своих интересах. Будучи непосредственным участником описываемых событий, автор повествует об обстановке, предшествовавшей расстрелу Белого дома, рассказывает о том, что произошло 3–4 октября, дает свою интерпретацию действиям сторон и последствиям противостояния. В книге приводятся многочисленные документальные материалы, выдержки из публикаций, свидетельства очевидцев и воспоминания участников. По известным причинам имена и фамилии некоторых действующих лиц изменены, а отдельные фрагменты происходящего представляют собой своего рода попытку исторической реконструкции.

События, описываемые в книге, являются продолжением многих эпизодов того времени, ранее рассказанных автором в книге «Докладывать мне лично. Тревожные весна и лето 1993 года», вышедшей в издательстве «Вече» в начале 2013 года.

ISBN 978-5-9533-5295-6

9 785953 352956

